

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXVIII-й.

АВГУСТЬ.

1907 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Прѣздѣ генерал-адъютанта Наполеона I, графа Марбомма, въ Вильну, въ мѣс. 1812 года.	Сообщ. К. Косинскій	219—235	
II. Дѣлъ статьи И. И. Надеждина, написанныя по поводу „Философического письма“ П. Я. Чадніева.	237—258		
III. Изъ неизданныхъ стихотворений Н. В. Щербины.	Сообщ. И. Дортеръ	259—265	
IV. Марина Минишко и вторая самозванщица.	267—282		
V. Къ исторіи Грузіи. Сообщ. Н. Натвирцій	283—289		
VI. По Россіи и Польши въ исходѣ XVIII вѣка	291—307		
VII. Изъ исторіи крѣпостного права. В. А. Штейна	309—310		
VIII. Записки графа Ламберго на. Война съ Турцией 1806—1812 гг. Е. Ка-ловского	311—329		
IX. Къ биографіи Петра Яковлевича Чадніева. Сообщ. Василий Чижиковъ	333—335		
X. Переможное. Л. Д.	336—342		
XI. Исторія король. Сообщ. В. Крохаль	343—362		
XII. Воспоминанія о Харьковскомъ университѣтѣ.			
		1823—1829 гг. Сообщ.	
		Л. Ничипоровскій	363—400
		XIII. Челобитная. Сообщ. Савинъ	401—414
		XIV. Материалы по истории ма- сонаства въ прежней рус- ской арміи. Сообщ. Тицка	415—432
		XV. Изъ записной книжки «Русской Старины»:	
		а) Докладъ графа И. И. Дубича о А. А. Зандров- скомъ. Сообщ. Мих. Соколо- вскій	433—439
		б) Письмо М. Д. Скобел- еву Д. А. Скапону	440—446
		в) Письмо М. М. Измай- лову изъ кн. А. Б. Нура- кину. Сообщ. А. И. Мур- ковскому	447—453
		г) Показанія пленныхъ фран- цузовъ и поляковъ, взя- тыхъ въ пленъ генераль- майоромъ Дорожковымъ въ нонѣ мѣсяцѣ 1812 г.	
		Сообщ. Мих. Соколо- вскій	454—472
		д) Излишнее рееніе Но- го начальника. Сообщ. Мих. Соколо-вскій	473—484
		XVI. Библиографический ли- стокъ (на обратной)	

Приимается подпись на „Русскую Старину“ изд. 1907 года.

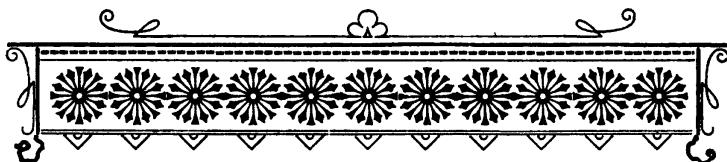
Можна получить журналъ за вспомогательную сумму, смотря 4-ю страницу обертки.
Приемъ посылается редакціи по адресу: Санкт-Петербургъ, улица Белинского, 17
отъ Редактора или помощника Редактора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типография «Надежда», Апраксинъ пр.

1907

pawet.net

По России и Польшѣ въ исходѣ XVIII-го вѣка.

Путевые впечатлѣнія англичанина.

1779—1785 г.г. ¹⁾.

Оть Кракова до Варшавы.—Представленіе Станиславу Августу.—Королевскій замокъ.—Загородный дворецъ.—У князя Поянтовскаго.—Fête champêtre въ Повонзкахъ.—Бесѣда съ королемъ.—Вторичное посѣщеніе Варшавы.—Стѣнное материальное положеніе короля.—Его подчиненіе Россіи.—Жизнь Станислава-Августа въ Петербургѣ.—Отношеніе къ нему императора Павла.—Кончина короля.

Я никогда не видалъ столь мало интересной мѣстности, какъ оть Кракова до Варшавы; на всемъ пути нѣть ни одного предмета, который могъ бы привлечь вниманіе самаго любознательнаго путешественника. Ровная, лишь мѣстами холмистая мѣстность поросла необразимыми мрачными лѣсами; вездѣ на горизонтѣ виденъ лѣсъ. Сосны и ели перемѣшаны съ буками, березами и мелкимъ дубомъ; въ лѣсныхъ просекахъ виднѣются пастища, и тамъ и сямъ жалкія поля. Всюду царствуетъ безмолвіе; мѣстность пустынна, мало населена и мало культуры. Хотя мыѣхали оть Кракова до Варшавы почтовымъ трактомъ, но на протяженіи 258 миль встрѣтили всего двѣ кареты и около двѣнадцати телѣгъ. Эта мѣстность весьма мало населена: изрѣдка, на большомъ разстояніи попадаются деревушки съ деревянными домами, своимъ жалкимъ видомъ вполнѣ гармонирующія съ общимъ характеромъ этой унылой страны. Въ этихъ деревушкахъ путешественникъ можетъ найти пристанище только въ еврейскихъ

¹⁾. Travels in Poland, Russia, Sweden and Denmark by William Cox. London. 1802.

харчевняхъ, которыхъ ничѣмъ не обставлены и лишены всякаго удобства. Мы рѣдко могли получить отдельную комнату, а обыкновенно помѣщались въ одной комнатѣ со всей семьей; по части провизіи, яйца и молоко были для насть самой большой роскошью, да и это мы не всегда могли получить; вмѣсто постели мы спали на соломѣ, набросанной прямо на полу, и считали себя счастливыми, если она была чистая. Даже мы, люди не избалованные, издавна привыкшіе ко всякаго рода неудобствамъ, чувствовали себя несчастными въ этой пустынной странѣ. Въ другихъ странахъ мы прерывали свое путешествіе на ночь, чтобы видѣть все достойное вниманія; но тутъ въ этихъ грязныхъ и зловонныхъ харчевняхъ мы такъ страдали, что предпочитали йтать безостановочно. Мѣстные жители крайне бѣдны, принижены и несчастны; они толпились около насть, когда мы останавливались, и просили милостыню съ самыми отвратительными ужимками.

Дорога содержалась въ самомъ первобытномъ состояніи; мѣстами по ней съ трудомъ можно было пройтись; въ болотистыхъ мѣстахъ она была завалена палками и вѣтвями и цѣльными стволами, наброшенными поперекъ дороги. Совершивъ утомительное путешествіе, мы подѣхали наконецъ къ Варшавѣ; такъ какъ дорога была все такой же непроязжей, поля также худо обработаны, и предмѣстія города состояли изъ такихъ же лачугъ, какъ деревушки, которыхъ мы встречали по пути, то мы и не подозрѣвали, что подѣхаемъ къ столицѣ Польши до тѣхъ поръ, пока мы не очутились у ея воротъ.

Варшава расположена не особенно красиво; частью на ровномъ мѣстѣ, частью на болѣе высокомъ берегу Вислы. Городъ и его предмѣстія раскинулись на большое пространство; но въ немъ всего на все отъ 60 до 70 тысячъ жителей, въ томъ числѣ много иностранцевъ. Видъ города унылый—вслѣдствіе страшнаго контраста между богатствомъ и бѣдностью, роскошью и убожествомъ. Улицы Варшавы широкія, но плохо вымощены, и еле-еле освѣщены висящими кое-гдѣ одинокими фонаремъ; церкви и общественные зданія большія и великолѣпныя; дома магнатовъ роскошны; но большая часть домовъ, въ особенности въ предмѣстіяхъ, походить на небольшія убогія хижины.

Такъ какъ англійскій посланникъ Броутона былъ на дачѣ, то мы отнесли наши рекомендательныя письма оберъ-гофмаршалу графу Ржеусскому; онъ принялъ насть очень вѣжливо и сказалъ, что мы будемъ представлены (королю) въ воскресенье, во время утренняго выхода. Мы отправились къ этому времени ко двору и были вве-

нѣ въ аудіенцъ-залъ, украшенное бюстами королевы англійской

Елизаветы, короля французского Генриха IV, Яна Собесского и русской императрицы.

Наконецъ появился король, и мы были ему представлены. Его величество говорилъ съ каждымъ изъ наась довольно долго и весьма привѣтливо; онъ отзывался съ большой похвалою объ Англіи, упомянувъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ о своемъ пребываніи въ Лондонѣ и въ заключеніе пригласилъ наась къ ужину, о чемъ мы уже были предупреждены оберъ-гофмаршаломъ.

Станиславъ-Августъ хороши собою; у него выразительное, смуглое лицо, римскій носъ, проницательные глаза; онъ очень обходителенъ, привѣтливъ, но держитъ себя съ достоинствомъ. Онъ былъ въ статскомъ платьѣ; я упоминаю объ этомъ потому, что онъ первый изъ польскихъ королей не носилъ національного костюма и не брилъ голову по польскому обычаю. Его примѣру нашлись подражатели, и я былъ не мало удивленъ, увидавъ, что весьма немногіе magnati носятъ національный костюмъ. Поляки, приверженные къ старинѣ, такъ дорожатъ своимъ національнымъ уборомъ, что на послѣднемъ сеймѣ было предложено включить въ *Pacta conventa* статью, обязывающую короля носить польское платье; но это не было утверждено сеймомъ, и ему было предоставлено руководствоваться личнымъ вкусомъ. Во время коронаціи, вопреки древнему королевскому церемоніалу, король появился въ платьѣ современного покроя съ развязавшимися по плечамъ волосами.

Оставивъ національный костюмъ, король поступилъ очень не осмотрительно. Онъ очень дорожилъ своей вѣшнностью и не хотѣлъ острічъ своихъ длинныхъ вьющихся волосъ, поэтому онъ заручился свидѣтельствомъ доктора о томъ, что потеря волосъ отразится на его здоровье. Современный покрой его одежды напоминалъ одежду французскихъ королей; она была бархатная, отдѣланныя горностаемъ и вышитая ліліями. Вслѣдствіе отступленія отъ стариннаго національнаго костюма король до нѣкоторой степени утратилъ любовь народа.

По окончаніи выхода мы осмотрѣли королевскій замокъ, построенный Сигизмундомъ III, со времени которого онъ былъ резиденцией польскихъ королей.

Замокъ стоитъ на высокомъ берегу Вислы, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки; изъ оконъ открывается прекрасный видъ на рѣку и окрестную мѣстность. Подлѣ аудіенц-залы находятся комнаты, отдѣланныя мраморомъ и, какъ гласитъ надпись, посвященная королевѣ памяти его предшественниковъ; *Regum Memoriae dicavit Stanislaus Augustus hocce monumentum, 1771.* Портреты польскихъ королей расположены въ хронологическомъ порядкѣ: начиная съ Воле-

слава и кончая нынѣ царствующимъ королемъ, портретъ которого еще не оконченъ. Всѣ эти поясные портреты писаны Бакарелли и исполнены художественно; портреты болѣе древнихъ королей наброшаны по описаніямъ; портреты Владислава II и большинства его преемниковъ представляютъ копіи съ оригинала. Они очень интересны и представляютъ своего рода любопытную генеалогическую таблицу. Въ этой комнатѣ король угощаетъ по четвергамъ обѣдомъ выдающихся ученыхъ и писателей; его величество самъ сидитъ за столомъ и ведеть бесѣду. Приглашенные читаютъ доклады по истории, естественнымъ наукамъ и другимъ предметамъ; такъ какъ въ настоящее время пересматривается сводъ законовъ, который будетъ представлять на разсмотрѣніе ближайшаго сейма, то на этихъ собранияхъ обсуждаются его отдельныя статьи и вопросы общаго законодательства и польской конституціи. Король поощряетъ всѣ попытки, дѣлаемыя къ разработкѣ польскаго языка, который въ царствованіе двухъ предыдущихъ королей, не говорившихъ по-польски, былъ въ большомъ пренебреженіи. На этихъ собранияхъ посвящается много времени чтенію поэтическихъ произведеній, такъ какъ король большой любитель поэзіи.

Вечеромъ намъ было милостиво предложено посѣтить загородный королевскій дворецъ, стоящій въ роскошномъ паркѣ, въ окрестностяхъ Варшавы. Онъ состоять изъ зала и четырехъ комнатъ, расположенныхъ въ нижнемъ этажѣ, и ванной комнаты, отъ которой онъ получилъ название *la Maison de Bain*; въ верхнемъ этажѣ такое же число комнатъ убрано съ большей роскошью. Король принялъ насъ въ замѣ весьма благосклонно: при приемѣ присутствовали его братъ, два племянника и нѣсколько магнатовъ обоего пола изъ числа его приближенныхъ. Было разставлено два стола для виста; тѣ, кои не играли въ карты, расхаживали по комнатѣ или стояли; король рѣдко играетъ въ карты; онъ бесѣдовалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ. Въ половинѣ десятаго былъ поданъ ужинъ; мы послѣдовали за королемъ въ соседнюю комнату, где стоялъ небольшой круглый столъ съ восемью приборами; ужинъ состоять изъ одного горячаго блюда и дессерта. Его величество сѣлъ за столъ, но ничего не кушалъ; онъ принималъ живое участіе къ разговорѣ, но не говорилъ одинъ за всѣхъ. Послѣ ужина мы возвратились въ зало; нѣкоторые усѣлись снова за карты, мы же, изъуваженія къ королю, продолжали стоять до тѣхъ поръ, пока его величество не предложилъ намъ сѣсть, сказавъ, что „намъ будетъ удобнѣе бесѣдоватъ, размѣтившись вокругъ стола“. Мы усѣлись и продолжали непринужденно бесѣдоватъ до полуночи, когда король удалился. Уходя, онъ приказалъ одному изъ придворныхъ показать намъ все, что въ Варшавѣ заслуживаетъ вни-

манія иностранца. Эта необычнаѧ любезность преисполнила насть признательности и была только началомъ еще большихъ почестей.

5 августа. Мы имѣли честь обѣдать съ его величествомъ въ томъ же загородномъ дворцѣ, и намъ было оказанъ столь же милостивый и любезный приемъ. До этого король говорилъ по-французски, но тутъ онъ сдѣмалъ мнѣ честь заговорить со мною на англійскомъ языке, на которомъ онъ говорить совершенно свободно. Онъ ото-звался въ самыхъ лестныхъ и сочувственныхъ выраженіяхъ объ англійскомъ народѣ, и удивилъ меня обстоятельнымъ знакомствомъ съ нашей конституціей, законами и исторіей; всѣ его замѣчанія были дѣльны, вѣрны и рациональны. Онъ хорошо знакомъ съ произведеніями нашихъ выдающихся писателей; его восторженное преклоненіе передъ Шекспиромъ было доказательствомъ его основательного знакомства съ англійскимъ языкомъ и того, что онъ понимаетъ красоты нашихъ поэтическихъ произведеній. Онъ много разспрашивалъ о состояніи науки и искусства въ Англіи, и говорилъ съ восторгомъ о покровительствѣ, которое нашъ монархъ оказываетъ имъ. Откланившись, мы посѣтили другіе загородные дворцы, въ которыхъ король проживаетъ временно. Всѣ они построены въ разныхъ стиляхъ, съ большимъ вкусомъ и изяществомъ. Его величество большой любитель архитектуры; онъ самъ составляетъ планы зданій и даже набрасываетъ рисунки внутреннихъ украшений.

Вечеромъ мы имѣли удовольствіе посѣтить брата е. в., князя Понятовскаго, который пригласилъ насть на прелестный праздникъ, устроенный имъ въ саду по близости отъ его дворца.

Мы приѣхали въ садъ около девяти часовъ; послѣ жаркаго, душнаго дня наступилъ восхитительный вечеръ; погулявъ въ паркѣ, мы подошли къ искусственному гроту, по бокамъ котораго журча ниспадающій въ бассейнъ фонтанъ. Какъ только всѣ сѣхались въ этотъ очаровательный уголокъ, появился король: мы встали навстрѣчу ему; послѣ обычныхъ привѣтствій, мы сопровождали е. в. въ прогулкѣ по парку и, вернувшись въ гротъ, усѣлись на скамью изъ моха. Восшедшая луна придавала много прелести этому зрелицу. Мнѣ пришло слѣдчайно сидѣть подлѣ короля (етикета тутъ не соблюдалось), который говорилъ со мною какъ обыкновенно по-англійски объ искусствѣ, наукѣ, литературѣ и исторіи. Во время этой бесѣды я рискнулъ задать вопросъ о польской поэзіи. Е. в. отвѣчалъ: „мы имѣемъ недурнаго мелкія стихотворенія и посредственную эпическую поэму; но лучшее поэтическое произведеніе на нашемъ языкѣ—это прекрасный переводъ „Освобожденного Йерусалима“ Тасса, которое стоитъ несравненно выше всѣхъ переводовъ этой безподобной поэмы на другихъ языкахъ; некоторые итальянцы, которымъ нельзя отказать во

вкусѣ и въ пониманіи, считаются его по слогу не ниже оригинала". Я перевѣль разговоръ на историческія сочиненія; король сказалъ, что у нихъ нѣтъ на своеѣ языкахъ хорошей исторіи Польши; онъ считаетъ это болѣшимъ проблѣмъ, но выразилъ надежду, что этотъ проблѣмъ будетъ вскорѣ пополненъ, такъ какъ надъ исторіей Польши работаетъ теперь человѣкъ высоко образованный и большого ума (епископъ смоленскій Нарушевичъ), какъ нельзѣа болѣе подходящій для этой работы. Когда я выразилъ удивленіе по поводу столь страннаго обстоятельства, то е. в. замѣтилъ: „мы имѣемъ несмѣлько прекрасныхъ историковъ, но всѣ они писали по-латыни; у насъ всѣ знаютъ этотъ языкъ; до царствованія Сигизмунда-Августа законы писались по-латыни; при немъ ихъ стали писать на польскомъ языкѣ; всѣ древніе *Pacta conventa* написаны по-латыни; при Владиславѣ IV они появились впервые на польскомъ языкѣ". Этотъ интересный разговоръ былъ прерванъ княземъ, предложившимъ пройтись передъ ужиномъ по саду; онъ пошелъ впередъ; всѣ слѣдовали за нимъ, пройдя по длинному, извилистому подземному коридору, тускло освѣщенному лампами, которыя бросали мерцающій свѣтъ; мы подошли къ дверямъ, которыя напоминали входъ въ какую-то лачугу, дверь отворилась, и мы увидѣли великолѣпную ротонду, съ изящнымъ симметричнымъ куполомъ, освѣщенную безчисленными лампами; полуокругомъ были расположены четыре ниши, раздѣленные колоннами изъ искусственнаго мрамора, въ нишахъ стояли диваны, стѣны были расписаны фресками, изображавшими торжество Вакха, Силенуса, Любви и победу русской императрицы надъ турками. Въ то время какъ мы осматривали чудную отдѣлку этой ротонды, раздалась восхитительная музыка, исполняемая невидимымъ оркестромъ, и какъ бы по волшебству была накрыта роскошный столъ. Мы усѣлись за ужинъ вмѣстѣ съ королемъ, принцемъ и избраннымъ обществомъ. Мы были въ восторгѣ отъ красоты зала, гостепріимства принца и благосклонности короля, который не только не стѣснялъ общество, но оживлялъ его своимъ веселымъ характеромъ и былъ его душою. Я не запомню такъ пріятно проведенного вечера; разговоръ былъ оживленный и остроумный; король могъ бы считаться самымъ пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ въ Европѣ даже въ томъ случаѣ, если бы его не осыпалъ блескъ короны; у него всегда имѣется изумительный запасъ интересныхъ разговоровъ, всякий разъ какъ я имѣлъ честь быть въ его обществѣ, я обогащался свѣдѣніями и уходилъ отъ него въ восторгѣ.

Я неоднократно восторгался изяществомъ и роскошью, съ какой обставлены дома и дачи польскихъ магнатовъ, относительно отдѣлки домовъ и меблировки они затмили англичанъ и французовъ; они

очень изобрѣтательны по части удовольствій, и такъ какъ они не жалѣютъ денегъ и обладаютъ вкусомъ, то имъ удастся устраивать очаровательные празднества.

Намъ приходилось ежедневно пользоваться ихъ гостепріимствомъ и любезностью, но нигдѣ намъ не было предложено столько развлечений, какъ на *fête champêtre* у княгини Чарторыйской, который я попытаюсь описать.

Повонзки—загородный дворецъ князя Адама Чарторыйского находится въ трехъ миляхъ отъ Варшавы, въ лѣсу; мѣстность почти ровная; только кое-гдѣ встрѣчаются маленькия отлогости, которыя пріятно разнообразятъ ландшафтъ. Паркъ разбитъ въ англійскомъ вкусѣ; великолѣпные лужайки смыкаются группами деревъ, по лѣсу и по берегу хорошенъкої рѣчки проложены дорожки.

Домъ стоять на небольшомъ пригоркѣ и похожъ на избу, сложенную изъ бревенъ и крытую соломой: кромѣ главнаго дома есть нѣсколько отдѣльныхъ домовъ для дѣтей и челяди; каждый домъ окружены палисадникомъ и заборомъ; они производятъ впечатлѣніе разбросанной деревушки. Въ паркѣ построены бесѣдки, павильоны, навѣсы, руины; конюшни построены въ видѣ полуразрушенного амфитеатра. Поэтические мостики, сдѣланные изъ стволовъ и вѣтокъ, придаютъ много прелестей этой сельской картинѣ.

Пріѣхавъ къ княгинѣ, мы отправились въ домъ, гдѣ она уже ожидала насъ. Мы предполагали, что ея домъ убранъ въ родѣ крестьянской избы, и были не мало изумлены роскошью и изяществомъ обстановки и предметами роскоши, которые могъ собрать только человѣкъ богатый и одаренный вкусомъ. Всѣ комнаты отдѣланы самыми роскошными образомъ; особенно поражаетъ роскошью ванная комната; ея стѣны покрыты маленькими квадратами изъ дрезденскаго фарфора, полъ и потолокъ расписаны великолѣпными гирляндами; отдѣлка этой комнаты стоила неимовѣрныхъ денегъ, ибо каждый квадратикъ фарфора стоитъ въ Дрезденѣ три дуката. Осмотрѣвъ всѣ комнаты, мы прошли въ загороженное мѣсто подъ дома, которое было окружено большими кусками гранита и срубленными деревьями, разставленными самыми живописными образомъ; тутъ мы пили чай на лужайкѣ. Затѣмъ прошли въ домики, гдѣ помѣщаются дѣти княгини; они построены въ разныхъ стиляхъ, но всѣ одинаково изящно.

Гуляя по парку, мы подошли къ роскошной турецкой палаткѣ, стоявшей на лужайкѣ близь развалинъ амфитеатра. Эта палатка принадлежала нѣкогда великому визирю и была захвачена во время послѣдней русско-турецкой войны: внутри ея стоялъ дивант; на полу былъ разстланъ коверъ. Тутъ мы бесѣдовали до сумерекъ, когда

княгиня предложила намъ вернуться въ домъ, и провела насть черезъ всѣ комнаты къ маленькому холмiku, гдѣ горѣла роскошная иллюминація. Мостикъ, перекинутый черезъ широкій прудъ, былъ густо усаженъ нѣсколькими тысячами разноцвѣтныхъ лампочекъ, которыя отражались въ водѣ; эффектъ былъ поразительный; казалось, будто въ воздухѣ повисъ какой-то блестящій кругъ. Пока мы любовались этими прелестными зѣблищемъ, стоявшій по близости оркестръ услаждалъ нашъ слухъ своей игрою. Затѣмъ насть повели по иллюминированному мостику къ навѣсу, который поддерживался колоннами обвитыми гирляндами цвѣтовъ; тутъ была приготовлена холодная закуска, и насть попросили къ столу заставленному всевозможными яствами, дорогими винами и фруктами. Вечеръ былъ восхитительный, зѣблище было поэтичное, угощенье самое утонченное; всѣ были весело настроены, да и могло ли быть иначе, когда наша прелестная хозяйка, съ присущимъ ей вкусомъ и изобрѣтательностью, сдѣала все возможное для увеселенія своихъ гостей?

Поужинавъ, мы встали изъ-за стола, и я думалъ, что пора было разѣхаться по домамъ; но насть ожидали новыя развлеченія: внезапно въ саду зажглась иллюминація; мы разбрелись по саду и наслаждались звуками духовой музыки, игравшей въ разныхъ концахъ сада. Затѣмъ мы перешли обратно по мостику и возвратились въ домъ, гдѣ двѣ старшія дочери княгини, въ изящныхъ греческихъ костюмахъ исполнили граціозныи польскій и казацкій танецъ. Старшій сынъ княгини, мальчикъ лѣтъ восьми, протанцоваль съ большимъ увлеченіемъ характерный англійскій и мѣстный польскій танецъ. Былъ уже третій часъ ночи; такъ какъ всему бываетъ конецъ то мы простились съ хозяйкой, поблагодаривъ ее отъ всего сердца за доставленное удовольствіе. Невозможно себѣ представить болѣе восхитительного fête champêtre; я увѣренъ, что едва-ли кому-нибудь можетъ выпасть счастье видѣть подобный праздникъ два раза въ жизни.

Наканунѣ нашего отѣзда мы обѣдали у епископа Плоцкаго, брата короля, въ его Яблоновскомъ имѣніи, въ восьми миляхъ отъ Варшавы на берегу Вислы; домъ, въ которомъ онъ жилъ, построенъ по плану короля и на его счетъ. Одна изъ комнатъ, называемая турецкой залой, замѣчательна по изяществу и оригинальности; продолговатая, очень высокая, она убрана въ восточномъ вкусѣ, посреди бѣть фонтанъ, окруженный цвѣтникомъ; вдоль стѣнъ разставлены турецкие диваны. Ароматъ великолѣпныхъ цвѣтовъ всевозможныхъ оттѣновъ и журчанье прозрачнаго какъ хрусталь фонтана производятъ чарующее впечатлѣніе; все это вмѣстѣ ваяетъ эту комнату очаровательнымъ уголкомъ въ жаркіе лѣтніе дни.

Вечеромъ мы отправились съ княземъ Станиславомъ къ его величеству, увѣренные въ томъ, что мы проведемъ время самыи пріятнѣи образомъ; но намъ отравляла удовольствіе мысль, что это послѣдній вечеръ, который мы проводимъ въ обществѣ этого монарха. Слѣдующій разговоръ свидѣтельствуетъ о его человѣко-любіи: „Вы осматривали тюремы, сказаъ онъ, я боюсь, что вы нашли ихъ въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи“.

Говорить обо всѣхъ замѣченныхъ мною недостаткахъ, коль скоро я зналъ, что король не могъ устранить ихъ, было бы съ моей стороны невѣжливо. Поэтому я старался смягчить свой отвѣтъ, замѣтивъ, что въ иѣкоторомъ отношеніяхъ онъ обставлены лучше, нежели въ Англіи,—что было вполнѣ справедливо. „Меня удивляетъ“, возразилъ король, „что нація, справедливо славящаяся своимъ человѣко-любіемъ, пренебрегаетъ столь важной отраслью администраціи“.

Тогда я рѣшился, со всевозможной осторожностью, указать на одинъ недостатокъ, замѣченный мною въ Варшавскихъ тюремахъ, который е. в. могъ бы устранить, а именно, я указалъ на то, что въ тюремахъ не было лазаретовъ для арестантовъ; я извинился за сдѣланное мною замѣченіе, которое было вызвано состраданіемъ къ этимъ несчастнымъ. „Всегда пріятно слышать, когда защищаютъ несчастныхъ“, отвѣчалъ король. Я никогда не забуду этихъ словъ, которые были сказаны съ такимъ чувствомъ, что они видимо шли отъ чистаго сердца. Разговоръ коснулся новаго свода законовъ, который должны были представить на утвержденіе сейма; король съ видимымъ удовольствіемъ говорилъ о законахъ, которые должны были улучшить судопроизводство и сдѣлать его болѣе беспристрастнымъ. „Счастливые англичане“, воскликнулъ король, „вашъ домъ уже отстроены, а постройка моего дома еще только начинается“.

Послѣ ужина, который прошелъ такъ же пріятно, какъ и все остальное время, мы откланялись королю. Е. в. освѣдомился, какимъ путемъ мы пойдемъ далѣе, и указалъ намъ все, что заслуживало на этомъ пути вниманія.

„Ваше величество не упомянули о фабрикахъ, устроенныхъ по вашему повелѣнію въ Гродно“, осмѣлился я замѣтить. „Для англичанина, видѣвшаго фабрики у себя дома, сказаъ онъ, онъ не представлять ни малѣйшаго интереса ни въ какой-либо иной странѣ, тѣмъ болѣе въ Польшѣ, гдѣ люди пытаются отвращеніе къ торговлѣ. Фабрика, основанная въ Гродно, есть только начало, я смотрю на нее лишь какъ на залогъ осуществленія моихъ намѣреній въ будущемъ“. Я упомянула также о новомъ уставѣ Виленскаго университета.

„Васъ вводить въ заблужденіе сходство названій, сказалъ онъ. Англійскій университетъ стоитъ настолько же выше подобныхъ учрежденій въ другихъ странахъ, насколько ваша нація стоитъ выше остальныхъ въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ. Виленскій университетъ является только прообразомъ того, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ долженъ бы быть, но осмотръ его не можетъ быть особенно интересенъ для путешественника“.

Выразивъ свое сожалѣніе по поводу того, что мы такъ скоро уѣзжаемъ изъ Варшавы, король удалился, пожелавъ намъ счастливаго пути.

Таковы были замѣтки, занесенные мною въ записную книжку въ Варшавѣ въ 1779 г.; во вторичное посѣщеніе мною этой столицы въ 1785 г. я могъ добавить къ этому весьма немногое“.

Посѣтивъ Варшаву вторично въ 1785 г., В. Кохъ записалъ въ свое мѣсяцемъ дневникѣ 29 мая: „Описавъ однажды мое представление Станиславу-Августу и оказанный имъ мнѣ пріемъ, я не буду повторять, какихъ знаковъ благоволенія и вниманія я удостоился отъ этого монарха, и какой любезный пріемъ былъ оказанъ мнѣ и этотъ разъ польскими магнатами.“

Во время моего первого пребыванія въ Польшѣ она была какъ бы русской провинціей, управлявшейся намѣстникомъ Екатерины II. Вліяніе короля было такъ ничтожно, что всякий разъ какъ освобождалась какая-нибудь должность, даже во дворцѣ короля, ее замѣщали не иначе какъ съ вѣдома и согласія русскаго посланника. Говоря мнѣ объ этомъ, графъ Штакельбергъ присовокупилъ: „Надняхъ, напр., меня замучили разговорами по поводу смерти одного пажа“.

Другой случай, переданный мнѣ тѣмъ же лицомъ, еще нагляднѣе свидѣтельствуетъ объ огромномъ вліяніи, какое Россія имѣть на Польшу, и о крайне зависимомъ положеніи ея короля. Штакельбергу было повелѣно императрицей помочь королю и добиться того, чтобы сеймъ ассигновалъ известную сумму денегъ на уплату его долговъ, доходившихъ до 10.000.000 флориновъ; посланнику было приказано дѣйствовать тайно, и только въ крайнемъ случаѣ заявить о своемъ желаніи открыто. Король хотѣлъ обратиться къ сейму съ просьбою объ ассигнованіи этой суммы, но, убѣдившись въ оппозиціонномъ настроеніи его главныхъ вождей, онъ счѣль благоразумнѣе просить объ ассигнованіи всего 7.000.000 флориновъ. Но всѣ такъ возстали противъ этого, что онъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ. На другой день, рано утромъ, друзья короля сообщили русскому посланнику, что е. в. въполномъ отчаяніи, и просили его употребить все свое вліяніе на сеймъ, на что онъ согласился и лостигъ желаемаго.

По этому поводу я долженъ привести одинъ любопытный анекдотъ, который я не рѣшался разсказать въ то время, когда дѣйствующія въ немъ лица еще были живы, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ о крайней чувствительности короля и показываетъ, до какой степени онъ стѣснялся въ присутствии русскаго посланника. Когда король показывалъ намъ свой загородный дворецъ, и мы проходили съ нимъ въ сопровождении графа Штакельберга по верхнему этажу, я увидѣлъ въ библиотекѣ на столѣ книгу, содержащую главные акты, касающіеся раздѣла Польши (*Recueil des déclarations notes et faits principaux qui ont précédé et accompagné la Diète Confédérée depuis le 18 septembre 1772 jusqu'au 14 mai 1773*). Когда я выразилъ желаніе познакомиться съ документами, относящимися къ этому знаменательному событию, и обратился съ этой просьбою къ его величеству на англійскомъ языкѣ, то король прервалъ меня, приложивъ палецъ къ губамъ, какъ будто прося меня замолчать, и прошелъ въ другую комнату. По окончаніи ужина одинъ изъ придворныхъ провелъ меня въ библиотеку. Войдя въ нее, я засталъ короля одного; онъ стоялъ подъ столомъ.

„Я замѣтилъ“, сказалъ онъ, указывая на книгу, „что васъ очень интересуетъ эта книга. Вамъ показалось, быть можетъ, что я нѣсколько рѣзко прервалъ ваши вопросы; но мнѣ не хотѣлось говорить объ этомъ при русскомъ посланникѣ“. Затѣмъ дрогнувшимъ голосомъ въ крайнемъ возбужденіи онъ упомянулъ объ угрозахъ прусскаго, австрійскаго и русскаго дворовъ.

„Если бы я имѣлъ время разсказать вамъ исторію этого богатаго событиемъ времени, сказалъ онъ, и вы бы знали, какія угрозы дѣяль мнѣ русскій посланникъ, и до какой степени я былъ увѣренъ въ томъ, что, отказавшись подписать актъ раздѣла, я погублю свою семью, то это послужило бы мнѣ оправданіемъ въ томъ, что я не выказалъ достаточной твердости, въ чёмъ меня обвиняли. Эта книга содержитъ главные акты этого злополучнаго договора; они оправдываютъ мое поведеніе. Вы найдете въ ней декларацию посланниковъ трехъ державъ, отвѣты польскихъ министровъ и четыре рѣчи, произнесенные мною на сеймѣ, изъ коихъ увидите, что я не скрывалъ своихъ чувствъ и открыто выразилъ свое отвращеніе къ акту раздѣла“. При этомъ онъ повторилъ вступительныя слова рѣчи, произнесенной имъ 10-го мая, и съ особеннымъ ударениемъ произнесъ слова, коими онъ обратился къ народу съ вопросомъ, нарушилъ ли онъ хоть разъ одну изъ статей *Pacta Conventa*.

Опять такъ волновался, вспоминая объ этомъ, что у него упалъ голось, и по его щекамъ покатились слезы; схвативъ книгу, онъ

далъ ее мнѣ въ руки, присовокупивъ: „это мое единственное оправданіе, прочтите ее и судите мое поведеніе; я счастливъ, что могу подарить ее англичанину, котораго я уважаю“. Онъ поклонился, и я вышелъ.

Впечатлѣніе, произведенное на меня этой сценой, никогда не изгладится изъ моей памяти, и я сохраняю эту книгу какъ реликвию на память объ этомъ благородномъ и несчастномъ монархѣ.

(Записано въ дневникѣ Кокса, іюня 1-го 1801 года).

Польши болѣе не существуетъ! Уничтоженіе избирательной монархіи и учрежденіе новой конституціи на основѣ наслѣдственной монархіи, которая подала народу радужныя надежды на освобожденіе отъ иноzemнаго вліянія, были кратковременны. Когда Великобританія, забывшаяся объ освобожденіи Польши, прекратила свою вооруженія противъ Россіи и Австріи была вовлечена въ распрю съ Франціей, то Польша была окончательно предоставлена своей судьбѣ. Императрица Екатерина II, продиктовавъ миръ туркамъ, соблазнила короля прусскаго, предложивъ ему Данцигъ и Торнъ, которые поляки не соглашались уступить ему, въ видѣ вознагражденія за гарантіи съ его стороны ихъ новой конституціи. Въ резулѣтатѣ Польша была наводнена русскими и прусскими войсками, вынуждена отказаться отъ прежней конституціи и подчиниться новому раздѣлу, который былъ совершенъ въ 1793 г. и лишилъ ее половины ея населенія и доходовъ.

Когда Польша очутилась въ этомъ нелѣпомъ положеніи, безъ арміи, безъ доходовъ и безъ единодушія, то горсточка смѣльчаковъ, подъ предводительствомъ Косцюшки, сдѣлала отчаянное усиленіе, чтобы отстоять независимость страны. Но это войско, послѣ кратковременныхъ успѣховъ, было разбито превосходными силами русскихъ и пруссаковъ; король былъ вынужденъ отречься отъ престола, и страна была раздѣлена между Россіей и Австріей.

Всѣ эти события слишкомъ хорошо известны, чтобы стоило повторять ихъ, но интересна судьба доблестнаго монарха, вся жизнь котораго была рядомъ самыхъ необычайныхъ и бѣдственныхъ событій.

Станиславъ, послѣ своего отреченія отъ престола, проживалъ въ Гродно, какъ бы въ качествѣ военно-плѣбінаго. Его значительные долги были уплачены, и онъ получалъ ежегодно 200.000 дукатовъ. На выраженное имъ желаніе уѣхать изъ королевства, гдѣ онъ не хотѣлъ жить въ качествѣ подданнаго, императрица предложила ему

дворецъ въ Москвѣ, но онъ просилъ позволенія уѣхать въ Римъ, гдѣ нашли себѣ пріютъ многіе монархи, лишившіеся престола, и гдѣ его любовь къ искусству могла смягчить его горе по поводу утраты короны. Получивъ это позволеніе, онъ уже собирался въ путь, но ему пришлось отказаться отъ этого плана, вслѣдствіе вторженія въ Италию французовъ. Тогда онъ выразилъ желаніе перѣѣхать въ Митаву, но въ это время скончалась императрица Екатерина II; тогда Станиславъ обратился съ тою же просьбою къ Павлу. Императоръ отвѣтилъ ему собственноручно, приглашая его въ Петербургъ; король счелъ это приглашеніе за приказаніе и не посмѣлъ ослушаться.

Станиславъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ 1797 г. и по повелѣнію императора поселился въ Мраморномъ дворцѣ.

Въ первую зиму императоръ и весь дворъ относились къ нему съ уваженіемъ и предупредительностью, и Станиславъ со свойственнымъ ему добродушіемъ принималъ, видимо съ удовольствіемъ, участіе въ великолѣпныхъ празднествахъ, которыя русскіе дворянѣ устраивали для столъ знатнаго иностранца. Онъ бывалъ запросто у сановниковъ; о его бывшемъ величиѣ напоминало при этихъ посѣщеніяхъ лишь присутствіе въ передней двухъ пажей, но съ того момента, какъ онъ вступалъ въ комнату, онъ выдѣлялся отъ прочихъ посѣтителей, лишь какъ самый любезный членъ общества, по-прежнему любилъ театръ, и частные спектакли, устраиваемые знатью, доставляли ему, повидимому, большое удовольствіе; онъ даже устроилъ въ Мраморномъ дворцѣ небольшую опену.

Большое развлеченье доставляла ему его любовь къ произведеніямъ искусства; ему было разрѣшено составить коллекцію изъ немногихъ произведеній, уѣлѣвшихъ при всеобщемъ разгромѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей были приобретены императоромъ (Павломъ) въ даръ; другія были распределены по разнымъ дворцамъ; двѣ статуи изумительной работы были поставлены въ великолѣпной георгіевской залѣ, какъ подарокъ Станислава, поднесенный въ то время, когда онъ пользовался гостепріимствомъ Павла I.

Когда погода и здоровье позволяли, то король катался по утрамъ верхомъ на своей маленькой любимой лошадкѣ, которая находилась у него уже нѣсколько лѣтъ и, какъ онъ зачастую вспоминалъ съ любовью, служила ему въ самые критические моменты его жизни. Въ этихъ прогулкахъ его сопровождалъ адъютантъ, конюшій, пажи, многочисленная свита; жители Петербурга оказывали ему такія же почести, какъ членамъ царской фамиліи. Но онъ соблюдалъ всѣ эти церемоніи, только повинуясь желанію императора, а не потому, чтобы подобный королевскій кортежъ доставлялъ ему какое-либо удовольствіе.

Для лѣтніяго пребыванія бывшаго короля польскаго, императоръ назначилъ Каменноостровскій дворецъ, въ которомъ онъ самъ жилъ въ бытность свою великимъ княземъ. Живя въ этомъ дворцѣ, Станиславъ посѣщалъ сосѣднихъ помѣщиковъ, бывалъ при дворѣ въ Гатчине и юздила на празднества въ Петергофскій дворецъ.

Семейство короля состояло изъ его сестры, вдовы подольского воеводы Ивана Замойскаго, ея дочери и зятя, который былъ его гофмаршаломъ, его незаконнаго сына Цихотскаго, бывшаго его адъютантомъ, ксендза француза и двухъ камергеровъ. Эти господа да два—три лица, занимавшихъ при немъ официальные должности, обѣдали вмѣстѣ съ королемъ. Прочія лица свиты выросли при немъ и служили ему съ неизмѣнной преданностю, не взирая на всѣ превратности судьбы. Въ числѣ ихъ былъ глухонѣмой, который, изучивъ привычки своего монарха и обладая большимъ умомъ, какъ это бываетъ нерѣдко съ обиженными природою людьми, былъ полезенъ королю, исполняя приказанія, которыхъ иной, менѣе преданный человѣкъ не могъ бы выполнить.

Подчиняясь мѣстному обычаяу, король обѣдалъ въ три часа; иногда онъ давалъ обѣды, на которые сбѣжалось не мало постороннихъ лицъ, но обыкновенно къ его столу приглашалось всего нѣсколько человѣкъ, коихъ онъ допускалъ въ свой интимный кругъ; въ такомъ тѣсномъ кругу онъ былъ самымъ любезнымъ и словоохотливымъ хозяиномъ.

Послѣ обѣда всѣ немедленно удалялись. Король уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ онъ оставался до тѣхъ поръ, пока его камердинеръ не докладывалъ ему о пріѣздѣ посѣтителей; тогда онъ возвращался въ зало. Тотчасъ составлялся кружокъ; всѣ толпились около него, никто не осмѣшивался сѣсть; король подходилъ то къ одному, то къ другому, сблюдая какъ бы нѣкоторый придворный этикетъ. По окончаніи этой церемоніи, король, если не предстояло какихъ-нибудь особенныхъ развлечений, уходилъ снова въ кабинетъ; вечеромъ онъ принималъ близкихъ знакомыхъ и иногда угощалъ ихъ музыкой, которую онъ очень любилъ. Эти часы отдохновенія представляли особенный интересъ для тѣхъ, кои имѣли честь составлять его интимный кружокъ, такъ какъ въ это время дня его бесѣда была болѣе непринужденна и благодаря его любезности, утонченному вкусу и разсказамъ изъ его богатой событиями жизни, оставляла неизгладимое впечатлѣніе.

Его расположение къ Англіи оставалось неизмѣннымъ; его особенно интересовалъ нашъ домашній бытъ и практическое примѣненіе тѣхъ конституціонныхъ началь, съ которыми онъ былъ знакомъ изъ книгъ. Король всегда упоминалъ съ большимъ сочувствіемъ

объ Оксфордскомъ университѣтѣ, и быль чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что онъ быль имъ удостоенъ ученой степени.

Онъ быль пораженъ, просматривая экземпляръ университетскаго устава, показанного ему однімъ англичаниномъ. „Я быль изумленъ“, сказаль онъ, „тѣмъ, что такое ученое общество, какъ Оксфордскій университетъ, имѣть такой обветшалый статутъ. Но тутъ проиходить то же самое, что съ вашей конституціей; хотя въ ней сохранилось много архаическихъ статей, но на практикѣ все идетъ прекрасно. Ничто такъ не говорить въ пользу здраваго смысла англійской націи, какъ тотъ фактъ, что вы въ состояніи приложить конституціонную мѣрку ко всему, и что въ то время, какъ ваши законы кажутся иностранцу крайне спутанными, на дѣлѣ изъ нихъ вытекаетъ строгій порядокъ“. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ онъ замѣтилъ: „Ваші писанные законы кажутся иностранцу мало обѣщающими; но они поражаютъ его въ примѣненіи на практикѣ. Намъ знакомы съ вами страны, которые имѣютъ прекрасные писанные законы (онъ намекалъ очевидно на сводъ законовъ Фридриха II и Екатерины II); но при ихъ практическомъ примѣненіи они весьма мало служать на пользу подданнымъ“.

Станиславъ тщательно избѣгалъ всякаго намека на свой королевскій сантъ и на событія своего злополучнаго царствованія; если ему приходилось случайно вспомнить прошлое, то его охватывало такое волненіе, и онъ видимо такъ скорбѣлъ обо всемъ, что собесѣдники считали долгомъ перемѣнить разговоръ.

Еще болѣе волновали его изъявленія преданности со стороны поляковъ, которые, входя въ комнату, когда у него собирались близкіе, хватали его руку и цѣловали ее съ изъявленіемъ восторженной преданности. Трудно передать, какія горестныя чувства волновали при этомъ каждый разъ низверженаго съ престола монарха.

Такова была съ виѣшней стороны частная жизнь короля во времія его пребыванія въ Петербургѣ. Положеніе его значительно ухудшилось плохимъ состояніемъ его финансій и причудливымъ поведеніемъ Павла.

Хотя онъ получалъ аккуратно свою ежегодную пенсію въ размѣрѣ 200.000 дукатовъ, но ему доставляло не мало заботъ, когда кредиторы, ссудавшіе его деньгами въ то времія, когда онъ нуждался, требовали уплаты долга; или когда къ нему обращались съ просьбою о помощи или обѣ уплатѣ жалованья тѣ, кои служили ему вѣрою и правдою и бѣдствовали изъ-за него. Чуть не каждая почта приносила ему письма изъ Польши отъ его приверженцевъ съ просьбами о присылкѣ денегъ, которыхъ онъ не въ состояніи былъ удовлетворить.

Бывшему монарху приходилось терпѣть униженія со стороны своего равнаго [руssкаго императора, чтѣ чрезвычайно огорчало его. Первое время Павелъ осыпалъ его знаками вниманія и уваженія; но какъ только первое впечатлѣніе отъ его появленія въ Петербургѣ улеглось, несчастный монархъ то и дѣло сталъ подвергаться оскорблѣніямъ, и хотя это кажется совершенно невѣроятнымъ, но его заставляли показываться въ обществѣ только для того, чтобы оскорблять его.

Онъ былъ вынужденъ присутствовать при коронованіи императора въ Москвѣ и выслушать чтеніе акта, коимъ часть его королевства присоединилась къ Россійской имперіи. Во время этой церемоніи, ослабѣвъ отъ утомленія и волненія чувствъ, онъ осмѣялся прислониться къ своему креслу, но императоръ простоявши чтеніе акта и послалъ своего адъютанта сказать ему, чтобы онъ всталъ. Въ послѣдній годъ его жизни неудовольствіе Павла обрушилось на всѣхъ тѣхъ, кои осмѣливались приблизиться къ нему; поэтому русскіе совсѣмъ перестали являться къ бывшему королю во дворецъ, и его посыпали почти исключительно одни иностранцы и кое-кто изъ его бывшихъ подданныхъ. Ихъ присутствіе видимо ободряло его, и онъ считалъ каждое ихъ посѣщеніе скорѣе знакомъ расположенія, нежели вниманія.

Казалось, будто король переносилъ суровое обращеніе императора Павла добродушно и хладнокровно; но у себя дома онъ такъ страдалъ, что это нельзя передать словами. Онъ потерялъ сонъ; окружающіе слышали по ночамъ, какъ онъ тяжко стоналъ, рыдалъ, взывалъ къ небу и своими возгласами приводилъ въ ужасъ тѣхъ, кто спалъ въ соѣднѣй комнатѣ.

За нѣсколько дней до смерти король какъ бы примирился со всѣмъ и съ видимымъ удовольствіемъ принималъ снова участіе въ развлеченіяхъ маленькаго кружка своихъ приближенныхъ. Въ день смерти онъ всталъ въ обыкновенное время, напился кофе и удалился въ извѣстное мѣсто, гдѣ съ нимъ случился апоплексический ударъ, и гдѣ онъ пролежалъ довольно долго. Когда его нашли въ такомъ положеніи, медицинская помощь оказалась бесполезной; онъ обнаруживалъ лишь слабые признаки жизни и произносилъ только какія-то безвязныя слова на французскомъ языке, которые были истолкованы присутствующими, какъ желаніе пригласить духовника. Когда явился ксендзъ и произнесъ молитвы, то король видимо усердно молился, а затѣмъ впалъ въ безпамятство и вскорѣ скончался. Это событие, прескіпшее рядъ польскихъ королей, случилось 12 февраля 1798 г.

На слѣдующій день тѣло было набальзамировано и положено на

парацюомъ одѣ, а затѣмъ похоронено въ католической церкви съ отданіемъ королевскихъ и военныхъ почестей. Павелъ самъ командовалъ гвардейскими войсками, присутствовавшими на похоронахъ; онъ ожидалъ верхомъ у рѣшетки Мраморного дворца и при приближеніи гроба обнажилъ голову и отдалъ покойному честь. Когда печальная процессія прибыла въ костель, была отслужена торжественная обѣдня, и исполнена любимая музыка короля, сочиненная по его желанію и никогда еще не исполнявшаяся публично.

Семейство короля уѣхало изъ Петербурга, а изъ его придворныхъ одни были взяты къ большому двору, а другіе получили по-жизненные пенсіи. Его вещи были проданы съ аукціона, даже его одежду постигла эта унизительная процедура. Къ чести русскихъ надоѣло сказать, что они выказали свое уваженіе къ бывшему королю, собравъ въ память деньги на дѣла благотворительности. Его любимая лошадка была куплена за значительную сумму денегъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ИСКУМЕРСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXVIII-й

СЕНТЯБРЬ.

1907 годъ

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Россия и Болгария. Сборник П. Шаренского	140—157	II. Записки графа Даукерса о Войне с Францией 1806—1812 гг. Г. Коневского	158—184
III. 25 летъ учреждения Абхазской академии проф. И. А. Шляпкина. Сборник И. А. Шляпкина	158—175	III. История кирасы. Сборник В. Бородавко	184—192
IV. Къ истории 1812 года. Сборник П. А. Аксаковского	176—183	IV. Къ прохождению въ армии Михаила Н. А. Мининова по проекту Финляндскому полку подъ флагомъ императора 1885—1887 г. Сборник А. Н. Григорьева	192—215
V. Марина Мнишкова и вто- рой симонланецъ	216—224	V. Ильинъ и Поповъ изъ войска XVIII века	215—224
VI. Воспоминания Д. А. Скли- зюка. Сборник Г. А. Скли- зюка	226—236	VII. Материалы по истории ма- сонарии въ прежней рос- сийской армии. Сборник Григо- рия Григорьевича	236—253
VII. Россия и Англия въ нача- ле царствования импера- тора Николая I. Сборник проф. В. Александровича Б. О.	236—244	VIII. Изъ записной книжки Русской Старинъ: а) Не оставленные въ фон- дахъ Государственной библиотеки СССР б) Выдержки изъ офици- ального формулярного гла- зунка за 1815 годъ. Сборник Г. Г. Добжанской	253—288
VIII. Вероятность А. Д.	257—265	IX. Доказательства Г. Г. Добжанской	288
IX. Къ истории Грузии. Сборник П. Загорянского	266—274	X. Библиографический ин- дексъ для изданій	
X. Издѣстіе о преображеніи въ Римъ въ 1774 и 1775 годахъ, изъ звѣзда- ческаго Епископа именемъ новившаго себѣ личную римскую империю Епифанія Петровича	275—283		

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1) Портретъ И. А. Шляпкина

2) Репродукція гравюры «Аллегорія Ильи Софіи» отъ Музея
императора Александра III въ Париже.

Приимается подписка на „Русскую Старину” изд. 1907 года.

Можно погодить журнальную подписку годъ, съвери Альбомъ обер-Гартмана.

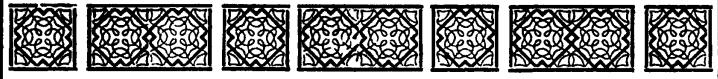
Промѣнъ по телеграфу, репродукции, гравюры, и т. д. по ценамъ
отъ 1 руб. до 3 руб. по каталогу.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство «Надежда», Маркская, 10,

1907

По Россії и Польшѣ въ исходѣ XVIII-го вѣка.

Путевые впечатлѣнія англичанина.

1779—1785 г.г. ¹⁾.

III.

Дворецъ въ Виллановѣ.—Янъ Собѣскій.—Интриги королевы.—Раздоры и интриги въ его семье.—Осмотръ достопримѣчательностей Варшавы.—У графини Браницкой.—Гродно.—Ботанический садъ.—Осмотръ фабрикъ.—Обѣдъ и вечеръ въ кругу польскихъ избирателей.

6 августа 1779 г. Мы провели весь день въ Виллановѣ, гдѣ обѣдали у князя Чарторыйского, дяди короля. Это почтенный человѣкъ лѣтъ около сорока, строго придерживающійся правиль старинаго гостепріимства: его постоянно сопровождаетъ собственная стража; я упоминаю объ этомъ не потому, что это составляло его особое преимущество, какъ человѣка, занимавшаго высшія должности въ государствѣ; я хочу замѣтить кстати, что каждый польскій дворянинъ имѣть право держать столько человѣкъ стражи, сколько онъ въ состояніи прокормить. Князь Чарторыйскій держитъ открытый столъ, за который рѣдко садится менѣе двадцати или тридцати человѣкъ. Онъ имѣть около 100.000 ф. ст. годового дохода, и его образъ жизни вполнѣ соответствуетъ этому огромному состоянію. Виллановъ построенъ Яномъ Собѣскимъ, побѣдителемъ турокъ, и былъ любимой резиденціей этого великаго монарха, гдѣ онъ жилъ, отдыхая отъ походовъ, и гдѣ скончался. Дворецъ, проданный послѣ его смерти, перешелъ къ семейству Чарторыйскихъ и былъ предоставленъ временно въ распоряженіе Августа II, который значительно увеличилъ его. Фасадъ украшенъ барельефами, изображающими главныя побѣды Собѣскаго и исполненными вѣроятно по повелѣнію Августа I, ибо Собѣскій былъ слишкомъ скроменъ, чтобы воздвигать себѣ памятники.

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1907 г., августъ.

Славное, само по себѣ, царствованіе Яна Собѣскаго пріобрѣтаетъ еще болѣе блеска, если сравнить его съ мрачной эпохой предыдущаго и послѣдующаго царствованій, которыхъ были потрясены внутренними смутами; какъ человѣкъ выдающагося ума, онъ сумѣлъ побѣдить духъ мятежа и анархіи, и подъ его управлѣніемъ Польша освободилась отъ бѣдствій, которыхъ такъ долго угнетали ее, и обрѣла вновь прежній блескъ: таково вліяніе великаго и возвышенаго ума. Нѣть надобности распространяться о его воинской доблести, достаточно вспомнить побѣду, одержанную имъ подъ Хотиномъ, завоеваніе Украины, неоднократное пораженіе, нанесенное туркамъ и татарамъ, и освобожденіе Вѣны отъ власти турокъ. Въ то же время его уваженіе къ законамъ и конституціи страны, врожденное краснорѣчіе, любовь къ литературѣ, знакомство съ иностранными языками, привѣтливость, умѣренность и хладнокровіе вызывали всеобщій восторгъ. Но монархъ, сумѣвшій успокоить народное волненіе, не былъ въ состояніи водворить миръ въ своей собственной семье; онъ держалъ въ страхѣ самыхъ грозныхъ враговъ, но самъ совершенно подпалъ подъ вліяніе своей супруги, француженки¹⁾, женщины чрезвычайно красивой и изящной, но страшной интриганки, которая была скуча и безгранично честолюбива. Эта безнравственная женщина поселила между его дѣтьми духъ зависти и раздора; она поддерживала систему управлѣнія, которую называли въ наимѣшку еврейской юнтою, и ввела въ управление королевскимъ домомъ такую строгую экономію, которая совершенно не соотвѣтствовала достоинству могущественнаго монарха, однимъ словомъ, цѣльмъ рядомъ самыхъ злополучныхъ мѣръ она лишила своего супруга любви его подданныхъ, и Собѣскій подъ конецъ своего славнаго, нѣкогда, царствованія былъ ими ненавидимъ въ такой же степени, какъ онъ былъ прежде любимъ.

Послѣдніе дни жизни Собѣскаго были омрачены печалью. Онъ былъ тяжело болѣнъ (у него были подагра, каменная болѣзнь, астма и подъ конецъ водянка) и вмѣсто того, чтобы находить утѣшеніе въ окружающихъ, видѣлъ много горя вслѣдствіе постоянныхъ распри между его дѣтьми и интригъ своей супруги. Утрата имъ любви окружающихъ и недостойная интриги, которая велись при выборѣ ему преемника, не мало огорчили человѣка столь чувствительнаго, какимъ былъ Собѣскій. Но его подданные вмѣсто того, чтобы

¹⁾ Marie de la Grange, дочь Henry de la Grange's капитана гвардіи Филиппа Орлеанскаго Franv'os' д'itla Chartre была фрейлиной королевы Луизы, супруги Владислава IV. Она была сперва замужемъ за кн. Радзивилломъ и мѣсяцъ спустя послѣ его смерти обвѣничалась съ Яномъ Собѣскимъ, которому прислали въ приданое большое состояніе и милостивое расположеніе монарха.

оплакивать его потерю, видимо ей радовались. Передъ отѣзdomъ изъ Варшавы мы осмотрѣли разныя достопримѣчательности, которыя обыкновенно показываютъ иностранцамъ. Во дворцѣ мы видѣли монеты и медали, имѣющія отношеніе къ исторіи Польши. Большая часть этой коллекціи пріобрѣтена графомъ Мазинскимъ, незаконнымъ сыномъ Августа III, который подарилъ ее королю.

Самая старинная монета выбита въ 999 г., въ царствованіе Болеслава I, вскорѣ посѣтъ того какъ въ Польшѣ начали чеканить монеты. На ней ёсть изображенія моиарха, но съ одной стороны изображеніе польскій орелъ, а съ другой—корона. Собрание монетъ, вплоть до царствованія Сигизмунда I, весьма неполно, но далѣе имѣются монеты съ изображеніемъ всѣхъ королей за исключеніемъ Генриха Валуа, въ кратковременное царствованіе котораго въ Польшѣ не чеканилось монетъ; очень любопытна монета прусского герцога Альберта Бранденбургскаго.—Поверхъ прусскаго орла изображена буква С. въ доказательство того, что онъ былъ подвластенъ Сигизмунду. Хороша медаль, выбитая въ честь Яна Собѣскаго, какъ освободителя Вѣны, со странной надписью: „Urbem servastis et orbem“. Ми бросилась также въ глаза медаль съ изображеніемъ нового царствующаго монарха (Станислава-Августа), выбитая въ послѣдніе, тревожные годы его царствованія; съ одной стороны—весьма схожее изображеніе короля, съ другой—эмблема гражданской междуособицы,—судно среди бурного моря съ надписью *Ne cede malis* (не уступай злымъ).

Мы осмотрѣли также публичную библиотеку. Это книгохранилище основано на личныхъ средствахъ двухъ епископовъ изъ семейства Залусскихъ, о чёмъ свидѣтельствуетъ надпись надъ дверьми: „Civium usui perpetuo Zalusicorum par illustre dicavit 1714“. Съ теченіемъ времени оно значительно увеличилось пожертвованіями частныхъ лицъ и заключаетъ 200.000 томовъ и богатую коллекцію книгъ и рукописей по исторіи Польши.

Передъ нашими отѣзdomъ изъ Варшавы мы удостоились со стороны короля знака весьма милостиваго вниманія: намъ передали собственноручное его письмо къ завѣдующему почтою въ Гродно, коимъ ему повелѣвалось оказать намъ всевозможное содѣстїе и дать намъ разрѣшеніе осмотрѣть тамошнія фабрики и все заслуживающее вниманія.

Мы выѣхали изъ Варшавы 10 авгуستа, черезъ Пражское предмѣстье. Въ разстояніи приблизительно одной англійской мили отъ Варшавы начинается лѣсъ, который тянется безъ перерыва на 18 миль. Въ Венгровѣ мы видѣли великолѣпный отрядъ русскаго войска, расквартированный въ деревнѣ. Во многихъ мѣстечкахъ, черезъ

которые мы проѣзжали, несмотря на всю ихъ убогость, имѣлось полицейское управление и судебное учрежденіе, которые помѣщались въ избахъ, крытыхъ болѣе частью соломой, а иногда тесомъ и въ рѣдкихъ случаяхъ черепицей.

Вплоть до берега Буга, черезъ который мы перѣѣхали у Грана (Gran), мѣстность была песчаная и низменная, въ этомъ мѣстѣ Бугъ широкъ, но не глубокъ. Противоположный берегъ былъ болѣе высокий, почва лучше и мѣстность болѣе разнообразна. Дорога стала красивѣе и шла полями, засѣянными рожью, льномъ и коношкою; на горизонтѣ все время виднѣлся лѣсъ. Въ многихъ мѣстахъ я замѣтилъ, что лѣсъ врѣзывался въ поля, и въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ ничѣмъ не засѣвались, уже появилась молодая заросль.

Самый большой городъ, который мы видѣли на этомъ пути—Бѣльскъ, главный городъ Подляхіи, гдѣ происходили засѣданія сеймика; онъ немногимъ лучше плохенькой деревушки, хотя въ географическихъ описаніяхъ Польши упоминается какъ большой городъ. Недалеко отъ Бѣльска у насъ чуть не загорѣлась ось; когда мы остановились въ какой-то деревушкѣ, чтобы смазать колесо, я полюбопытствовалъ зайти въ нѣкоторыя избы, которыхъ оказались бѣднѣе всѣхъ видѣнныхъ мною въ этой странѣ жилищъ; въ нихъ были одни голыя стѣны.

Мѣстность, по которой мы ѿѣхали отъ Варшавы до Бѣлостока, была очень песчаная, но земля была и земля годная для обработки; но мы замѣтили, что урожай былъ посредственный даже въ наиболѣе плодородныхъ на видъ мѣстахъ; это зависитъ конечно отъ обработки полей.

Поздно вечеромъ мы прїѣхали въ Бѣлостокъ, опрятный и хорошо отстроенный городъ. Улицы въ немъ широкіе, дома, по большей части штукатуренные, стоять не скученно, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Бѣлостокъ обязанъ своей красивой вѣнчанностью семейству Браницкимъ; ихъ дворецъ находится подг҃ь самаго города, и они много содѣствовали украсенію своего постояннаго мѣстопребыванія. Городъ принадлежитъ графинѣ Браницкой, сестрѣ нынѣ царствующаго короля и вдовѣ извѣстнаго покойнаго генерала Браницкаго, который несмотря на свое родство съ королемъ, горячо протестовалъ противъ избрания своего зятя на престолъ.

На слѣдующее утро, графиня, къ которой мы имѣли рекомендательное письмо отъ князя Станислава Понятовскаго, сдѣлала намъ честь пригласить насъ къ обѣду и прислала за нами карету, въ которой мы отправились въ ея дворецъ. Мы были приняты любезной хозяйкой весьма привѣтливо, ея вѣжливое, любезное обхожденіе

и оживленная бесѣда убѣдила насть въ томъ, что умъ и привѣтливость составляютъ прирожденныя качества семейства Понятовскихъ.

У графини собралось къ обѣду большое общество; подавались самыя тонкія, изысканныя кушанья. Разговоръ кончился, между прочимъ, способа нашего путешествія по столь бѣдной странѣ, где нельзя было встрѣтить никакихъ удобствъ.

— Я полагаю, сказали одинъ польскій магнатъ, что вы возите съ собою кровати,—на что мы отвѣчали отрицательно.

— Такъ какъ же вы спите?

— На соломѣ, когда намъ удается достать ее; а то на полу, на лавкѣ, на столѣ.

— Вы берете съ собою провизію?—вновь спросилъ полякъ.

— Очень рѣдко.

— Такъ какъ же вы питаетесь?

— Тѣмъ, что мы можемъ достать; одинъ изъ нашихъ слугъ Ѣдетъ впередъ, и ему удается обыкновенно достать что-нибудь съѣстное, чтобы утолить голодъ; у насъ аппетитъ дорожныхъ людей, мы не разборчивы.

— Во всякомъ случаѣ вы имѣете съ собой ножи, вилки, ложки; ведь наши крестьяне не знакомы съ такой роскошью.

— У каждого изъ насъ имѣется складной ножъ; намъ часто удается достать деревянную ложку, а съ отсутствиемъ вилокъ мы ми-rimся.

Наша любезная хозяйка предложила снабдить насть ножами, вилками и ложками и дать намъ съ собою вина и съѣстныхъ припасовъ; когда мы отъ всего отказались, то она замѣтила шутя:

— Быть можетъ, вы считаете унизительнымъ принять это; я знаю, англичане очень горды; не хотите ли купить эти вещи?

Мы отвѣчали, что не побоялись быть обязанными особѣ столь любезной и великодушной, но такъ какъ цѣль нашего путешествія скорѣе удовлетвореніе любознательности, нежели аппетита, то мы полагаемъ, что можно лучше познакомиться съ образомъ жизни крестьянъ, раздѣляя съ ними ихъ помѣщеніе и покупая у нихъ все необходимое.

Отказавшись отъ всего намъ предложенаго, но не желая быть невѣжливыми, мы взяли нѣсколько бутылокъ вина.

Графиня провела насть по всѣмъ комнатамъ своего дворца; это обширное зданіе построено въ итальянскомъ вкусѣ и по своему великолѣпію называется обыкновенно польскимъ „Версалемъ“. Въ прежнее время это былъ не болѣе какъ охотничій домъ; Ягъ Казимиръ пожаловалъ его вмѣстѣ съ Бѣлостокомъ и другими землями

генералу Чарнецкому, прославившемуся побѣдами надъ шведами въ то время, когда Польша была унижена ея врагами. Среди достопримѣчательностей, хранящихся во дворцѣ, находится золотой кубокъ, который Чарнецкій носилъ обыкновенно на поясѣ и вышитый поясъ, взятый съ военной добычей послѣ пораженія Карла X, который принадлежалъ, какъ полагаютъ, этому монарху. Чарнецкій оставилъ дочь, вышедшую замужъ за Браницкаго, отца покойнаго генерала, которому она принесла въ приданое это имѣніе. Одна комната, въ которой останавливался Августъ III проѣздомъ на сеймъ въ Гродно, сохраняется изъ уваженія къ его памяти, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была при немъ. Въ другой комнатѣ виситъ прекрасный портретъ Августа III въ королевской мантѣ, съ бритой по польскому обычая головою, какъ онъ появился въ день коронаціи. Послѣ обѣда мы катались по парку и саду, разбитому въ англійскомъ вкусѣ. Этотъ пріятный день закончился ужиномъ во дворцѣ, и мы съ сожалѣніемъ простились съ любезной хозяйкой дома.

18 августа. Мы выѣхали изъ Бѣлостока рано утромъ; проѣхавъ довольно большой лѣсъ, мы выѣхали на открытое мѣсто; потянувшись поля и луга; мѣстечки и села, черезъ которыхъ мы тутъ проѣзжали, были растянуты въ одну линію, и дома въ нихъ стояли беспорядочно; всѣ дома и церкви были деревянныя, нашу карету часто окружали толпы нищихъ; появилось множество евреевъ. Въ четыре часа по полудни проѣхавъ какое-то жалкое предмѣстье, населенное евреями, и переправившись черезъ Нѣманъ, который тутъ широкъ, чистъ, но неглубокъ, мы поднялись на крутой берегъ рѣки и выѣхали въ Гродно, стоящей надъ рѣкою. Хотя столица Литвы Вильно, но Гродно считается болѣе значительнымъ городомъ.

Онъ очень раскинутъ; населеніе его состоять изъ 3.000 христіанъ, принадлежащихъ почти исключительно къ промышленному классу, и 1.000 евреевъ. Онъ производить впечатлѣніе города, прішедшаго въ упадокъ; въ немъ встрѣчаются жалкія лачуги, полуразвалившіеся дома и разоренные дворцы съ великолѣпными воротами, остатками былого величія. Нѣсколько домовъ, содержащихся въ полномъ порядкѣ, еще болѣе подчеркиваютъ этотъ контрастъ.

Старинный дворецъ, въ которомъ жили польскіе короли во время сеймовъ, стоять на песчаномъ холмѣ, круто поднимающемся отъ самого берега рѣки и составляющей часть этого берега: остатки стѣнъ этого дворца уцѣльли до сихъ поръ. Напротивъ этого холма стоять новый дворецъ, построенный Августомъ III, въ которомъ онъ никогда не жилъ; въ немъ находится помѣщеніе, въ которомъ происходить или, лучше сказать, будуть происходить собранія сейма, ежели онъ когда-либо будетъ созванъ въ Гродно.

Первоначально депутаты Польши и Литвы должны были съѣзжаться въ Люблинѣ или какомъ-либо другомъ городѣ по обоюдному выбору; но договоромъ обѣ уніі было установлено, что представители обѣихъ націй должны собираться на сеймъ въ Варшавѣ. Въ 1673 г., было объявлено, что третій сеймъ собирается въ Гродно, гдѣ, во исполненіе закона, и было созвано національное собраніе въ 1678 г. при Янѣ Собѣскому. Но когда сеймъ вторично долженъ былъ собраться въ Гродно, этотъ монархъ повелѣлъ ему быть въ Варшавѣ; литовцы возстали противъ подобнаго нарушенія своихъ правъ, и ихъ депутаты, вместо того чтобы отправиться въ Варшаву, гдѣ находились король, сенатъ и польские куніці, отправились въ Гродно и открыли отдельный сеймъ. Начались переговоры; наконецъ было решено, что сеймъ собирается въ Варшавѣ, но будетъ называться Гродненскимъ, и что маршаломъ его будетъ избранъ одинъ изъ литовскихъ куніціевъ. Съ тѣхъ поръ сеймы созывались иногда въ Гродно, но со вступленія на престолъ нынѣ царствующаго короля (Станислава-Августа), они собирались исключительно въ Варшавѣ; литовцы болѣе не протестовали противъ этого, какъ по причинѣ отдаленности Гродно отъ резиденціи короля, такъ и по причинѣ смуты, волновавшей въ то время страну.

Мы передали данное намъ королемъ рекомендательное письмо г. Gillibert'у, даровитому французскому натуралисту, завѣдывавшему академіей и ботаническимъ садомъ. Польскій король основалъ въ Гродно Литовскую медицинскую академію, въ которой десять человѣкъ обучаются медицине, а двадцать — хирургіи. Всѣ они содержатся и обучаются на счетъ короля. Ботаническій садъ, существовавшій менѣе двухъ лѣтъ, благодаря заботливости и попеченію г. Жилиберта, имѣлъ очень приличный видъ, въ 1778 г., когда я былъ проѣздомъ въ Гродно. Въ немъ было 1.500 экзотическихъ растеній и нѣсколько нѣжныхъ американскихъ растеній, съ успѣхомъ произраставшихъ на открытомъ воздухѣ. Г. Жилибертъ говорилъ мнѣ, что онъ нашелъ въ Литвѣ 200 видовъ растеній, которыхъ считались до сихъ поръ свойственными только Сибири, Татаріи и Швеціи, и что во всемъ литовскомъ княжествѣ онъ наблюдалъ 980 видовъ растеній, рѣдко встрѣчающихся въ большей части европейскихъ странъ.

Онъ составилъ недавно небольшую коллекцію, преимущественно изъ произведеній Литвы, и подготавляетъ материалы для естественной истории этого княжества, предполагая начать изданіе съ литовской флоры, и затѣмъ перейти къ обзору минераловъ, насѣкомыхъ, четвероногихъ и птицъ. Принимая во вниманіе зачаточное состояніе естественноисторическихъ знаній въ этой стра-

иѣ, можно сказать навѣрно, что эта работа потребует много времени и настойчиваго труда.

На слѣдующій день мы осматривали фабрики, основанные въ Гродно по повелѣнію короля въ 1776 г. Они помѣщаются въ деревянныхъ сараахъ, предназначавшихся первоначально для конюшень, которыхъ были впослѣдствіи приспособлены для мастерскихъ и жилищъ рабочихъ. Въ скромъ времена эти фабрики предполагались перевести въ окрестности Гродно, где уже почти окончены постройкою подходящія для этого зданія, сооружаемыя на счетъ казны. Главные предметы производства на этихъ фабрикахъ суть: сукно, камлотъ, полотна, бумажная и шелковая матерія, вышивки, шелковые чулки, шляпы, кружева, огнестрѣльное оружіе, иголки, карты, бѣлый воскъ и экипажи. Шерсть, ленъ, конопли и воскъ, нужные для этихъ производствъ—мѣстнаго происхожденія; шелкъ, бумага, желѣзо, краски, золото и серебро для вышивокъ и тонкія нитки для кружевъ привозятся изъ-за границы.

На этихъ фабрикахъ работаетъ 3.000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и тѣхъ, которые работаютъ по домамъ въ окрестныхъ деревняхъ, где они ткуть холстъ и шерстяную матерію. Разными отраслями производства завѣдуютъ 70 мастеровъ иностранцевъ; всѣ остальные рабочіе изъ числа мѣстныхъ жителей. Въ ученики берутъ на фабрику дѣтей польскихъ крестьянъ; ихъ кормятъ, одѣваютъ, и они получаютъ маленькое жалованье. Завѣдующіе жалуются на то, что они не проявляютъ никакого соревнованія и что хотя ихъ одѣваютъ и кормятъ лучше, нежели остальныхъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе ихъ можно только силою заставить работать на фабрикѣ. Это неудивительно; ибо эти люди все же не свободные и неувѣренные въ томъ, что заработанные ими деньги будутъ принадлежать имъ; не рѣдко случалось, что съ нихъ удерживали часть этихъ денегъ въ уплату за оброкъ, не уплаченній ихъ родителями. Одна изъ работницъ, побойчѣе другихъ, сказала однажды завѣдующему, когда онъ поощрялъ ее работать усерднѣе: „Какая же мнѣ будетъ польза, если я послушаю васъ? какъ бы я искусно ни работала, трудиться буду я, а доходъ будетъ получать хозяинъ“. Большинство дѣвушекъ имѣло грустный видъ; очевидно, они работали по принужденію, а не изъ любви къ дѣлу. Ввидѣ поощренія, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ хотѣли отпускать на волю тѣхъ, которыхъ будутъ работать усерднѣе другихъ или окажутся смышленѣе и искуснѣе. Но это предложеніе было отвергнуто на томъ основаніи, что, получивъ волю, рабочіе не стали бы работать на фабрикѣ, которая лишилась бы такимъ образомъ самыхъ искусственныхъ рабочихъ и работницъ. Это возможно, но съ другой стороны подоб-

ная мѣра, възбудивъ соревнованіе, могла бы создать цѣлый кадръ искусствъ работницъ.

Эти фабрики находятся еще въ зачаточномъ состояніи; но ихъ учрежденіе дѣлаетъ честь королю, тѣмъ болѣе, что онъ продолжалъ интересоваться ими и во время тѣхъ внутреннихъ смутъ, которыхъ угрожали послѣднее время его престолу.

Въ самый день нашего прѣѣзда въ Гродно, одинъ польскій шляхтичъ, съ которымъ настъ познакомилъ г. Жилибертъ, радушно пригласилъ настъ отужинать у него. Побесѣдовавъ съ нами около часа, онъ поручилъ своей женѣ занимать настъ, а самъ удалился и болѣе весь вечеръ не показывался. Это кажущееся пренебреженіе, столь не соотвѣтствовавшее его любезному приглашенію, нѣсколько озадачило настъ; но вноскѣдствіи мы убѣдились, что имъ руководила и въ этомъ случаѣ величайшая любезность. Пригласивъ еще до нашего прѣѣзда на ужинъ нѣсколько польскихъ шляхтичей, которые не говорили по-французски, но были большии любители выпить, онъ совершенно справедливо подумалъ, что мы проведемъ вечеръ пріятіе въ обществѣ дамъ. Мы ужинали въ небольшой, веселой и пріятной компаніи; поляки народъ очень веселый, а ихъ дамы очень любезны и хорошо воспитаны.

На слѣдующій день мы обѣдали съ литовскимъ вице-канцлеромъ, графомъ Тизенгаузеномъ; это былъ обѣдъ, устроенный для избирателей передъ предстоявшимъ сеймикомъ. За столомъ сидѣло 80 членовъ; почти всѣ безъ исключенія были въ национальныхъ польскихъ костюмахъ, съ обстриженными волосами по польскому обычая. Передъ обѣдомъ они почтительно здоровались съ графомъ; при чёмъ одни цѣловали край его платья, другіе нагибались и цѣловали ему ноги.

Вечеромъ графъ далъ балъ, закончившійся прекраснымъ ужиномъ. Танцевали польской и англійской кадриль. Польский танецъ очень простой, однако не лишень граціи; музыка довольно красива: танцующіе становятся въ пары; стоящій въ первой парѣ ведеть свою даму вокругъ комнаты въ родѣ какъ бы въ менуетѣ, затѣмъ оставляетъ ея руку, дѣлаетъ полуоборотъ, снова беретъ ее за руку и продѣливаетъ то же самое до конца танца. Вторая пара вступаетъ, какъ только первая отойдетъ нѣсколько шаговъ, за нею слѣдуютъ всѣ остальные; такимъ образомъ всѣ танцующіе движутся пара за парой одновременно. Поляки очень любятъ этотъ танецъ: хотя онъ довольно однообразенъ, но они танцевали полчаса, безъ перерыва и въ теченіе вечера повторили его нѣсколько разъ. Въ промежуткахъ танцевали англійскую кадриль, которую они танцуютъ также очень ловко и видимо съ такимъ же удовольствіемъ.

Прекрасный ужинъ, въ которому были приглашены одни избранные, пріятно закончилъ день.

Графъ любезно приглашалъ насть остатся иѣкоторое время въ Гродно и поселиться въ его домѣ, но такъ какъ намъ хотѣлось добраться въ Петербургъ до начала зимы, то мы отказались отъ этого приглашенія, которое въ противномъ случаѣ приняли бы съ удовольствіемъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ господъ хотѣли задержать насть, сказавъ каретному мастеру, которому мы отдали въ починку нашъ экипажъ, чтобы онъ съ починкою не спѣшилъ. Когда мы случайно узнали объ этомъ, то намъ пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ, чтобы заставить его поспѣшить. Чтобы избавить нашихъ новыхъ знакомыхъ отъ труда упрашививать насть напрасно, а себя отъ непріятности отказываться отъ ихъ любезныхъ приглашеній, мы сочли необходимымъ въ тотъ же день вечеромъ уѣхать, не сказавъ никому объ этомъ ни слова.

Мы намѣревались побывать въ Вильно, но такъ какъ это было время выборовъ, то стационарный смотритель предупредилъ насть, что за неимѣніемъ лошадей насть могутъ задержать въ какой-нибудь жалкой деревушкѣ; мы волей неволей должны были измѣнить свой маршрутъ и, къ величайшему нашему разочарованію, не могли поѣхать, какъ мы того желали, столицу Литвы.

IV.

Продолженіе путешествія по Литвѣ.—Множество евреевъ.—Плохое состояніе дорогъ; отсутствіе всякихъ удобствъ.—Закрытіе сеймика въ Минскѣ.—Оригинальный способъ запряжки.—Въ еврейской корчмѣ.—Безпечность евреевъ.—Бѣдность жителей Литвы.—Сравненіе крестьянъ въ Швейцаріи и Польшѣ.

Пробѣжая по Литвѣ, мы были поражены изумительнымъ количествомъ евреевъ; живя въ Польшѣ повсемѣстно, они какъ-будто избрали Литву своимъ мѣстопребываніемъ по преимуществу. Если вы потребуете переводчика, вамъ приводятъ еврея; прѣѣхавъ на постоянный дворъ, вы видите хозяина еврея; если вамъ нужны почтовыя лошади, вамъ доставить ихъ евреи; еврей же повезетъ васъ; если вамъ нужно что-нибудь купить, является факторъ еврей, и эта быть можетъ единственная страна въ мірѣ, гдѣ евреи обрабатываютъ землю; мы не разъ видѣли, что они сѣяли, жали, косили и исполняли иныхъ полевыхъ работы.

Дороги въ Литвѣ находятся въ самомъ первобытномъ состояніи; онъ немногими лучше проселочныхъ дорогъ, навишающихся по хѣсу; также совершенно незамѣтно, чтобы имъ старались придать опре-

дѣлению направление; онъ зачастую такъ узки, что карета съ трудомъ можетъ проѣхать; то и дѣло попадаются ини и корни отъ деревьевъ, которые мѣшаютъ ѿхать; мѣстами дорога была такъ песчанка, что насы съ трудомъ могла вывести восьмерка лошадей. Почтальоновъ часто замѣняли десяти и двѣнадцатилѣтніе здоровенные мальчики, которые могли проскакать двадцать и тридцать англійскихъ миль безъ сѣдла, одѣтые совсѣмъ налегкѣ, въ одной рубашкѣ и холщевыхъ подштанникахъ. Мосты, перекинутые черезъ рѣчки, сооружены такъ плохо и такъ ветхи, что казалось, они подломятся подъ тяжестью нашей кареты, и мы почитали себя счастливыми, проѣхавъ по нимъ благополучно.

Многіе путешественники рассказываютъ, что въ литовскихъ лѣсахъ деревья часто загораются отъ молний и другихъ естественныхъ причинъ и горятъ иногда довольно долго. Мы думали сначала, что эти рассказы справедливы, такъ какъ мы видѣли во многихъ мѣстахъ слѣды лѣсныхъ пожаровъ. Но изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей узнали, что крестьяне, обязаны доставлять своимъ владельцамъ ежегодно извѣстное количество скипидара, поджигаютъ сосны, когда онѣ еще стоять на корню, и собираютъ скипидаръ. Мы видѣли въ лѣсу много обугившихъ деревьевъ; нѣкоторыя были совсѣмъ черныя и обгорѣлымъ, другія обгорали на половину; иные, хотя и были опалены, но продолжали кое-какъ расти.

15 августа. Мы ѿхали двадцать часовъ бѣзъостановочно и добрались вечеромъ до Бѣлыши въ девятнадцати миляхъ отъ Гродно; и до разсвѣта отправились далѣе, желая попасть въ Минскъ 17-го числа утромъ, когда тамъ долженъ быть собраться сеймикъ для избрания нунциевъ. По пути мы остановились на короткое время въ Новгородѣ, гдѣ всѣ зданія построены изъ дерева, за исключеніемъ двухъ-трехъ пришедшихъ въ ветхость каменныхъ домовъ, іезуитского монастыря и развалинъ каменныхъ стѣнъ, окружающихъ небольшой холмъ, увѣнчанный развалинами крѣпости. Близъ Новгорода мы видѣли нѣсколько насыпей, которыхъ крестьяне называли шведскими могилами. Тутъ почва была менѣе песчаная и болѣе плодородна, и мѣстность стала нѣсколько разнообразнѣе и холмистѣе: пустынныя лѣса чаше прерывались деревнями и лугами, на которыхъ паслись большія стада скота.

Дойхавъ до небольшой деревушки „Миръ“, мы убѣдились въ томъ, что наше намѣреніе быть на другой день въ Минскѣ неосуществимо, хотя бы мы ѿхали всю ночь. До города оставалось 60 или 70 миль, ночь была очень темная и дорога плохая; насы предупредили, что намъ придется перѣѣхать нѣсколько мостовъ, по которымъ и днемъ надобно ѿхать не иначе, какъ съ величайшою

осторожностью. Это заставило насть отказаться отъ камѣркіи пріятьствовать на выборахъ; мы пожертвовали любопытствомъ ради нашей собственной безопасности, но конечно не ради тѣхъ прелестей, какія сулило намъ пребываніе въ селеніи „Мірѣ“, гдѣ мы остановились на ночь; жители этой деревушки были такъ бѣдны, что мы не могли достать самыхъ обыкновенныхъ сѣстинъ припасовъ; единственно, что мы выиграли, остановившись тутъ на ночь,—то, что мы изѣжали опасной дороги и отдохнули отъ усталости.

Намъ было такъ плохо въ Мірѣ, что когда мы пріѣхали 17 числа вечеромъ въ Минскъ, то онъ намъ показался самымъ красивымъ и роскошнымъ городомъ. Насъ ожидалъ тутъ давно не виданный комфортъ; хорошоенная комната съ чистыми выбѣленными стѣнами и каменнымъ поломъ, отсутствіе блохъ и мухъ, обиліе чистой соломы, хороіі хлѣбъ и свѣжее мясо. Переочевавъ, мы отпра-вились на другое утро въ трапезу іезуитскаго монастыря, гдѣ про-исходило наканунѣ избрание нунціевъ. Сначала насть не хотѣли вѣпустить, послѣ долгихъ переговоровъ къ намъ подошелъ наконецъ какой-то господинъ и освѣдомился на польскомъ языке, откуда мы пріѣхали и что намъ нужно. Когда мы отвѣтили, что мы англичане и желаемъ видѣть все заслуживающее вниманіе, то онъ выразилъ большое удивленіе по поводу того, что мы такъ просто одѣты и что при насть нѣть сабель.

„Въ Польшѣ“, сказалъ онъ, „всякій шляхтичъ носить при себѣ саблю, какъ знакъ своего дворянскаго происхожденія и никогда не появляется безъ нея въ обществѣ; совѣтую вамъ соблюдать этотъ обычай, пока вы находитесь въ этой странѣ, если вы хотите, чтобы васъ принимали за джентльменовъ“.

Проблагодаривъ его за совѣтъ, мы послѣдовали за нимъ въ трапезную, гдѣ застали еще большую часть членовъ сеймика, хотя они занимались уже не государственными дѣлами, а по-просту сидѣли и пили—что составляетъ повидимому такую же необходимую принадлежность выборовъ въ Польшѣ, какъ и въ Великобританіи. Одинъ человѣкъ, къ которому всѣ относились съ видимымъ почтеніемъ, то и дѣло подносилъ наполненные стаканы избирателямъ, которые стояли группами; при этомъ соблюдалась цѣлая церемонія: взять стаканъ, всякий прикладывалъ руку къ сердцу, кланялся до земли и затѣмъ торжественно пилъ за здоровье нунціевъ и присутствующихъ. Нѣкоторые изъ поляковъ говорили со мною по-польски; отъ нихъ я узналъ, что каждое воеводство раздѣляется на нѣсколько округовъ, и каждый округъ выбираетъ двухъ нунціевъ — я освѣдомился, были ли при выборахъ по г. Минску какія-либо разногласія; они отвѣчали, что явилось три

кандидата. Тогда я спросилъ, принадлежали ли избранные нунції къ партії короля?

„Мы сообразовались въ этомъ случаѣ съ желаніемъ его величества“, — отвѣчали они.

— Вы поступили, очень благоразумно, онъ хороший монархъ, не правда ли? спросилъ я. — „Хороший монархъ! о да, возразили польки, лучшій изъ всѣхъ когда-либо царствовавшихъ монарховъ“.

Минскъ большой городъ: двѣ церкви и іезуитскій монастырь, построенные изъ кирпича; остальные дома деревянные и по архитектурѣ красивѣе большинства домовъ, видѣнныхъ нами въ этой странѣ. Вернувшись въ гостиницу, мы получили отъ одного польского графа приглашеніе на обѣдь; но такъ какъ погода была благопріятная, карета была намъ уже подана и все было готово къ немедленному отѣзду, то мы рѣшили пожертвовать случаемъ простоя въ пріятномъ обществѣ и уѣхали.

18 августа. Отъ Минска до Смолевича — не болѣе 30 миль — но этотъ перѣѣздъ показался намъ очень утомительнымъ, такъ какъ по причинѣ крайне плохой дороги и неожиданныхъ задержекъ мыѣхали эти 30 миль около двѣнадцати часовъ. Погода была холодная и дождливая, дулъ сильный вѣтеръ, дорога была хуже обыкновенного и было очень темно. Мы уже отчаявались прибыть къ ночи на станцію; какъ вдругъ скрытъ растворившихся воротъ и стукъ колесъ о девятивинную мостовую возвѣстили намъ, что мы прїехали, но такъ какъ кожанныя занавѣски экипажа были плотно связаны, чтобы защитить насъ отъ вѣтра и дождя, то мы не могли рѣшить въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, куда насъ привезли. Выйдя изъ экипажа, мы увидѣли, что находимся въ огромномъ сараѣ или подъ навѣсомъ, на противоположномъ концѣ котораго пылалъ очагъ безъ дымовой трубы; на немъ лежали двѣ большихъ сосны, съ необрубленными вѣтвями; вокругъ очага стояло нѣсколько человѣкъ въ длиннополыхъ черныхъ одѣяніяхъ съ длинными бородами, которые что-то размѣшивали въ большомъ котлѣ, подвѣшенномъ надъ пламенемъ. Если бы мы вѣрили въ колдовство или хоть бы чуточку были суевѣрны, то легко приняли бы этихъ людей за колдуновъ, исполнявшихъ какой-то таинственный обрядъ; взглянувшись внимательно, мы узнали нашихъ старыхъ друзей-евреевъ, которые готовили ужинъ себѣ и намъ.

Не имѣя ни малѣшаго желанія оставаться лишней минуты въ этихъ лачугахъ, кишѣвшихъ насѣкомыхъ и въ которыхъ ютились грязь и нищета, мы, по обыкновенію, поѣхали далѣе на разсвѣтѣ. Близъ Борисова мы переправились черезъ Березину и по ту сто-

рону города видѣли огромный отрядъ русскаго войска, шедшаго къ Варшавѣ.

Въ Борисовѣ евреи достали для настъ десять лошадей и впряженіи ихъ въ два ряда: шесть лошадей къ экипажу и четверку на выносъ¹⁾). Надобно было большое искусство, чтобы пріпречь ихъ такимъ образомъ. Двѣ среднія лошади задняго ряда были пріпряжены, какъ обыкновено, къ штель-вагѣ, двѣ слѣдующія—къ пріязной вагѣ, выдававшейся далеко въ стороны за переднія колеса, а двѣ крайнія, при помощи длинныхъ веревокъ, были такимъ же образомъ пріпряжены къ задней вагѣ; четыре выносныя лошади были пріпряжены къ дышлу и къ штель-вагѣ, прікрѣпленной къ дышлу.

Мы были увѣрены, что для шестерки лошадей, пріпряженныхъ такимъ первобытнымъ способомъ, нужна болѣе широкая дорога, нежели та, по какой намъ приходилосьѣхать въ Польшѣ, и убѣждали ямщиcovъ запречь ихъ парами, но они были до того упрямы или непонятливы, что намъ не удалось убѣдить ихъ. Все же мы отвязали двухъ лошадей задняго ряда, но были вынуждены согласиться на то, чтобы остальная восемь лошадей остались такъ, какъ онѣ были пріпряжены. Такимъ образомъ мы двинулись въ путь; но и съ четверкой лошадей мѣстами очень трудно было проѣхать сквозь заросли; въ иномъ мѣстѣ дорога такъ заросла кустарникомъ, что едва оставалось мѣста для кареты, и намъ приходилось отпрѣгать то двухъ, то четырехъ лошадей, иной разъ приходилось выйти изъ кареты и помочь ямщику убрать съ дороги повалившіяся деревья, провести лошадей по извилистымъ дорожкамъ или разыскать дорогу въ заросли.

Прѣѣзжая лѣсомъ, мы видѣли кое-гдѣ приධѣянныя къ деревьямъ полукруглые доски на разстояніи 12 футъ отъ земли и трехъ футъ отъ ствола. Во время охоты, къ этимъ площадкамъ приставляютъ лѣстницы, и охотники, когда ихъ настигаетъ медведь, быстро поднимаются по лѣстницѣ и втягиваютъ ее за собой: хотя медведь отлично умѣеть лазить, но ему мѣшаютъ вскарабкаться на дерево выступающіе края доски.

Мы были очень рады добратися наконецъ до Наицы, хотя намъ пришлось тутъ остановиться въ одной изъ самыхъ жалкихъ лачугъ, какія мы видѣли въ Литвѣ. Единственною мебелью въ ней былъ небольшой столъ, и единственной посудой—разбитый глиняный горшокъ, въ которомъ намъ приготовили ёду и который замѣнилъ

¹⁾ Обыкновенный способъ запряжки состоялъ въ томъ, что четыре лошади запрягались врядъ, а двѣ на выносъ.

намъ тарелки и блюдо. Мы услыхались за нашу скучную трапезу при свѣтѣ длинной смолистой лучинѣ, которая была воткнута въ стѣну и свѣшивалась надъ столомъ; она же служила намъ свѣчкой, такъ какъ настоящей свѣчки нельзя было достать въ деревнѣ ни за какія деньги. Надобно удивляться, что при той небрежности, съ какою обращаются тутъ съ этими лучинами, рѣдко бываютъ пожары; съ ними ходятъ по всему дому, не соблюдая ни малѣйшей осторожности, и намъ нерѣдко случалось видѣть, что искры летѣли изъ нея на солому, приготовленную для нашихъ постелей; хотя евреи прекрасно видѣли какъ это насть пугало, но это ничуть не заставляло быть осторожнѣе съ огнемъ. Первое время по пріѣздѣ въ Польшу мы бросались со страхомъ тушить эти искры; но, такова сила привычки, что мы наконецъ совершенно перестали обращать на это вниманіе и сдѣвались, въ этомъ отношеніи, столь же безпечны, какъ и мѣстные жители. Однажды, я даже до того забылся, что держаль зажженную лучину надъ соломой и не спѣша разыскивалъ въ ней что-то. Развившаяся во мнѣ такимъ образомъ безпечностъ убѣдила меня въ томъ (если эти вещи вообще сравнимы), что я могъ бы подобно итальянцамъ жить у подошвы Безувія, не боясь изверженія, или жить безопасно въ Константинополѣ, не думая о чумѣ.

Трудно себѣ представить, до чего ограничены потребности литовскихъ крестьянъ! Они скрѣпляютъ свои телѣги желѣзомъ; плетутъ уздечки и постромки изъ древесной коры или скручиваютъ ихъ изъ древесныхъ вѣтвей. При постройкѣ домовъ и сооруженіи домашней утвари и телѣгъ они обходятся однимъ топоромъ. Ихъ одежда состоять изъ грубой холщевой рубашки и такихъ же панталонъ, длинной грубой драгетовой верхней одѣжды или тулуна, круглой черной войлочной шляпы, подбитой шерстью, и лаптей изъ древесной коры. Дома сложены у нихъ изъ толстыхъ бревенъ и походятъ на полѣнницы дровъ съ крышей въ родѣ навѣса. Какъ это мало походитъ на Швейцарскіе дома, построенные также изъ дерева. Такая же поразительная разница существуетъ въ наружномъ видѣ крестьянъ швейцарцевъ и поляковъ и въ ихъ манерѣ держать себя. Это служитъ нагляднымъ доказательствомъ той огромной разницы, какая существуетъ въ образѣ правленія этихъ двухъ странъ. Швейцарецъ человѣкъ открытый, искренній, иѣсколько грубоватый, но готовый услужить вамъ; встрѣчаясь съ вами, онъ киваетъ вамъ головой или слегка приподнимаетъ шляпу, но ожидаетъ такой же вѣжливости и съ вашей стороны; его возмущаетъ малѣйшая грубость, и онъ не позволитъ оскорбить себя безнаказанно. Польские крестьяне, напротивъ, раболѣпны и подобострастны; желая выразить намъ свое

уважение, они кланялись намъ до земли и, снявъ шляпу или шапку, держали ее въ рукахъ до тѣхъ порь, пока они не теряли честь изъ вида; едва завидѣвъ нашу карету, они тотчасъ останавливали свои телѣги; словомъ, все ихъ поведеніе свидѣтельствовало о самомъ презрѣніи рабства; между тѣмъ въ Польшѣ говорять о свободныхъ учрежденіяхъ не меныше, чѣмъ въ Швейцаріи. Но какъ различно они отразились на нравахъ этихъ двухъ странъ! Въ одной изъ нихъ свобода распространяется равномѣрно на всѣхъ гражданъ, служа источникомъ ихъ довольства и счастья, тогда какъ въ другой она распространяется лишь на немногихъ, являясь худшимъ изъ видовъ деспотизма.

Во время нашего путешествія по Польшѣ мы видѣли нѣсколько человѣкъ со всѣмокочеными волосами, которые страдали такъ называемой *Plica Polonica* (колтунъ), болѣзнь, названной такъ потому, что ее считаютъ болѣе всего свойственной Польшѣ, хотя она встрѣчается также въ Венгрии, Татаріи и нѣкоторыхъ другихъсосѣднихъ странахъ¹⁾.

По наблюденіямъ швейцарскаго доктора Vicat, долгое время жившаго въ Польшѣ и написавшаго объ этой болѣзни обстоятельное изслѣдованіе (*Mémoire sur la Plique polonaise*), происхожденіе этой болѣзни вызвано главнымъ образомъ тремя причинами: во-первыхъ, многочисленными лѣсами и болотами, вслѣдствіе чего воздухъ слишкомъ сыръ и не особенно здоровъ; кроме того среди лѣта тутъ дуетъ иногда очень рѣзкій холодный вѣтеръ вслѣдствіе близости Карпатскихъ горъ: въ другихъ странахъ южные и юго-восточные вѣты бываютъ обыкновенно теплые, тутъ же они охлаждаются, проносясь надъ снежными вершинами Карпатъ. Вторая причина—недоброкачественность воды: хотя въ Польшѣ достаточно хорошихъ источниковъ, но простой народъ пить обыкновенно, не разбирая, воду изъ рѣкъ, озеръ и даже изъ стоячихъ прудовъ. Третья причина—крайняя нечистоплотность мѣстного населения; опытъ показываетъ, что тѣ, кои болѣе заботятся о чистотѣ жилища и своего тѣла, менѣе подвержены заболѣванію колтуномъ. Люди привилегированнаго класса болѣютъ имъ менѣе, чѣмъ простой народъ, и жители большихъ городовъ менѣе, чѣмъ жители деревень, наконецъ жители Польши менѣе, нежели литовцы. Словомъ, эта болѣзнь, по-добрѣю проказѣ, свирѣпствуетъ среди людей мало свѣдущихъ въ медицинѣ и не заботящихся о томъ, чтобы пресечь ея распространеніе, и почти неизвѣстна въ странахъ, гдѣ противъ нея принимаютъ соотвѣтствующія мѣры.

¹⁾ Мы опускаемъ самое описание этой известной у насъ болѣзни.

Болѣнь эта не распространяется среди русскихъ вѣрою то бла-
годаря тому, что они часто парятся въ банѣ.

V.

Переѣздъ черезъ границу Россіи.—Дешевизна почты.—Путь въ Смоленскъ.—Богослуженіе въ соборѣ.—Посвѣщеніе епископа.—Обѣдъ у судьи.—Даль-
нѣйшій путь на Москву.—Крестьяне, ихъ одежда, избы пища и проч.

Мы вѣхали въ Россію 20 августа близъ небольшой деревушки Толицько, которая принадлежала въ 1772 г. Польши; но по надѣлу отошла къ Россіи.

Мы были крайне удивлены дешевизною тутъ почтовыхъ лошадей; когда слуга подалъ намъ счетъ и мы увидѣли, что онъ заплатилъ всего по двѣ копѣйки съ версты за лошадь, то если бы мы не знали характера русскихъ, которые не такъ-то легко дадутъ себя обмануть иностранцамъ, мы могли бы подумать, что онъ на-
дулся станціоннаго смотрителя. Впослѣдствіи мы узнали, что, взявъ отъ русскаго посланника въ Варшавѣ подорожную, мы могли платить вдвое дешевле.

Отъ Толицько, по новой Могилевской губерніи, шла прекрасная, довольно широкая дорога, обсаженная деревьями, съ канавами для стока воды. Миновавъ нѣсколько жалкихъ деревушекъ, мы перевѣзлись черезъ Днѣпъръ у Орши и прибыли подъ вечеръ въ Лады. Отъ самаго Толицько началась холмистая мѣстность, богата лѣсами; на поляхъ росла рожь, пресо, конопля, ленъ. Въ большихъ селахъ мы видѣли школы и другія казенные постройки, также церкви съ колокольнями, для диссидентовъ.

Лады, Смоленской губерніи, до послѣдняго раздѣла было погра-
ничнымъ русскимъ городомъ; мы остановились на почтовой станціи, гдѣ намъ отвели весьма приличную комнату. Станціонные дома на большихъ дорогахъ какъ нельзя лучше приспособлены для путеше-
ственниковъ: это обширныя квадратныя деревянныя строенія, съ большими дворомъ по серединѣ; въ главномъ флигелѣ отведено посреди нѣсколько комната для путешественниковъ съ выходомъ во дворъ; остальная часть главнаго флигеля занята помѣщеніемъ станціоннаго смотрителя и его слугъ; въ остальномъ зданіи устроены конюшни и сараи для экипажей и сѣновалы. Мы были приятно удивлены, встрѣтивъ въ этомъ захолустыи англійское пиво и еще болѣе, когда намъ подали ужинъ на посудѣ фабрики Wedgewood'а. Немалое удовольствіе было растянуться на совершенно чистой со-
ломѣ, которой набили намъ постель.

Потребовавъ на утро счетъ, мы нашли, что онъ былъ написанъ такъ же добросовѣтно, какъ добросовѣтно было все остальное. Удовольствіе, которое мы выразили по этому поводу письмоводителю (самого станціоннаго смотрителя не было дома), дало ему видимо поводъ думать, что нась легко можно надуть. До слѣдующей станціи было 10 миль, а онъ потребовалъ съ нась втрое больше установленной таксы подъ предлогомъ, что у нась вѣтъ подорожной. Когда мы выразили удивленіе по поводу столь высокой платы, то наше замѣчаніе, сказанное въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, онъ отвѣчалъ грубо и высокомѣрно, приказалъ отвести лошадей обратно въ конюшню и заявилъ решительно, что мы не уѣдемъ до тѣхъ поръ, пока не уплатимъ требуемой суммы. Хотя мы заплатили бы все, что онъ хотѣлъ, если бы онъ только былъ маломальски вѣжливъ, но тутъ мы рѣшили проучить его за дерзость и отправились къ директору таможни; наше счастье оказалось, что онъ говорилъ по-немецки; выслушавъ нась, онъ заявилъ, что письмоводитель требовалъ съ нась втрое больше, чѣмъ слѣдовало; что это сейчасъ будетъ выяснено, и письмоводитель будетъ наказанъ. Пославъ сторожа, которому онъ что-то шепнулъ на ухо, онъ попросилъ нась обождать и предложилъ намъ кофе. Пока мы пили его, онъ сообщилъ намъ разныя свѣдѣнія о русской почтѣ и даль намъ кое-какія указанія, которыя намъ впослѣдствіи очень пригодились; между прочимъ послѣдовалъ намъ запастиль у смоленскаго губернатора подорожной. Въ это время, къ воротамъ подѣхалъ экипажъ; оказалось, что это была наша дорожная карета, и въ ней уже были уложены всѣ наши вещи: въ ту же минуту вышелъ письмоводитель и стала въ почитительной позѣ; мы просили директора не наказывать его, и онъ объщалъ намъ ограничиться выговоромъ. Поблагодаривъ его за любезность, мы прошли и продолжали напѣть путь, но были весьма огорчены, увидавъ, что прекрасное новое шоссе шло только до Лады. Мѣстность была холмистая; не дѣзкая нѣсколькоихъ верстъ до Смоленска, начался густой лѣсъ, который тянется до самаго города; проѣзжая этимъ лѣсомъ, мы не видѣли ни одной деревушки и почти никакого жиля.

Смоленскъ, принадлежавшій нѣкогда русскимъ, былъ осажденъ въ 1463 г. и взятъ Витољдомъ и присоединенъ вмѣстѣ со всей окрестной къ Литвѣ. Во времена долголѣтней вражды, существовавшей между русскими и поляками, эта крѣпость играла видную роль; хотя всѣ ея укрѣщенія состояли только изъ земляныхъ валовъ и рвовъ, небольшой деревянной стѣны и деревянной же крѣпостцы, но этихъ укрѣплений было вполнѣ достаточно, чтобы отражать нападенія недисциплинированныхъ войскъ; русскіе безуспѣшно осаждали

ее нѣсколько разъ; наконецъ, въ XVI вѣкѣ великий князь Василий Ивановичъ овладѣлъ Смоленскомъ, подкупивъ гарнизонъ. Болѣе ста лѣтъ укрѣпленія Смоленска оставались въ такомъ же первобытномъ состояніи. Наконецъ, важное значеніе этой крѣпости, стоявшей у самой границы Польши, и успѣхи, сдѣланные въ военномъ дѣлѣ, побудили Бориса Годунова обнести его каменной стѣной и укрѣпить: онъ самъ отправился въ Смоленскъ, гдѣ подъ его личнымъ наблюденіемъ была набросана профиль укрѣпленій, которыхъ были достроены въ его царствованіе. Въ 1611 г. Смоленскъ былъ взятъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III и достался Польшѣ по Деулинскому миру. Въ 1654 г. онъ былъ завоеванъ обратно Алексѣемъ Михайловичемъ и уступленъ окончательно Россіи по мирному договору, заключенному въ 1686 г.

Смоленскъ отнюдь не самый красивый, но несомнѣнно самый оригинальный изъ видѣнныхъ мною когда-либо городовъ. Онъ расположено на берегу Днѣпра на двухъ холмахъ и въ лежащей между ними долинѣ и обнесено стѣнами, высотою въ 30 и шириной въ 15 футъ; нижняя часть ихъ каменная, верхняя кирпичная; эти стѣны слѣдуютъ рельефу холмовъ и тянутся въ общей сложности на семь verstъ; на каждомъ углу, образуемомъ ими, стоитъ круглая или четыреугольная башня въ два или три этажа, шире наверху, нежели внизу, и покрыта круглой деревянной крышей. Въ промежуткахъ находятся башни меньшихъ размѣровъ; съ наружной стороны стѣна окружена широкимъ и глубокимъ рвомъ, траверсами и гласисами, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва повышается, возведены редуты по всѣмъ правиламъ современной науки. Посреди города, на холмѣ, стоять соборъ; оттуда открывается живописный видъ на городъ, обнесенный стѣнами съ посадами, рощами, лугами и полями.

Зданія въ Смоленскѣ по большей части деревянныя, однотажныя; изрѣдка попадется какой-нибудь помѣщичій домъ; но есть нѣсколько каменныхъ, оптукатуренныхъ церквей. Вдоль всего города идетъ прямая, широкая, мощеная улица; прочія улицы расходятся отъ нея по разнымъ направленіямъ и замощены досками. Городскія стѣны, которыхъ тянутся по склонамъ холмовъ къ берегу Днѣпра, ихъ старинная архитектура и уморительная башни, колокольни церквей, торчащи изъ-за деревьевъ, кокорыхъ такъ много, что за ними почти не видно зданій; тутъ же рядомъ луга и возвѣданные поля—все это вмѣстѣ взятое представляетъ самое оригиналѣнное и разнообразное зрѣлище. По ту сторону рѣки тягнется предмѣстье съ деревянными домами, соединенное съ городомъ деревянными мостомъ. Насколько я могъ узнать изъ разспросовъ, въ Смоленскѣ 4 т. жителей; въ городѣ нѣть заводовъ, но онъ ведетъ торговлю съ

Украиной, Данцигомъ и Ригой. Главные предметы вывоза составляютъ: ленъ, пенька, медь, воскъ, кожа, свиная щетина, мачтовый лѣсъ, доски и сибирскіе мѣха.

Желая получить паспортъ и подорожную, мы отправились къ губернатору вмѣстѣ съ однимъ русскимъ студентомъ, который говорилъ по-латыни и согласился быть нашимъ переводчикомъ. Такъ какъ губернаторъ былъ въ церкви, то мы отправились въ соборъ и обождали конца службы. Соборъ—красивое зданіе, построенное на томъ мѣстѣ, где стоялъ нѣкогда дворецъ смоленскихъ князей.

Богослуженіе совершалъ епископъ смоленскій, почтенный старецъ съ длинными сѣдыми волосами и бородою.

Подъ конецъ службы, мы представились губернатору, который, къ нашему удивленію, отнесся къ намъ очень холодно, и это произвело на нашего переводчика такое сильное впечатлѣніе, что онъ не могъ произнести ни слова. Наконецъ, кто-то изъ лицъ, бывшихъ съ губернаторомъ, обратился къ намъ по-французски и спросилъ, что намъ надо. Когда мы отвѣчали, что мы англійскіе дворяне и желаемъ получить паспортъ и подорожную, то онъ замѣтилъ съ улыбкой, что по простотѣ нашей одежды насть приняли за купцовъ, но онъ знаетъ, что англичане рѣдко носятъ въ дорогѣ кружева и шпаги. Затѣмъ онъ что-то шепнулъ губернатору, который съ самымъ любезнымъ видомъ выразилъ готовность удовлетворить нашу просьбу.

Когда это было улажено, къ намъ подошелъ епископъ, успѣвшій уже разоблачиться. Онъ обратился къ намъ на латинскомъ языкѣ и пригласилъ насть къ себѣ. Онъ пошелъ впередъ, а мы послѣдовали за нимъ въ просторный деревянный домъ, стоявшій подъ собора. Войдя въ домъ, губернаторъ и прочие русскіе почтительно поклонились епископу руку. Пригласивъ всѣхъ сѣсть, онъ оказалъ намъ особые знаки вниманія и любезно замѣтилъ, что наше посѣщеніе доставляетъ ему большое удовольствіе, такъ какъ со временеми его пребыванія въ Смоленскѣ его не посѣтилъ еще ни одинъ англичанинъ, а онъ очень уважаетъ англійскую націю. Въ то время какъ мы бесѣдовали, слуга накрылъ скатертью небольшой столикъ и поставилъ на него тарелку съ хлѣбомъ и солью и цѣထы; другой слуга внесъ подносъ съ рюмками, въ которыхъ была налита какая-то прозрачная жидкость. Епископъ торжественно благословилъ хлѣбъ и подносъ и взялъ стаканъ; мы приняли это сначала за религиозный обрядъ и были удивлены, когда слуга поднесъ хлѣбъ и подносъ намъ и всѣмъ остальнымъ. Когда всѣхъ обнесли, епископъ выпилъ за здоровье присутствовавшихъ, на что всѣ отвѣчали поклономъ и немед-

ленно осушили свои стаканы; мы послѣдовали ихъ примѣру; напитокъ оказался вишневой наливкой.

Когда эта церемонія окончилась, мы продолжали бесѣдовать съ епископомъ и предложили ему нѣсколько вопросовъ касательно исторіи Смоленска. Онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы чрезвычайно охотно; сдѣлавъ краткій очеркъ состоянія города при смоленскихъ князьяхъ, рассказалъ намъ, что соборъ стоитъ на мѣстѣ ихъ дворца; недавно перестроенъ и отданъ. Побесѣдовавъ съ полчаса, мы прошлись, весьма довольные любезностью епископа.

Нашъ проводникъ повелъ настъ въ духовную семинарію, где преподаются языки: латинскій, греческій, нѣмецкій и польскій; священникъ, показывавшій намъ библіотеку, говорилъ по-латыни; онъ прігласилъ настъ въ свою комнату и согласно правиламъ русскаго гостепріимства угостилъ настъ печеньемъ и медомъ.

Послѣ полудня настъ посѣтилъ тотъ господинъ, который вывелъ настъ изъ затрудненія, когда мы представлялись губернатору, и прігласилъ настъ отобѣдать у него на слѣдующій день. Мы приняли приглашеніе и явились къ нему къ двумъ часамъ,—обычный у русскихъ часъ обѣда; это было судья и жилъ въ казенному деревянномъ домѣ; комнаты у него были небольшія, но хорошо убранныя. За столъ сѣлъ судья, его жена и сестра; всѣ они говорили по-французски; дамы были одѣты по французской модѣ и очень нарядныны; они не дѣлали реверанса, но низко кланялись. Передъ обѣдомъ была подана вода; дамы выпили по маленькой рюмочкѣ и соѣтывали намъ сдѣлать то же для пищеваренія. Столъ былъ сервированъ прекрасно, обѣдъ былъ превосходный и поданъ на англійскомъ сервизѣ молочного цѣпта. Кромѣ жаренаго кускомъ мяса и вареной говядины было подано нѣсколько чисто русскихъ блюдъ, между прочимъ грибной салатъ съ лукомъ. Передъ тѣмъ какъ встать изъ-за стола, нашъ хозяинъ приказалъ подать большой кубокъ, налилъ его шампанскимъ, отпилъ изъ него и предложилъ намъ выпить въ круговую. „Это старинный обычай“, сказалъ онъ, „и считается знакомъ почета; теперь все дѣлается изысканіе, и широкое гостепріимство стѣсняется церемониальнымъ обхожденіемъ, но я человѣкъ старого за-кала и не могу отказаться отъ обычая, который соблюдался въ дни моей молодости“.

Послѣ обѣда мы перешли въ другую комнату и сыграли два или три робберта въ висть. Намъ подавали чай, кофе и лакомства. Въ шесть часовъ мы прошлись съ нашимъ гостепріимнымъ хозяиномъ и возвратились въ гостиницу, если только наше помѣщеніе достойно этого названія. Эта гостиница—единственная въ городѣ, представляла изъ себя деревянное полуразвалившееся зданіе, когда-

то выкрашенное снаружи. Комната, которую мы занимали, была когда-то оклеена обоями, остатки которыхъ видѣлись еще кое-гдѣ на стѣнахъ. Вся меблировка состояла изъ двухъ скамеекъ и столькихъ же стульевъ, изъ коихъ одинъ былъ безъ сидѣнья, а другой безъ спинки; столомъ служилъ намъ ящикъ изъ подъ товара. Можно было подумать, что воздухъ и свѣтъ обложены тутъ огромной пышиной, такъ какъ всѣ окна были забиты досками, за исключеніемъ одного, которое не было возможности открыть и черезъ которое едва проникалъ свѣтъ, такъ какъ оно было густо покрыто грязью. Я забылъ упомянуть о кушеткѣ, на которой я спалъ: на ней было такъ много заплатъ, что трудно было рѣшить, чѣмъ она была первоначально обита. Можетъ показаться страннымъ, что въ такомъ городѣ, какъ Смоленскъ, нѣть сносной гостиницы: въ сущности это неудивительно, такъ какъ туда приѣзжаетъ весьма мало иностранцевъ, русские же возятъ обыкновенно съ собою ёду и либо ёдуть, не останавливаясь, ночью, либо останавливаются въ частныхъ домахъ.

25 августа. Оставивъ Смоленскъ, мы перѣхали по деревянному мосту на другую сторону рѣки; дорога шла далѣе по красивой равнинѣ, орошаемой Днѣпромъ и поросшей кустарниками; мѣстность становилась холмистѣе, но больше или менѣе высокихъ холмовъ не было видно. Близъ свободы,— большого села, где мы остановились на нѣсколько часовъ до разсвѣта, мы снова переправились черезъ Днѣпро на паромъ, сколоченномъ изъ бревенъ, который былъ настолько узокъ, что наша карета едва помѣстилась на немъ, при чѣмъ онъ погрузился подъ ея тяжестью на нѣсколько дюймовъ въ воду; этотъ паромъ отталкивали отъ берега баграми до тѣхъ поръ, пока онъ не подошелъ къ другому, такому же парому или плоту, на который наши лошади перебрались съ трудомъ; разстояніе между обеими паромами было столь значительно, что карета едва не попала въ воду.

Ближайшей почтовой станціей послѣ этого первобытного парома былъ Дорогобужъ, стоящій подобно Смоленску на холмѣ, хотя не столь высокомъ; онъ представляетъ также собраніе церквей, домовъ, лачугъ, полей и луговъ; нѣкоторые каменные и отшукатуренные дома, построенные недавно на счетъ казны, походили на дворцы по сравненію съ окружавшими ихъ убогими строеніями. Это была въ прежнее время сильная крѣость, неоднократно подвергавшаяся осадѣ во времена войнъ Россіи съ Польшой. Со стѣнъ старинной крѣости предъ нами открылся обширный видъ на окрестную равнину, орошаемую извижающимся по ней Днѣпромъ и холмами на горизонте. Проѣхавъ отъ Дорогобужа 24 мили, мы переноочевали

въ маленькой деревушкѣ и были очень счастливы, что намъ удалось найти приличную избу, гдѣ намъ дали комнату отдельную оть общей горницы, гдѣ помѣщалась вся семья—удобство, которое здѣсь рѣдко встрѣчается. Наша хозяйка совсѣмъ походила на азиатку: на ней была надѣта синяя безрукавка, доходившая до колѣнъ и подпоясанная красивымъ кушакомъ; на головѣ былъ намотанъ кусокъ бѣлой матеріи въ родѣ чалмы; серьги и ожерелье были изъ бусъ; что-то въ родѣ туфель было привязано къ ногамъ синего цвѣта завязками; такими же завязками поддерживались грубыя колющевыя тряпки, замѣнявшія ей чулки.

27 августа. Дальнийшій напѣть путь до Вязьмы шелъ лѣсомъ, изрѣдка прерываемыемъ полями и лугами. Вспомнивъ, что мы находились подъ 55° с. ш., мы были удивлены, что жатва была уже собрана, что рожь и ячмень были уже сняты; и что уже шла уборка овса и проса. Съ нашего отѣзда изъ Смоленска стало очень холодно; дуло такой холодный вѣтеръ, какъ въ ноябрѣ: всѣ крестьяне были въ тулукахъ.

Подъѣзжая къ Вязьмѣ, мы перѣѣхали рѣчку того же названія, впадающую въ Днѣпръ, по которой можно только сплавлять плоты, и поднявшись въ гору, увидѣли передъ собою городъ съ его колокольнями и куполами церквей, которые торчали изъ-за деревьевъ. Вязьма раскинулась на большое пространство; большая часть городскихъ зданій—деревянныя; только за послѣднее время построено нѣсколько каменныхъ домовъ на деньги, ассигнованные императрицею. Мостовая на главныхъ улицахъ бревенчатая; изъ нѣкоторыхъ улицахъ вместо тротуаровъ сдѣланы мости. Въ Вязьмѣ болѣе двадцати церквей; это очень много для столь мало населенного города. Церкви во всѣхъ маленькихъ городахъ и селахъ украшены нѣсколькими главами или куполами; стѣны ихъ снаружи либо выбѣлены, либо выкрашены красной краской, а купола по большей части зеленые. Подъѣзжая къ какому-нибудь городу и завидѣвъ большое число колоколенъ и куполовъ, торчащихъ надъ деревьями, путешественникъ, незнакомый съ этой страною, думаетъ увидѣть большой городъ, на самомъ дѣлѣ находить нѣсколько деревянныхъ лачугъ.

Въ Вязьмѣ былъ заключенъ въ 1634 г. вѣчный миръ между королемъ польскимъ Владиславомъ IV и царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ, коимъ Михаилъ подтвердилъ права Польши на владѣніе Смоленскомъ и Черниговомъ, уступленными ей по Деулинскому договору, а Владиславъ отказался отъ царскаго титула и призналъ права Михаила Феодоровича на престоль. Такимъ образомъ оба монарха отказались отъ того, что имъ не принадлежало, и благо-

разумно пожертвовали мнимыми преимуществами для обеспечения насущныхъ благъ мира.

Русские крестьяне народъ довольно грубый, но, повидимому, выносливый и обладающій большой физической силой¹⁾). Ихъ дома построены на подобіе литовскихъ, но болѣе просторны, и въ нихъ больши мебели и домашней утвари. Они бываютъ иногда двухъ-этажные; въ такомъ случаѣ внизу помѣщается кладовая, а жилыя комнаты устраиваются наверху, внутренней лѣстницѣ по большей части нѣть, ее замѣняетъ приставная лѣстница. Впрочемъ, чаще встрѣчаются одноэтажныи избы, изрѣдка о двухъ комнатахъ, чаще въ одну комнату. Когда приходилось ночевать въ такой избѣ, то нерѣдко случалось, что меня будили цыплята, клевавшія зерна въ соломѣ, на которой я лежалъ; иногда появлялись и менѣе безвредныи животныи. Въ деревушкѣ, где мы ночевали 27 числа, меня разбудили свиньи, хрюкавшія у самыхъ моихъ ушей. Не особенно довольно столъ раннимъ посѣщеніемъ, я закричалъ своему слугѣ: „Іосифъ, прогони этихъ господъ и запри дверь“.

— Тутъ ни одна дверь не запирается,—преравнодушно отвѣчалъ Іосифъ,—мы всячески старались припереть ее, но все было напрасно; свиней мы также прогоняли иѣсколько разъ, но они возвращаются.

Во время этого разговора я окончательно проснулся и рѣшилъ предоставить моимъ раннимъ посѣтителямъ свое ложе; подивившись, я стала, при свѣтѣ пробивающемся въ щели дна, рассматривать окружавшую меня обстановку. Мои два спутника лежали на той же охапкѣ соломы, съ которой я только-что всталь; немнога поодаль, на сѣй лежали наши слуги; въ иѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ на голомъ полу растянулись на спинѣ три длиннобородыи русскихъ крестьянина въ своихъ грубыхъ холщевыхъ рубашкахъ и панталонахъ; на противоположномъ краю избы, на длинной лавкѣ, дремали три женщины, также въ дневномъ одѣяніи; на печѣ лежала тоже одѣтая женщина, а подлѣ нея валилось четверо полунагихъ ребятишекъ.

Крестьяне очень жадны до денегъ; они почти всегда требовали съ насъ уплаты впередъ за каждый пустякъ и очень часто воровали. Въ Польшѣ не было надобности быть всегда насторожѣ; мы нерѣдко оставляли карету на ночь безъ присмотра; но въ Россіи приходилось оставлять на ночь въ каретѣ слугу, иначе у насъ исчезли бы вскорѣ всѣ вещи, и все-таки, несмотря на бдительность

¹⁾ Опускаемъ подробное описание всѣмъ извѣстной одежды русского крестьянина.

нашего аргуса, русские изловчались чѣмъ-нибудь попользоваться, и каждое утро оказывалось, что за ночь у насъ что-нибудь да пропало.

Крестьяне были обязаны давать намъ на каждой станціи лошадей по извѣстной довольно умѣренной таѣ; поэтому они еле шевелились и такъ какъ нашимъ единственнымъ переводчикомъ былъ прислуживавшій намъ цыганъ, съ трудомъ объяснявшійся по-русски, то они не сгѣшили исполнять его приказанія, и намъ приходилось ожидать на станціяхъ лошадей по нѣсколько часовъ. Крестьяне же исполняли обязанность ямщиковъ и почтальономъ; они обыкновенно запрягали четверку лошадей въ рядъ; припрягали къ нашей каретѣ по восьми и по десяти лошадей, такъ какъ отъ станціи до станціи было обыкновенно верстъ 20 или 30 и дороги были очень плохія. Ямщики рѣдко были обуты въ сапоги, у нихъ обыкновенно не было ни сѣдла, ни стремянъ; послѣднія замѣняла веревка, перекинутая у лошади по спинѣ. На каждую лошадь надѣвали узду, но рѣдко вкладывали ее въ ротъ; большею частью она висѣла свободно. Мы никогда неѣхали ровнымъ шагомъ, а всегда вскачъ, не обращая вниманія на то, по какой дорогѣ приходилосьѣхать; крестьяне рѣдко пускали лошадей рысью; то гнали ихъ вскачъ по самой отчаянной дорогѣ, то вдругъ задерживали ихъ и заставляли идти шагомъ по самой ровной дорогѣ. Самый обыкновенный кусокъ веревки замѣнялъ имъ кнутъ, но они рѣдко пускали его въ ходъ и погоняли лошадей, обыкновенно только покрикивая на нихъ, да посвистывая.

Въ промежутокъ между этими выкрикиваніями они распѣвали, по русскому обыкновенію, пѣсни, о чѣмъ упоминаетъ большая часть путешественниковъ, посѣтившихъ эту страну. Вслѣдствіе плохого состоянія упряжи, которая то и дѣло обрывалась и требовала починки, плохого состоянія дорогъ и безконечной задержки на почтовыхъ станціяхъ, въ ожиданіи лошадей и разныхъ другихъ случайностей, мы рѣдко могли прѣѣхать въ день болѣе сорока или пятидесяти миль; хотя и пускались въ путь до восхода солнца иѣхали до тѣхъ поръ, пока не стемнѣеть.

28 августа мы прїѣхали подъ вечеръ въ деревню Гретчево и имѣли неосторожность пойѣхать далѣе до слѣдующей станціи, до которой оставалось всего 18 миль; было очень темно, холодно, шелъ дождь; дорога была очень плоха; мы то и дѣло боялись вырнуться. Но о самой главной опасности, угрожавшей намъ на этомъ пути, мы узнали, только доѣхавъ до станціи: наши слуги рассказали намъ, что мы перѣѣхали черезъ широкій прудъ, по деревянному мосту, безъ перилъ, который былъ такъ ветхъ, что онъ

трещалъ подъ нашей каретой и до того узокъ, что одно изъ заднихъ колесъ висѣло нѣкоторое время надъ водою. Но счастье, по обыкновенію благопріятствовавшее намъ, не покинуло наскѣ и этотъ разъ, и мы прибыли цѣлы и невредимы, въ первомъ часу ночи, въ Можайскъ, гдѣ въ одномъ изъ домовъ наскѣ ожидаю превосходное рагу съ лукомъ, приготовленное нашимъ вѣрнымъ слугою, который всегда ѻхалъ впередъ и приготавлялъ намъ ужинъ и помѣщеніе. Я мало могъ сказать о Можайскѣ, такъ какъ мы приѣхали туда очень поздно и уѣхали на слѣдующій день на разсѣтѣ. Смѣнившисъ лошадей въ одномъ селѣ мы прибыли засвѣтло въ Малую Вязьму, лежащую въ лѣсу на берегу небольшого озера въ 24 миляхъ отъ Москвы, куда мы горѣли нетерпѣніемъ пріѣхать какъ можно скорѣй: тѣмъ не менѣе мы благоразумно отложили дальнѣйшій путь до другого дня, такъ какъ намъ не хотѣлось еще разъ подвергаться опасности путешествовать ночью по незнакомой мѣстности.

До Малой Вязьмы и отъ Вязьмы до Москвы дорога шла по широкой лѣсной просвѣтѣ. Въ этомъ обширномъ лѣсу, насажденномъ самой природою, росли въ перемѣжку дубы, буки, рябина, тополя, ели и сосны. Разные оттенки земли и богатая осенняя окраска деревьевъ были нескончанно красивы; великолѣпная, но нѣсколько однообразная лѣсная картина прерывалась иногда лугами и обработанными полями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ XXXVIII-й.

ОКТЯБРЬ.

1907 ГОДЪ

СОДЕРЖАНИЕ

I. История замковъ и форпостовъ судейскаго дѣла	20	иа. Власти съ Трицѣ 1806—1812 гг. Бонапартъ
II. История прошлаго года въ Нарвикѣ	27—44	Б. История
III. Илья Бутурлинъ изъ Фортуны. Генріхъ К. Ш.	45—46	IV. Русская пристань Италии въ Сицилии. Годъ 1806—1812 гг. Бонапартъ
IV. Оправданіе отъ поэмы воспоминаній Генріха II Бутурлина.	47—62	V. Илья Бутурлинъ изъ Фортуны. Генріхъ К. Ш. Бонапартъ
V. Илья Бутурлинъ изъ Фортуны. Генріхъ К. Ш. Пушкинъ. Климентъ И. И. Генріхъ К. Ш. Бонапартъ	63—64	VI. Илья Бутурлинъ изъ Фортуны. Генріхъ К. Ш. Пушкинъ. Климентъ И. И. Генріхъ К. Ш. Бонапартъ
VI. История 1812 года. Генріхъ К. Ш. Бонапартъ	65—74	VII. Илья Бутурлинъ изъ Фортуны. Генріхъ К. Ш. Пушкинъ. Климентъ И. И. Генріхъ К. Ш. Бонапартъ
VIII. Воспоминанія А. А. Савельевъ. Генріхъ К. Ш. Генріхъ К. Ш.	75—81	VIII. Илья Бутурлинъ изъ Фортуны. Генріхъ К. Ш. Пушкинъ. Климентъ И. И. Генріхъ К. Ш. Бонапартъ
IX. История польской земли Падесты. Степанъ Гардзинскій	82—83	IX. Генріхъ К. Ш. Бонапартъ
X. Воспоминанія въ Севастополѣ Генріхъ К. Ш. Генріхъ К. Ш.	84—85	X. Генріхъ К. Ш. Бонапартъ
XI. Генріхъ К. Ш.	86—87	XI. Генріхъ К. Ш. Бонапартъ
XII. Воспоминанія Ильи Павловскаго. Степанъ Гардзинскій	88—89	XII. Генріхъ К. Ш. Бонапартъ
XIII. Марина Шишкова въ роли свидѣтельницы графа Чапова	90—91	XIII. Генріхъ К. Ш. Бонапартъ
XIV. Записки графа Чапова	92	XIV. Генріхъ К. Ш. Бонапартъ

Приложение. История Николая Шипиловскаго. Бонапартъ.

Приводится подпись за "Русской Стариной" под 1902 год.

Членъ журнала Аристократъ изъ Сицилии. Годъ 1806—1812 гг.

Время при дворѣмъ римской империи. Годъ 1806—1812 гг.

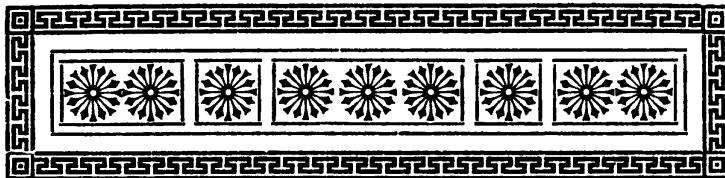
Годъ при дворѣмъ римской империи.

Годъ при дворѣмъ римской империи.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издательство «Иллюстрация», № 1, 1907

1907

По Россії и Польшѣ въ исходѣ XVIII-го вѣка.

Путевые впечатлѣнія англичанина.

1779—1785 г.г. ¹⁾.

VI.

Москва; первыя впечатлѣнія.—Общий видъ города.—Подраздѣленіе города.—Экипажи.—Дворцовый садъ.—Гостепріимство русскихъ дворянъ.—Знакомство съ историкомъ Миллеромъ.—День Александра Невского.

30 августа. Подъѣзжая къ Москвѣ, мы уже за шесть миль увидѣли верхушки колоколенъ, выступавшія изъ-за холма, въ который упиралась широкая лѣсная просѣка, по которой мыѣхали; проѣхавъ еще двѣ-три мили, мы поднялись на пригоркъ, откуда открылся предъ нами великолѣпный видъ на обширный городъ, раскинувшійся полукругомъ на огромномъ пространствѣ. Великолѣпна была картина безчисленныхъ церквей, башенъ, позолоченныхъ колоколенъ и куполовъ, бѣлыхъ, красныхъ и зеленыхъ крышъ; все это сверкало и горѣло въ лучахъ солнца, представляя изумительный контрастъ съ деревянными лачугами, которые виднѣлись между зданіями города. Мѣстность была холмистая, лѣсъ кончался за милю отъ города, смѣняясь лугами. Мы переправились черезъ Москву-рѣку по длинному плавучему мосту или парому, который былъ привязанъ къ одному и другому берегу; русские называли его живымъ мостомъ, потому что онъ подгибался подъ тяжестью экипажа. Послѣ того, какъ тщательно были осмотрѣны наши паспорта, мы вѣхали въ предмѣстье и направились въ ту часть города, которая называется Бѣлгородомъ, гдѣ мы остановились въ гостинице, содержимой однимъ французомъ. Въ этомъ домѣ бывають собранія дворянства. Намъ отвели хорошія простор-

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1907 г. сентябрь.

ные комнаты, со всѣми необходимыми удобствами, за исключениемъ кроватей и постельного бѣлья. Такъ какъ всѣ, знакомые съ обычаями этой страны, возять эти предметы съ собою, то ихъ рѣдко можно достать въ гостиницахъ. Намъ удалось, однако, выпросить у хозяина двѣ кровати съ постельнымъ бѣльемъ и одинъ матрасъ, на которомъ одному изъ насъ пришлось лечь на полу; хозяинъ могъ дать всего три простыни, изъ коихъ одна досталась на мою долю; намъ такъ давно приходилось спать на соломѣ, что все это показалось намъ необычайной роскошью, и мы благословляли свою судьбу¹⁾.

Первый изъ иностранцевъ, описавшій Москву, былъ баронъ Герберштейнъ, посланникъ императора Максимилиана, при дворѣ великаго князя Василія III, въ началѣ 16 вѣка; къ этому описанію приложена довольно грубая гравюра на деревѣ. На этой любопытной, хотя плохо выполненной гравюрѣ, изображающей планъ города, видны Кремлевскія стѣны и нѣсколько домовъ, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ до сихъ поръ.

Москва была единственной столицей имперіи до начала текущаго столѣтія, когда, къ великому неудовольствію бояръ и къ великой пользѣ государства, столица была перенесена въ Петербургъ.

Несмотря на предпочтеніе, оказанное Петромъ I Петербургу, въ которомъ жили всѣ его преемники, за исключениемъ Петра II, Москва остается до сихъ поръ самымъ многолюднымъ городомъ имперіи.

Здѣсь живутъ дворяне, не состоящіе при дворѣ императрицы; въ Москвѣ, гдѣ ихъ не затмеваетъ роскошь императорского двора, они удовлетворяютъ своей любви къ довольно грубой и дорого стоящей роскоши, въ стаинномъ духѣ помѣстнаго дворянства и окружаютъ себя многочисленной челядью.

Москва самый обширный городъ въ Европѣ; она раскинулась вмѣсть съ предмѣстьями на 39 верстъ въ окружности, но дома въ ней очень разбросаны, поэтому количество населенія не соответствуетъ ея величинѣ. Нѣкоторые русскіе авторы опредѣлаютъ число жителей въ 500.000; но это число, очевидно, преувеличено²⁾. Согласно Бюшингу, который былъ въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1770 г., въ этомъ городѣ было 708 каменныхъ и 11.840 деревянныхъ домовъ³⁾; и 151.790 жителей, изъ нихъ 85.731 мужскаго

¹⁾ Опускаемъ адѣль краткое и общезвестное описание истории основанія Москвы.

²⁾ Она занимаетъ почти такое же пространство, какъ Пекинъ, который вмѣсть съ предмѣстьями занимаетъ 40 в. въ окружности.

³⁾ Неумѣ говоритъ, что въ 1793 г. въ Москвѣ было всего 8.439 домовъ, изъ коихъ 1.382 каменные.

поля и 67.059 женщинъ,—цифра, очевидно, преувеличенная. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ Петербургской газетѣ за 1781 г., въ московскомъ уѣздѣ, въ началѣ 1780 г. было 2.178 дворовъ и число жителей равнялось 272.616 душъ, изъ коихъ 137.698 мужскаго пола и 134.918 женскаго пола. Въ томъ же году число смертныхъ случаевъ было 8.701, число рожденій 8.621; къ концу года населеніе уѣзда равнялось 277.535 душамъ (140.143 муж. и 137.392 жен.). Эти цифры болѣе точныя, нежели сообщаемыя другими авторами. Это подтверждено мнѣ однимъ англичаниномъ, недавно прѣхавшимъ изъ Москвы, который провѣрилъ эти данныя, согласно свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ отъ московскаго оберъ-полицеймейстера; въ чертѣ города проживаетъ 250.000 чel., а въ сопѣднихъ деревняхъ 50.000 ¹⁾.

Я былъ пораженъ оригинальнымъ видомъ Смоленска, но обширность и своеобразный видъ Москвы повергли меня въ величайшее изумленіе; мнѣ никогда не приходилось видѣть города, построенаго такъ неправильно, такъ своеобразно и представляющаго такие удивительные контрасты. Улицы по большей части чрезвычайно длинныя и широкія; однѣ изъ нихъ вымощены камнемъ, въ другихъ, въ особенности въ предмѣстяхъ, мостовая бревенчатая или выстлана досками, на подобіе пола; жалкіе домишкі стоять рядомъ съ огромными дворцами; подѣлъ самыхъ красивыхъ домовъ вы видите одноэтажныя лачуги. У многихъ каменныхъ домовъ деревянныя крыши; нѣкоторые деревянные дома выкрашены, у пѣкоторыхъ ворота и крыши желѣзныя. Во всѣхъ кварталахъ множество церквей, построенныхъ въ восточномъ стилѣ; купола покрыты мѣдью, оловомъ, вызолочены или выкрашены зеленою краской, крыши у многихъ церквей деревянныя. Нѣкоторыя части этого обширнаго города походятъ на безлюдную пустыню, другіе кварталы напоминаютъ густо населенный городъ; одни походятъ на жалкую деревушку, другіе на большую столицу.

Москва—чисто азіатскій городъ, перестроящающійся мало по малу на европейскій ладъ; поэтому ея дома представляютъ смѣсь самыхъ разнообразныхъ архитектурныхъ стилей. Она раздѣляется на

¹⁾ Эти цифры можно считать достовѣрными, такъ какъ по случаю устройства нового водопровода, сооруженіе котораго только-что окончено, полиціи было необходимо опредѣлить возможно точно число жителей, чтобы знать, сколько воды потребляется каждымъ семействомъ. Рихтеръ (Richter, *Skizze von Moskau*) замѣчаетъ, что «населеніе Москвы колеблется, смотря по времени года. Зимою, когда сѣѣзжаются дворяне и помѣщики, число жителей превышаетъ 300.000; лѣтомъ же, когда они разѣзжаются по деревнямъ, это число падаетъ до 200.000.

пять частей: 1. Кремль, 2. Китай-городъ, 3. Бѣлгородъ, 4. Земляной городъ, 5. Слобода или предмѣстье.

1. Кремль названъ такъ вѣроятно татарами, во время ихъ владычества надъ Москвою; отъ слова Кремъ или Кримъ, что означаетъ крѣпость. Эта средняя, самая высокая часть города, имѣть видъ треугольника и занимаетъ пространство около двухъ миль въ окружности. Она обнесена высокою стѣною, построенной изъ камня и кирпича; стѣна эта была возведена известнымъ Миланскимъ архитекторомъ Соларіо, въ 1491 г., какъ свидѣтельствуетъ о томъ надпись надъ одними изъ ея воротъ:

„Joannes Vasilii Dei Gracia Magnus Dux Volodimeriae Moscoviae Novogardie Tiferiae Plescoviae Veticie Ongarie Permiie Buolgarie et Aliar. Totius Q. Raxiae Dominus Anno Tertio Imperii Sui Has Turres Condere Fet. Statuit Petrus Antonides Solarius Mediolanensis anno Nat. Domini 1491. K. Julii.“

Читатель будетъ вѣроятно удивленъ такъ же точно, какъ и я былъ изумленъ, узнавъ, что цари приглашали иноземныхъ архитекторовъ въ то время, когда въ остальной Европѣ едва знали о существованіи ихъ страны. Кремль не обозображенъ деревянными домами; въ немъ находятся древніе царскіе терема, нѣсколько церквей, два монастыря, патриаршій домъ, полуразвалившійся арсеналъ, и одинъ частный домъ, принадлежавшій Борису Годунову, до его вступленія на престолъ ¹⁾.

2. Вторая часть города называется Китай-городъ; что, по мнѣнію нѣкоторыхъ этимологовъ, означаетъ Китайскій городъ. Вольтеръ, въ своей исторіи Петра Великаго, также утверждаетъ это, говоря, *„La partie appellée la ville Chinoise, où les garets de la Chine s'étallaient“*. Но эта часть города называлась такъ задолго до того, когда начались сношенія Россіи съ Китаемъ; наиболѣе авторитетные писатели полагаютъ, что название Китай или Китай дано этой части города татарами, въ то время, когда они властвовали надъ Москвою; (говорить, что это название происходит отъ татарского слова и означаетъ Средній городъ, т. е. лежащій между Кремлемъ и Бѣлгородомъ); въ доказательство этого приводятъ, что на Украинѣ есть городъ, также называемый Китай-городомъ, также точно, какъ и въ Подолії; однако та и другая мѣстность не были известны китайцамъ, но подверглись напшествію татаръ.

¹⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ зданій будуть описаны мною даље. Со временемъ моего посѣщенія Москвы, въ ней построено иѣсколько новыхъ домовъ, между прочимъ зданіе сената, прекрасной архитектуры, сооруженное по повелѣнію императрицы (Екатерины II).

Китай-городъ окружаетъ, съ одной стороны, Кремлевской стѣнною, которая идетъ отъ р. Москвы къ Неглинной, съ другой, менѣе высокой стѣнкою. Эта часть города гораздо больше Кремля; въ ней находятся—университетъ, типографія и многія другія общественные зданія и лавки. Большая часть зданій каменные, выбѣленныя; въ Китай-городѣ находится единственная Московская улица, сплошь застроенная домами.

3. Бѣлгородъ, окружающій обѣ выше названныя части города, названъ такъ, какъ полагаютъ, по бѣлой стѣнѣ, которой онъ былъ прежде обнесенъ и слѣды которой видны до сихъ поръ.

4. Земляной городъ, окружающій остальныя три части города, названъ такъ потому, что онъ обнесенъ землянымъ валомъ. Эти дѣй части города представляютъ любопытное собраніе церквей, монастырей, дворцовъ, каменныхъ и деревянныхъ домовъ и жалкихъ лачугъ, ничѣмъ не отличающихся отъ крестьянскихъ избъ.

5. Слобода, или предмѣстіе, окружаєтъ вышеописанныя части города и обнесена низкой стѣной и рвомъ. Помимо самыхъ разнообразныхъ зданій въ этой слободѣ находится поля, луга и нѣсколько озерковъ, изъ которыхъ вытекаетъ р. Неглинная.

По городу извивается Москва-рѣка, по которой могутъ плавать только плоты; въ земляномъ городѣ въ нее впадаетъ Язу, а въ восточной части Кремля—Неглинная; обѣ эти рѣчки лѣтомъ почти совсѣмъ пересыхаютъ.

Утромъ на другой дѣнь послѣ нашего прѣзыва, мы приказали слугѣ нанять для насъ карету на все время нашего пребыванія въ Москвѣ; онъ досталъ карету, запряженную шестеркой лошадей разной масти; кучерь и форейторъ были одѣты какъ простые крестьяне съ высокими цилиндрами на головѣ; длиннобородый кучерь въ тулуши сидѣлъ на козлахъ, а форейтора, въ грубыхъ драгетовыхъ запунахъ,—сидѣли, по здѣшнему обычаяу, верхомъ, на выносныхъ лошадяхъ. Позади кареты былъ привязанъ громаднѣйшій мѣшокъ съ сѣномъ; когда мы выразили по этому поводу свое удивленіе, то намъ сказали, что въ Москвѣ всѣ кареты берутъ съ собой запасъ сѣна, и пока баринъ сидить въ гостиахъ или обѣдаеть, лошадей кормятъ сѣномъ. Безъ этого, повидимому, дѣйствительно нельзя было обойтись, такъ какъ наши лошади были въ упряжи съ утра до поздней ночи и все время стояли на улицѣ. Во времена нашего пребыванія въ Москвѣ, намъ случалось, нерѣдко, видѣть, въ обѣденное время, что во дворахъ домовъ, где мы обѣдали, распряженные лошади мирно жевали захваченное кучерами сѣно, разбросанное на землѣ; тутъ же, на дворѣ, стояли группами кучера и форейторы и также непріятательно, какъ и ихъ скотина, утояли

свой голодъ взятой съ собою закуской. Подобные сцены до того приглядѣлись намъ, что мѣшки съ сѣномъ, которые мы таскали съ собою, перестали, наконецъ, казаться намъ чѣмъ-то необычайнымъ.

Первый нашъ визитъ въ новомъ экипажѣ былъ къ нашему банкиру, который жилъ въ слободѣ, въ разстояніи одной мили отъ нашей гостиницы. Кучеръ погонялъ по городу лошадей во всю прыть, заставляя ихъ иногда скакать галопомъ, одинаково по мощеннымъ и по не мощеннымъ улицамъ. Банкиръ былъ англичанинъ и любезно снабдилъ насъ цѣльмъ ворохомъ англійскихъ газетъ; переправившись черезъ Яузу на паромѣ, мы поѣхали отъ него въ городъ, чтобы осмотрѣть дворецъ, построенный для приема нынѣ царствующей императрицы, когда она бываетъ въ Москвѣ; это зданіе не соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ о дворцѣ; это не одно зданіе, а множество отдѣльныхъ зданій, разбросанныхъ на протяженіи нѣсколькихъ улицъ, что производить впечатлѣніе маленькаго городка и вполнѣ соотвѣтствуетъ азіатскому представленію о царскомъ величиі¹⁾. Всѣ дома на каменныхъ основаніяхъ, но камень такой мягкий, что, кажется, не выдержитъ нагрузки зданія; да и кирпичъ, изъ которого построены дома, такого плохого качества, что онъ разсыпается при прикосновеніи; постройка вполнѣ соотвѣтствуетъ материалу, ибо стѣны, во многихъ мѣстахъ, не совпадаютъ съ отвѣсной линіей.

Почти всѣ деревянныя части въ этихъ огромныхъ зданіяхъ обдѣланы при помощи одного топора. Хотя мнѣ часто приходилось видѣть, какъ работали плотники, но я никогда не видѣлъ въ ихъ рукахъ пилы: они разрѣзали топоромъ стволы деревьевъ, топоромъ же обдѣливали доски, обтесывали балки и прилагивали ихъ. Съ помощью этого простого инструмента, они задѣливали въ гнѣзда самые маленькие и самые большие бруски дерева и аккуратно выравнивали половицы. Шоразительна ловкость и вѣрность глаза, съ какою они работаютъ этимъ инструментомъ, но, очевидно, что при такомъ способѣ работы тратится неизрѣдѣльно очень много труда и дерева.

Довольно обширный садъ, разбитый подлѣ старого дворца, который былъ построенъ Елизаветой и стоялъ почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ тешерь выстроенъ новый дворецъ, поддерживается до сихъ поръ; я не видѣлъ, съ самаго отѣзда изъ Англіи, такихъ прекрасныхъ, усыпанныхъ гравіемъ дорожекъ, какъ въ этомъ саду. Кое-гдѣ видны хорошенія куртички, но большая часть сада разбита въ старинномъ вкусѣ: съ длинными аллеями подстриженныхъ тисовыхъ деревьевъ.

¹⁾ Наведъ I обратилъ въ этотъ дворецъ въ казармы на 200 чел.

евъ, длинными прямymi канавками и безчисленнымъ множествомъ безобразныхъ статуй. Фонтанъ украшенъ статуей Геркулеса, вызолоченными купидонами, дельфинами и рыбами; каждый павильончикъ представляетъ маленькой пантеонъ; въ каждомъ гротѣ притайся Аполлонъ или Диана; особенно много статуй, изображающихъ женщину, съ рогомъ изобилия, изъ которого сыплются не плоды, зерна и цветы, какъ обыкновенно, а короны, діадемы и митры. Для всѣхъ этихъ боговъ и богинь сочтены; всѣ эти съмбхотворные украшения будуть убрани по повелѣнію Екатерины и замѣнены болѣе подходящими. Дворецъ и сады находятся въ концѣ предмѣстья, виѣ черты наружной ограды, окружающей городъ.

Мы скоро привыкли къ тому, что наша карета была запряжена шестеркой лошадей, такъ какъ мы то и дѣло встрѣчали на улицахъ Москвы помѣщиковъ, разѣзжавшихъ въ экипажахъ, запряженныхъ шестеркой цугомъ. Такъ какъ городъ очень раскинутъ, то на улицахъ стоять также наемныя пролетки, которыя развозятъ жителей въ разные концы города. Эти пролетки безъ верха, по большей части четырехколесныя, либо съ одной продольной скамьею, либо съ двумя или тремя отдѣльными сидѣніями. въ родѣ кресель, поставленныхъ бокомъ: извозчики берутъ за конецъ такъ дешево, что даже прислуга, посланная съ какимъ-нибудь порученіемъ, напимаетъ ихъ, чтобы пройхать изъ одной части города въ другую. Они ъздить обыкновенно со скоростью восьми или девяти миль въ часъ.

1 сентября. Сегодня утромъ мы получили отъ графа Остермана карточку съ приглашеніемъ отобѣдать у него, 22 августа; такъ какъ это было уже 1 сентября, то слуга, подавъ намъ эту карточку, доложилъ, смѣясь, что мы приглашены на обѣдь, который уже состоялся; присовокупивъ, что онъ пытался убѣдить посланного въ томъ, что это ошибка, но тотъ настаивалъ, что 22 августа будетъ завтра.

Ошибка съ стороны нашего слуги была вполнѣ понятна; онъ не зналъ, что въ Россіи придерживаются стараго стиля, а такъ какъ мы были 22 августа въ Литвѣ, то онъ, естественно, былъ удивленъ, слыша вторично то же самое число.

Въ тотъ же день мы отправились къ управляющему губерніей князю Волконскому, къ которому имѣли рекомендательное письмо отъ русскаго посланника въ Варшавѣ, графа Штакельберга. Онъ принялъ насъ весьма любезно и пригласилъ отобѣдать съ нимъ, присовокупивъ, что во время нашего пребыванія въ Москвѣ, за его столомъ всегда будетъ накрытъ для насъ приборъ Князю шестьдесятъ седьмой годъ; онъ помнить Петра Великаго и описываетъ его, какъ человѣка огромнаго роста, въ шесть футъ, крѣпкаго

и хорошо сложенного, съ трясущейся головой, которого часто поддергивали судороги; присовокупивъ, что онъ носилъ обыкновенно зеленый мундиръ или коричневый длинный сюртукъ и замѣчательно тонкое бѣлье; его коротко остриженные черные волосы не были напудрены, и онъ не носилъ усовъ. Князь забавлялъ нась анекдотами объ этомъ великомъ монархѣ, изъ коихъ одинъ былъ переданъ ему княземъ Меншиковымъ.

Послѣ Полтавской битвы, когда его отецъ, князь Волконскій преслѣдовалъ Карла XII съ отрядомъ легкой конницы, къ нему подскакалъ адъютантъ, передавшій отъ Меншикова приказаніе остановиться; онъ повиновался, но послалъ къ князю ординарца сказать, что онъ преслѣдовалъ короля шведскаго и уже почти на-гонялъ его. Меншиковъ былъ чрезвычайно удивленъ, получивъ это извѣстіе, такъ какъ онъ никому не давалъ приказанія прекратить преслѣдованіе; его мнимаго адъютанта никто болѣе не видалъ. Такъ какъ Петръ не повелѣлъ розыскать того, кто спасъ его величайшаго врага отъ плѣна, то подозрѣвали, что онъ самъ придумалъ эту уловку, чтобы не имѣть на рукахъ плѣннаго, котораго ему не захотѣлось бы отпустить на свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ и непрѣятно было бы долго держать въ плѣну.

Ничто не можетъ сравняться съ гостепріимствомъ русскихъ. Всякій разъ какъ мы являлись къ кому-нибудь изъ нихъ съ утреннимъ визитомъ, нась оставляли обѣдать и приглашали пріѣзжать къ столу запросто; считая это простою любезностью и не желая злоупотреблять ею, мы стѣснялись пользоваться этими приглашеніями. Но вскорѣ мы узнали, что всѣ знатныя лица держали открытый столъ и всегда были рады, когда къ нимъ пріѣзжали безъ церемоніи. Князь Волконскій, въ особенности, узнавъ однажды случайно, что мы обѣдали наканунѣ въ гостиницѣ, вѣжливо пожурилъ насть, повторяя, что его столъ всегда для нась на-крыть и что въ тѣ дни, когда мы никуда не приглашены, мы его гости. Нѣть словъ передать любезность и вниманіе къ намъ доблестнаго князя: онъ не только пригласилъ насть бывать запросто, но позаботился о томъ, чтобы мы осмотрѣли всѣ достопріимѣчательности Москвы, приказалъ своему адъютанту сопровождать насть при осмотрѣ города, и такъ какъ намъ очень хотѣлось познакомиться съ извѣстнымъ историкомъ Миллеромъ, то онъ пригласилъ его вмѣстѣ съ нами къ обѣду.

Миллеръ говорить и пишетъ совершенно свободно по-немецки, по-русски, по-французски и по-латыни; и свободно читаетъ по-англійски, по-голландски, по-шведски, по-датски и по-гречески. Онъ обладаетъ до сихъ поръ изумительной памятью, и его знаком-

ство съ самыми малѣйшими подробностями русской исторіи прямо поразительно.

Послѣ обѣда этотъ выдающійся ученый пригласилъ меня къ себѣ, и я имѣлъ удовольствіе провести нѣсколько часовъ въ его библіотекѣ, въ которой собраны чутъ не всѣ сочиненія о Россіи, вышедшія на европейскихъ языкахъ; число англійскихъ авторовъ, писавшихъ объ этой странѣ, гораздо больше, нежели я думалъ. Его собраніе государственныхъ актовъ и рукописей неопредѣлимо и хранится въ величайшемъ порядкѣ.

Надобно пожалѣть о томъ, что Миллеръ, который получаетъ прекрасное вознагражденіе за свой трудъ и уже собралъ всѣ нужные материалы, не написалъ до сихъ поръ обстоятельной исторіи Россіи, и что въ виду его преклоннаго возраста другимъ придется разработать материалъ, имъ собранный. Но онъ будетъ всегда пользоваться славой, какъ за свои предшествующіе труды, такъ и за обширный материалъ, который онъ завѣщаетъ будущимъ историкамъ.

Герардъ Фридрихъ Миллеръ родился въ 1705 г. въ Герфордѣ, въ Вестфалии; получилъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ своего отца, ректора мѣстной гимназіи, Фомы Миллера; семиадцати лѣтъ сталъ посѣщать университетъ въ Лейпцигѣ. Обративъ на себя вниманіе своими успѣхами въ разныхъ отрасляхъ изящной литературы, онъ былъ рекомендованъ, на двадцатомъ году жизни, Петру Великому и опредѣленъ въ только-что основанную императорскую академію наукъ, но пріѣхалъ въ Петербургъ въ ноябрь мѣсяцѣ 1725 г. уже послѣ кончины Петра I. Екатериной I онъ былъ назначенъ адъюнктомъ академіи наукъ, читаль по-латыни исторію и географію и въ 1730 г. назначенъ профессоромъ исторіи и членомъ академіи наукъ. Въ томъ же году онъ отправился въ путешествіе по Германіи, Голландіи и Англіи и во время своего пребыванія въ Лондонѣ былъ избранъ членомъ королевскаго общества. Посланный императрицей Анной Іоанновной для изслѣдованія восточной Сибири и Камчатки, онъ отправился въ эту достопамятную экспедицію 8 августа 1733 г., въ сопровожденіи Штеллера, де Лилля, Гмелина и Крашенинникова. Неутомимый путешественникъ обратилъ вниманіе преимущественно на изученіе исторіи, географіи, древностей, нравовъ и обычаевъ народовъ и кочевыхъ племенъ, населяющихъ Сибирь, исправилъ карты тѣхъ мѣстностей, какія онъ посѣтилъ, привезъ въ большихъ городахъ въ порядокъ архивы и снялъ копіи съ главнѣйшихъ документовъ.

Неутомимое усердіе, съ какимъ онъ производилъ эти изслѣдованія, вызвало сильное нервное разстройство, вслѣдствіе чего онъ

не могъ продолжать путь со своими товарищами и просилъ позволенія вернуться обратно въ Петербургъ. Получивъ на это согласіе императрицы, онъ съ грустью разстался со своими спутниками; но оправившись, и побуждаемый любознательностью, онъ рѣшилъ продолжать свои изслѣдованія восточной Сибири, не взирая на трудности, съ какими было сопряжено путешествіе въ этой мало обитающей странѣ, и на непроѣзжія почти дороги. Онъ побывалъ въ Иркутскѣ, Охотскѣ, и добрался даже до Якутска, куда онъ пріѣхалъ въ 1736 г. Просматривая архивные документы, Миллеръ нашелъ подлинное описание путешествія русской экспедиціи по Сѣверному Ледовитому океану и Камчатскому морю и узналъ изъ этихъ документовъ, что въ истекшемъ столѣтіи русскій мореплаватель Дежневъ, выѣхавъ изъ р. Колымы, проѣхалъ по Ледовитому океану и обогнулъ с.-в. мысъ Азіи, доказавъ такимъ образомъ, что Азія и Америка раздѣлены проливомъ---вопросъ, который долгое время былъ спорнымъ и волновалъ ученыхъ. Это важное открытие побудило другихъ путешествниковъ изслѣдовать сѣверо-западные берега Америки и между прочимъ вызвало снаряженіе экспедиціи Кука.

Миллеръ возвратился въ Петербургъ, послѣ десяти-лѣтняго отсутствія, въ 1743 г. и былъ принятъ императрицей Елизаветой, оказавшей ему знаки величайшаго уваженія. Въ 1747 г. онъ былъ назначенъ, нынѣ царствующей императрицей, начальникомъ московского архива, иностранной коллегіи¹⁾.

Самый главный его трудъ, сборникъ статей, касающихся Россіи (*Sammlung russ. Geschichte*) въ 9 томахъ, содержитъ много любопытнаго: между прочимъ, свѣдѣнія о русскихъ лѣтописяхъ по сочиненіямъ византійскихъ писателей, древнимъ славянскимъ лѣтописямъ и по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ норвежскимъ историкомъ Snorro Sturlensis; разныя свѣдѣнія о калмыкахъ и запорожскихъ казакахъ; о торговлѣ и поселеніяхъ генуэзцевъ на берегу Чернаго и Азовскаго морей, о русскихъ и китайскихъ поселеніяхъ на р. Амурѣ, обѣ исторіи и торговыхъ сношеніяхъ Сибири; исторіи Россіи отъ царствованія Бориса Годунова до вступленія на престоль Михаила

¹⁾ Императрица пріобрѣла его прекрасное собраніе книгъ и рукописей за 2.000 ф. ст. Эта великая покровительница ученыхъ и писателей поручила ему привести въ порядокъ и издать, на ся счетъ, собраніе трактатовъ и договоровъ, въ родѣ изданнаго Дюмономъ „*Cours diplomatique*;“ но Миллеръ не окончилъ этого труда. Онъ скончался 16 октября 1783 года, 78 лѣть отъ рода; незадолго до его смерти, Екатерина пожаловала ему Владимірскій крестъ и почтила его память, возведя его потомство въ дворянское званіе.

Феодоровича; достопримѣчательностяхъ азіатской Россіи и азіатской Турціи; русской торговлѣ въ Китаѣ; естественно—историческія замѣтки о мѣстности между Дономъ и Днѣпромъ; свѣдѣнія о Новгородѣ, Дерптѣ, Перновѣ, Ригѣ.

Третій томъ этого интереснаго сочиненія содѣржитъ „отчетъ о путешествіяхъ и открытіяхъ, совершенныхъ русскими по берегамъ Ледовитаго океана и Восточнаго океана, въ Японіи и Америкѣ“, съ 1631 г. до окончанія экспедицій Беринга и Чирикова въ 1742 г.; изъ этой книги я почерпнуль многое для моего сочиненія объ открытіяхъ, совершенныхъ русскими.

Кромѣ вышеназваннаго труда, этотъ неутомимый и добросовѣстный изслѣдователь написалъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ много другихъ мелкихъ сочиненій, посвященныхъ исторіи и топографіи этой обширной имперіи.

10 сентября (30 августа). День Александра Невскаго, котораго въ Россіи высоко чтуть и въ честь котораго Петръ Великій установилъ орденъ, былъ отпразднованъ торжественно. Во всѣхъ Московскихъ церквяхъ отслужены обѣдни; московскій губернаторъ далъ великолѣпный обѣдь, къ которому были приглашены важнѣйшия лица изъ дворянства и духовенства.

Александръ Невскій, одинъ изъ самыхъ чтимыхъ въ Россіи святыхъ, сынъ великаго князя Ярослава, прославился въ XIII вѣкѣ, въ то время, когда его страна была на краю гибели, и ей угрожали со всѣхъ сторонъ сильнѣшіе враги. Онъ отразилъ армию шведскихъ и нѣмецкихъ рыцарей и ранилъ собственноручно короля шведскаго, на берегахъ Невы, отчего ему и дано прозваніе Невскаго. Онъ разбивалъ неоднократно татаръ и освободилъ страну отъ унизительной дани, наложенной на нее проемниками Чингисъ-хана. Онъ совершилъ за всю свою жизнь столько выдающихся подвиговъ, что невѣжественный и суевѣрный народъ сталъ считать его какимъ-то высшимъ существомъ и причислять его къ лицу святыхъ. Его личная доблѣсть засвидѣтельствована не только побѣдами, одержанными русскими при его жизни, но и многочисленными пораженіями, которыми они понесли вскорѣ послѣ его кончины.

Въ день Александра Невскаго съ ранняго утра стала доноситься со всѣхъ сторонъ громкій звонъ колоколовъ; особенно громко гудѣли колокола въ Кремлѣ, гдѣ находятся главные соборы и самые большие колокола. Въ одиннадцать часовъ мы поѣхали съ визитомъ къ князю Волконскому, у котораго, какъ у представителя губерніи, былъ въ тотъ день пріемъ: онъ былъ въ орденѣ Александра Невскаго и принималъ поздравленія отъ сѣхъ хавшихся къ нему сановниковъ и дворянъ. Отъ губернатора мы поѣхали въ Архангельскій соборъ,

къ обѣднѣй, которую служилъ архіепископъ ростовскій. Церковь была биткоемъ набита народомъ, такъ что мы съ величайшимъ трудомъ могли пробраться къ клиросу. Страшная толкотня, происходившая въ храмѣ, и сложный церемоніаль богослуженія такъ отвлекали наше вниманіе, что мы не могли слѣдить за обрядами. Мы видѣли только, что богослуженіе совершается съ особой торжественностью и великолѣпіемъ и что кромѣ обычныхъ церемоній совершились многіе праздничные обряды.

По окончаніи обѣдни, которая продолжалась два часа, мы вернулись къ князю Волконскому, у которого собралось девяносто человѣкъ приглашенныхъ къ обѣду по случаю праздника. Когда въ комнату вошелъ архіепископъ ростовскій, князь встрѣтилъ его у дверей и подошелъ къ нему подъ благословеніе; также почтительно встрѣтилъ онъ двухъ пріѣхавшихъ къ нему епископовъ; большая часть присутствовавшихъ по примѣру князя, по очереди, подходили къ нимъ подъ благословеніе. Будучи представлень архіепископу, я долго бесѣдовалъ съ нимъ на латинскомъ языкѣ, на которомъ онъ говорилъ очень свободно. Онъ повидимому уменъ, образованъ и хорошо знакомъ съ литературой; онъ читалъ произведения многихъ напіихъ духовныхъ писателей въ оригиналѣ или въ переводѣ на латинский языкъ и отзывался объ нихъ съ большой похвалою. Я задаѣлъ ему нѣсколько вопросовъ касательно богослуженія православной церкви, на которые онъ отвѣчалъ весьма любезно и съ большой готовностью.

Онъ посвящалъ меня въ подробности монастырскаго быта, когда нашъ разговоръ былъ прерванъ приглашеніемъ къ обѣду. По здѣшнему обычаю, на маленькомъ столикѣ, въ одномъ изъ угловъ столовой была поставлена водка и тарелки съ икрой, селедкой, хлѣбомъ, масломъ и сырьемъ, которыми гости закусывали передъ обѣдомъ.

За столъ сѣло около девяноста человѣкъ. За вторымъ блюдомъ, князю Волконскому подали большой стаканъ съ крышкой; онъ всталъ, снялъ крышку, передаѣлъ ее сидѣвшему подиѣ него архіепископу, налилъ въ стаканъ шампанскаго и осушилъ его за здоровье императрицы; въ это время раздался выстрѣлъ изъ орудія. Архіепископъ послѣдовалъ его примѣру, и стаканъ обошелъ такимъ образомъ присутствовавшихъ; затѣмъ съ такой же церемоніей пили за здоровье великаго князя, великой княгини и ихъ сына, великаго князя Александра, послѣ чего всталъ графъ Панинъ и предложилъ тостъ за здоровье хозяина дома, къ которому присоединились всѣ присутствовавшіе. При каждомъ тостѣ, провозглашенномъ княземъ, всѣ вставали въ знакъ почтенія и стояли, пока онъ пилъ.

VII.

Въ домѣ у графа Орлова.—Его конскій заводъ.—Булачные бои.—Загородный садъ.—Бывшій видъ московскихъ церквей.—Главный кремлевскій зданія.—Старый дворецъ.—Архивъ иностранной коллегіи.—Начало сношеній между Лондонскимъ и Московскимъ дворами.—Переписка между Елизаветой и Иоанномъ IV.—Брачные планы Иоанна IV.—Переговоры съ иностранными дворами по поводу императорскаго титула.

Во время нашего пребыванія въ Москвѣ мы часто посѣщали графа Алексѣя Орлова, который въ послѣднюю войну съ Турцией командовалъ русскимъ флотомъ въ Архипелагѣ и сжегъ турецкій флотъ въ Чесменской бухтѣ, за что ему пожалованъ титулъ Чесменского. Обычай давать людямъ прозвища за выдающіяся заслуги, оказанные родинѣ, въ подражаніе римлянамъ, соблюдался Константиномъ Великимъ и его преемниками, греческими императорами, царствовавшими въ Константинополѣ, откуда онъ былъ заимствованъ вѣроятно, русскими, которые въ старину давали подобныя же прозвища своимъ выдающимся героямъ. Такъ, великий князь Александъръ—былъ прозванъ Невскимъ за побѣду, одержанную имъ надъ шведами на берегахъ Невы, Дмитрий Иоанновичъ прозванъ Донскимъ за побѣду, одержанную надъ татарами на берегу Дона. Этотъ обычай, давно оставленный, возобновленъ нынѣ царствующей императрицей. Фельдмаршаль Румянцевъ получилъ название Задунайскаго за побѣды, одержанные имъ на берегахъ Дуная; князь Долгорукій получилъ название Крымскаго за побѣды, одержанные въ Крыму; а графъ Орловъ—название Чесменскаго, за побѣду при Чесмѣ.

Домъ графа Орлова стоитъ въ концѣ одного изъ предмѣстьевъ, на высокомъ мѣстѣ, откуда открывается великолѣпный видъ на обширную Москву и ея окрестности; нѣсколько отдѣльныхъ строеній занимаютъ довольно большое пространство. Службы, конюшни, хлѣва и прочія отдѣльно стоящія зданія построены изъ кирпича; изъ него же построено фундаментъ и нижній этажъ дома; но верхній этажъ—деревянный и окрашенъ въ зеленую краску¹⁾.

Мы явились къ графу съ рекомендательнымъ письмомъ отъ князя Станислава Понятовскаго, племянника короля Польскаго, были приняты весьма любезно и приглашены къ обѣду; графъ просилъ насъ быть какъ дома, прибавивъ, что онъ человѣкъ простой, очень уважаетъ англійскую націю и будетъ радъ оказать намъ,

¹⁾ Здѣсь многие считаютъ деревянные дома теплѣе и здоровѣе кирпичныхъ и каменныхъ, и по этой причинѣ многіе помѣщики предпочитаютъ строить изъ дерева ту часть дома, въ которой они живутъ сами.

во время нашего пребыванія въ Москвѣ, всевозможныя услуги. Мы имѣли удовольствіе обѣдать у него не сколько разъ и всегда встречали отмѣнно вѣжливый пріемъ. Графъ отличается чисто русскимъ гостепріимствомъ и держитъ открытый столъ; за обѣдомъ у него подаются разные сорта греческихъ винъ, привезенныхъ имъ изъ Архиелага. Одно блюдо, которое подавалось за его роскошнымъ столомъ, было особенно вкусно и уступаетъ только нашей лучшей дичи; это была замѣтительно жирная и сочная Астраханская баранина ¹⁾.

За обѣдомъ играла музыка, какъ это принято въ высшемъ кругу. Мы замѣтили еще одну особенность; кромѣ слугъ, во время обѣда находилось въ столовой множество челяди и приживалокъ, которые не прислуживали, но окружали стулья хозяина дома и, казалось, были въ восторгѣ, когда онъ удостоивалъ ихъ улыбкой или кивкомъ головы. Въ числѣ этихъ приживаловъ былъ армянинъ, недавно пріѣхавший съ Кавказа, который, по обычаямъ своей страны, жилъ въ палаткѣ, поставленной въ саду и покрытой звѣринными шкурами. Онъ ходилъ въ длинномъ халатѣ, подпоясанномъ кушакомъ, въ широкихъ шароварахъ и высокихъ сапогахъ; волосы были у него подѣбраны по-татарски въ кружокъ; онъ носилъ кинжалъ и лукъ, сдѣланный изъ рога буйвола, съ натянутой буйволовой жилой. Армянинъ этотъ былъ очень преданъ своему хозяину и, поступивъ къ нему добровольно, поклялся, по восточному обычаю, мстить всемъ врагамъ графа; и въ знакъ искренности своихъ словъ предлагалъ отрѣзать себѣ уши: онъ выражалъ также готовность болѣть за своего господина. Онъ съ любопытствомъ осматривалъ нашъ костюмъ и съ восторгомъ показывалъ знаками, не сколько его одежда приличиѣ нашей. Онъ танцевалъ какой-то калмыцкій танецъ, заключавшійся въ томъ, что онъ напрягалъ всѣ мускулы и продѣльвалъ всевозможныя тѣлодвиженія не двигаясь съ места; позвавъ насъ въ садъ, онъ съ особеннымъ удовольствиемъ показалъ намъ свою палатку и свое оружіе, и высоко запустилъ не сколько стрѣль. Мы были поражены непосредственностью этого армянина; онъ походилъ на дикаря, едва начавшаго цивилизоваться.

Графъ Орловъ страстный любитель верховой ѳзы и имѣть, какъ говорятъ, если не самый большой, то самый прекрасный конскій заводъ въ Россіи. Онъ былъ такъ любезенъ, что удовлетворилъ наше любопытство и повезъ насъ въ свой загородный домъ, въ пятинадцати миляхъ отъ Москвы. Мы Ѳхали въ его собственной

¹⁾ Я видѣлъ у него во дворѣ много баарановъ съ большими курдюками; они были до того ручныя, что позволяли гладить себя по спинѣ.

каретѣ, запряженной четверкой съ двумя выносными; лошади были припряженны простыми веревками; за нами, для вящшаго парада, следовала карета, запряженная шестеркою цугомъ. Графа сопровождало четверо гусарь и его армянинъ, вооруженный лукомъ и стрѣлами, который то и дѣло стрѣлялъ и размахивалъ руками, выражая величайшій восторгъ; онъ то скакалъ подѣлъ кареты, то внезапно останавливался, несся во весь духъ и появлялся по другую сторону экипажа.

Мы видѣли по пути нѣсколько большихъ монастырей, обнесенныхъ, какъ это здѣсь принято, каменными стѣнами и напоминавшихъ маленькия крѣпости. Дважды переправившись черезъ Москву рѣку, мы очутились на конецъ среди обширнаго ровнаго пространства, съ великолѣпными пастбищами, посреди котораго на холмѣ, омываемомъ рѣкою, стоялъ домъ графа, изъ оконъ котораго открывался великолѣпный видъ на равнину, орошаюю Москвой-рѣкою и обрамленную поросшими лѣсомъ холмами, по скатамъ которыхъ виднѣлись поля и луга.

Большая часть табуна, принадлежавшаго графу, паслась на лугу; у него было нѣсколько великолѣпныхъ жеребцовъ и свыше шестидесяти кобыль съ жеребятами. Тутъ были представители самыхъ отдаленныхъ странъ свѣта: Аравіи, Турціи, Татаріи, Персіи и Англіи. Арабскихъ лошадей графъ пріобрѣлъ во время своего похода въ Архипелагъ; нѣсколько лошадей было подарено ему Али-беемъ, другие были куплены или забраны у турокъ, графъ особенно цѣнилъ четырехъ лошадей (двухъ изъ нихъ мы уже видѣли у него въ Москвѣ) чистѣйшей кохланской породы, которая особенно славится въ Аравіи и представителей которой рѣдко можно встрѣтить въ другихъ странахъ.

Показавъ намъ свой табунъ и имѣніе, графъ угостилъ насъ роскошнымъ обѣдомъ; его оживленная бесѣда придала еще болѣе прелести его широкому гостепріимству. Вернувшись въ Москву, мы отправились въ небольшую деревушку, въ шести миляхъ отъ столицы, гдѣ строится для государыни загородный дворецъ Царицыно; кромѣ главнаго флигеля въ лѣсу разбросано восемь или десять домиковъ въ готическомъ стилѣ. Очень живописная холмистая мѣстность поросла лѣсомъ; у подножія холма сверкаетъ озеро.

Упомяну здѣсь кстати о чисто восточной щедрости, съ какою графъ Орловъ напомнилъ намъ внослѣдствіи о себѣ. Зимою, когда мы уже были въ Петербургѣ, лордъ Гербертъ ¹⁾ получилъ отъ него

¹⁾ Кокъ сопровождалъ лорда Герберта въ путешествіи по Россіи.

въ подарокъ одного изъ его великолѣпѣйшихъ арабскихъ жеребцовъ при слѣдующемъ письмѣ:

„My Lord, я замѣтилъ, что эта лошадь понравилась вамъ, и поэтому прошу васъ принять ее. Она подарена мнѣ Али-беемъ. Это настоящій арабскій жеребецъ колланской породы, привезенный мнѣ въ послѣднюю войну на русскихъ судахъ изъ Аравіи въ бытность мою въ Архипелагѣ. Искренно желаю, чтобы она пригодился вамъ, также какъ мнѣ, и осталось съ совершеннымъ почтеніемъ, вашъ покорный слуга, графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій“.

Въ бытность нашу въ Москвѣ, мы были приглашены однажды графомъ къ обѣду, — послѣ котораго онъ предложилъ намъ посмотреть на кулачный бой — любимое развлеченіе русскаго народа. Мы отправились въ манежъ, гдѣ уже собралось къ тому времени болѣе трехсотъ крестьянъ. Они раздѣлились на двѣ партіи; каждая выбрала себѣ предводителя, которые вызывали борцовъ и разставляли ихъ по мѣстамъ. Одновременно боролись только два человѣка. Они не снимали одеждъ, но одѣвали толстыя кожаныя рукавицы, сдѣланные изъ такой грубой кожи, что она мѣшала имъ сжать руку въ кулакъ; они нападали совершенно иначе, нежели англійскіе боксеры; выдвигая впередъ лѣвую ногу и весь корпусъ и отражая ударъ лѣвой рукой, они размахивали въ то же время правой рукою, стараясь ударить ю противника въ лицо и въ голову, но никогда не мѣтили въ грудь или въ бокъ; повидимому, они совершенно не умѣли наносить удара прямо. Если кому-либо изъ борцовъ удавалось повалить противника на землю, то онъ объявлялся побѣдителемъ, и борьба прекращалась. Въ нашу бытность въ Москвѣ мы видѣли до двадцати кулачныхъ боевъ. Нѣкоторые изъ вступавшихъ въ бой были здоровенные, сильные люди, но самый способъ вести бой былъ таковъ, что онъ не могъ кончаться увѣчьями, какъ это бываетъ въ Англіи во время бокса. Обѣ партіи видимо принимали живѣйшее участіе въ побѣдѣ своего предводителя и готовы были прийти ему на помощь, но какъ только поднимался споръ или зрителя разгорячались, графъ тотчасъ примирялъ спорившихъ, выступая въ качествѣ посредника: милостиваго слова или даже одного кинка головы было достаточно, чтобы успокоить спорившихъ. Когда графъ выражалъ желаніе прекратить бой, то крестьяне унуженно просили его удостоить ихъ своимъ присутствіемъ еще нѣкоторое время, и когда онъ изъявлялъ на это свое согласіе, они кланялись ему въ поясъ и, казалось, были довольны, словно была оказана величайшая милость.

Крѣпостные очень любятъ графа, и когда онъ подходилъ къ нимъ, то ихъ суровыя лица принимали мягкое, любящее выраженіе.

Мы совершили очень приятную поездку въ Никольское, имѣніе графа Петра Панина, выдающагося дѣятеля, который отличился въ послѣднюю войну съ турками взятиемъ Бендеръ и затѣмъ усмирилъ пугачевскій бунтъ. Его загородный домъ стоитъ среди лѣса, въ шести миляхъ оть Москвы. Онъ хотѣлъ сначала построить большой каменный домъ, по плану, набросанному его женой; но когда она умерла, этотъ планъ былъ оставленъ, и онъ довольствуется теперь уютнымъ деревяннымъ домомъ, стоящимъ на выѣздѣ изъ его имѣнія, который былъ первоначально сооруженъ временно. Службы, конюшни, каретные сараи, собачьи конуры, помѣщенія для охотниковъ и прочей челяди тянутся въ два ряда и состоять изъ отдѣльныхъ деревянныхъ домиковъ одноэтажной постройки, окрашенныхъ въ одинъ и тотъ же цвѣтъ. Садъ разбитъ въ англійскомъ вкусѣ съ хорошенькими лужайками и группами деревьевъ и большимъ прудомъ, обсаженнымъ деревьями.

Намъ было приятно видѣть, что даже въ этой отдаленной странѣ разбиваются парки и сады въ англійскомъ вкусѣ; здѣсь это весьма удобно, такъ какъ парки обширны и зелень во время короткаго лѣта развивается роскошно.

Очень многие русскіе дворяне-помѣщики держать садовниковъ-англичанъ и предоставляютъ имъ полную свободу планировать сады по ихъ собственному вкусу. Графъ большой любитель охоты и имѣть огромную свору собакъ всевозможныхъ породъ, борзыхъ и гончихъ, съ которыми онъ охотится на волковъ, лосей, лисицъ и медведей. У него есть прекрасныя борзыя русской породы, которые славятся быстротою своего бѣга; это лохматыя собаки, ростомъ выше нынѣфаундлендскихъ.

Графъ угостилъ насъ великолѣпными обѣдомъ: мы были особенно поражены количествомъ и качествомъ фруктъ, поданныхъ на десертъ: тутъ были ананасы, персики, абрикосы, виноградъ, груши, вишни, которыхъ могутъ расти въ этой странѣ только въ теплицахъ¹⁾.

Всего этого было въ изобилии. Между прочимъ были поданы превосходныя небольшія дыни, привезенные изъ Астрахани на лошадяхъ. На обонхъ концахъ стола стояли фарфоровыя вазы, въ которыхъ были посажены вишневые деревца съ листьями и плодами, вѣти были отягчены вишнями; присутствующіе срывали ихъ прямо

¹⁾ Со временемъ моего отѣзда изъ Россіи садоводство сдѣлало въ этой странѣ большия успѣхи. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Ритчеромъ, въ окрестностяхъ Москвы разводятъ въ парникахъ много ананасовъ, которые продаются по рублю штука. Одинъ датчанинъ, недавно вернувшись изъ Россіи, говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ имѣніи князя Голицына виноградъ, зрѣвшій на воздухѣ.

съ дерева; это было красиво и изящно. За десертомъ былъ поданъ оригиналный сортъ яблокъ, которыхъ разводятъ въ окрестностяхъ Москвы: цвѣтомъ и прозрачностью онъ напоминаетъ янтарь и называется здѣсь наливнымъ. Яблони, приносящія эти плоды, растутъ на открытомъ воздухѣ, не требуя особаго ухода, но будучи отсажены черенками или выращены изъ сѣмянъ въ другой мѣстности, онъ вырождаются и приносятъ уже обыкновенный сортъ яблокъ.

На возвратномъ пути изъ Никольского мы проѣхали мимо имѣнія украинскаго гетьмана графа Разумовскаго, которое походить скорѣе на маленький городокъ, нежели на загородный домъ. Въ имѣніи было сорокъ или пятьдесятъ домовъ разной величины, каменныхъ и деревянныхъ; вѣкторые были выкрашены. Графъ имѣть свою стражу, многочисленную челядь и большой оркестръ музыкантовъ. Образъ жизни и домашній обиходъ русскихъ дворянъ отличаются большой роскошью и великолѣпіемъ. Ихъ дома въ Москвѣ и въ окрестностяхъ поражаютъ своими размѣрами; мнѣ говорили, что въ подмосковныхъ имѣніяхъ и подъ Петербургомъ все обставлено еще съ большою роскошью, и помѣщики живутъ какъ владѣтельныя князья и феодальные бароны былыхъ временъ, и пользуются почти неограниченной властью надъ своими крестьянами.

Я не ожидалъ видѣть въ этой сѣверной странѣ что-либо въ родѣ загороднаго увеселительнаго сада. Онъ находится въ концѣ слободы, въ уединенномъ мѣстѣ, почти за городомъ. Мы вошли по коридору въ садъ, который былъ роскошно иллюминированъ. На случай холодной или дождливой погоды была выстроена ротонда съ иѣзолькими кабинетами для ужиновъ. Плата за входъ четыре шиллинга. Владѣлецъ этого сада англичанинъ Маттоксъ. Русскіе такъ охотно посѣщали его садъ, что онъ рискнулъ построить очень дорого стоявшій ему каменный театръ, за что онъ выхлопоталъ себѣ исключительное право на устройство спектаклей и публичныхъ маскарадовъ въ теченіе десяти лѣтъ со дня постройки театра.

Великолѣпнѣйший видъ на Москву открывается съ такъ называемыхъ Воробьевыхъ горъ, гдѣ находятся развалины большого дворца, построенаго Алексѣемъ Михайловичемъ. На обратномъ пути съ этихъ горъ, мы остановились въ Васильевскомъ, загородномъ домѣ князя Долгорукова, который стоитъ на верхушкѣ холма, у подошвы которого течетъ, огибая его, рѣка Москва, которая здѣсь шире, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; съ холма открывается роскошный видъ на обширный городъ; домъ—обширное деревянное зданіе, къ которому мы поднялись по тремъ террасамъ. Теперешній владѣлецъ этого дома, князь Долгорукій-Крымскій, означенавшій себя побѣдами надъ турками въ Крыму и завоеваніемъ этого полуострова.

Въ саду находится нѣсколько моделей крѣпостей, которыхъ были имъ осаждены и взяты, между прочимъ, модель, Керчи и Переокопа.

Осмотривая домъ, я невольно припомнилъ тѣ превратности судьбы, которыхъ постигли семейство Долгорукихъ; въ особенности разсматривая портретъ княгини Екатерины Долгорукой, жизнь которой, описанная г-жой Вигоръ¹⁾, представляетъ одну изъ самыхъ трогательныхъ страницъ „Русской Исторіи“.

Несчастная княжна, разлученная съ тѣмъ, кого она любила, была противъ воли обручена съ императоромъ Петромъ II. Послѣ его кончины она могла бы вступить на престолъ, но была арестована и провела въ заточеніи все царствованіе императрицы Анны Ioannovны. Получивъ свободу съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы, она вышла замужъ за графа Брюсса и скончалась, не оставивъ потомства.

Въ Москвѣ очень много церквей; не считая часовень, въ ней насчитываются 484 приходскихъ церкви, изъ коихъ 199 каменныхъ; остальные деревянныя; первая большою частью отштукатурены и выбѣлены, послѣднія выкрашены въ красный цвѣтъ.

Самыя старинныя церкви четырехугольныя и пятиглавыя, ихъ купола мѣдные, вызолоченные или покрыты оловомъ или же окрашены въ зеленый цвѣтъ²⁾.

Говоря о церквяхъ, нельзя не упомянуть о колоколахъ, изъ коихъ иные поражаютъ своей величиною. Колоколь на колокольнѣ Ивана Великаго вѣситъ 3.551 пудъ. Въ Россіи всегда почиталось благочестивымъ дѣломъ пожертвовать въ церковь колоколь; о на божности жертвователя судили по его щедрости. Если прилагать эту мѣрку, то самыи набожныи царемъ въ Россіи былъ Борисъ Годуновъ, пожертвовавшій въ соборъ колоколь вѣсомъ въ 288.000 пудовъ; его перешеголяла однако со временемъ императрица Анна Ioannovna, по повелѣнію которой отлитъ колоколь въ 492.000 пудовъ, превзошедшій по величинѣ всѣ существующіе колокола. Онь такихъ огромныхъ размѣровъ, что я не повѣрилъ бы рассказамъ, если бы я не видѣлъ его собственными глазами.

Такъ какъ гостиница, въ которой мы остановились, находилась подъ Кремлевской стѣнѣ, то я часто имѣлъ случай осматривать кремлевскія зданія.

Старый дворецъ, въ которомъ жили прежніе цари, стоитъ въ

¹⁾ Vigor. Letters from Russia by a Lady.

²⁾ Тутъ опущено подробное описание внутренняго расположения и устройства церкви.

концѣ Кремля. Часть дворца сохраняется въ томъ видѣ, какъ онъ былъ построенъ при Иванѣ Васильевичѣ. Съ теченіемъ времени къ нему дѣлались пристройки, безъ всякаго опредѣленнаго плана и въ самыхъ разнообразныхъ архитектурныхъ стиляхъ; такимъ образомъ получилось зданіе удивительно несообразнаго вида.

Крыша густо усажена многочисленными позолоченными стрѣлами и шариками; фасадъ украшенъ гербами всѣхъ провинцій, входящихъ въ составъ Россійской имперіи. Всѣ комнаты въ этомъ дворцѣ очень маленькия за исключеніемъ одной—Грановитой палаты, въ которой цари давали аудіенціи иностраннымъ посламъ; эта палата неоднократно была описана многими англійскими путешественниками, посѣтившими Москву до перенесенія столицы въ Петербургъ.

Этотъ дворецъ, въ которомъ цари засѣдали окруженные дворомъ со всею пышностью восточныхъ властителей, считался русскими нѣкогда зданіемъ необычайной красоты, но архитектура сдѣлала за послѣдніе годы такие огромные успѣхи, что самые обыкновенные дома дворянъ теперь несравненно красивѣе его и онъ не годится болѣе даже для временнаго пребыванія монарха.

Въ этомъ дворцѣ родился въ 1672 г. Петръ Великій; я объ этомъ упоминаю не только потому, что это событіе знаменательное въ лѣтописяхъ русской исторіи, но и потому, что сами русскіе не такъ давно еще не знали точно, где именно родился ихъ любимый герой. Эта честь приписывалась обыкновенно Коломнѣ, которая называлась поэтому русскимъ Виалемомъ; но добросовѣстный Миллеръ доказалъ, что Петръ родился несомнѣнно въ Москвѣ, въ царскомъ дворцѣ.

Я былъ весьма огорченъ тѣмъ, что мы не могли осмотрѣть такъ называемую царскую скровищницу. Такъ какъ ея хранитель только-что скончался, то дверь была опечатана, и ее нельзя было открыть до назначенія ему преемника.

Въ Кремлѣ два монастыря, одинъ женскій, а другой мужской—Чудовскій. Послѣдній извѣстенъ, какъ мѣсто заточенія Шуйскаго, откуда Шуйскій былъ отправленъ въ Польшу (1610 г.).

Женскій монастырь основанъ въ 1398 году Евдокіей, супругой великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго, сопричисленной къ лицу святыхъ и погребенной подъ алтаремъ.

Настоятельница любезно показала намъ монастырь и все заслуживающее въ немъ вниманія, поведа настѣнѣ прежде всего въ церковь, гдѣ находятся могилы царицы и царевны. Саркофаги походять на каменные гроба, поставленные на полъ рядами; нѣкоторые изъ нихъ обнесены мѣдною или желѣзною решеткою, но большинство начѣмы

не ограждено. Каждая гробница покрыта чернымъ или краснымъ бархатнымъ покровомъ, съ вышитымъ на ней крестомъ и золотой или серебряной бахромой; по большимъ праздникамъ поверхъ этихъ покрововъ кладутъ другіе, парчевые, расшитые жемчугомъ и драгоценными камнями. Настоятельница подарила мнѣ книжечку, въ которой перечислены всѣ погребенные тутъ княгини. Послѣ того, какъ мы осмотрѣли могилы, богатыя священническія ризы и образа, украшавшіе стѣны, настоятельница пригласила насъ въ свои комнаты. Она пошла впередъ; поднявшись по лѣстницѣ и войдя въ переднюю, она стукнула два или три раза о полъ своей палкой съ ручкой изъ слоновой кости; тотчасъ запѣлъ хоръ изъ двадцати монахинь, которыхъ пѣли гимны все время, пока мы тутъ находились, напѣть былъ довольно пріятный. Въ соседней комнатѣ былъ поданъ чай; столъ былъ уставленъ маринованными селедками, соленой рыбой, сыромъ, хлѣбомъ, масломъ и печеньемъ; игуменья сама подносила намъ шампанское и ликеры. Послѣ чая она повела насъ въ кельи монахинь, изъ коихъ многія были заняты вышиваньемъ облаченія для московскаго архиепископа.

Монахини носятъ длинныя черныя платья и длинныя черныя вуали и клюбуки; настоятельница была въ черномъ шелковомъ платьѣ. Монахини не ёдятъ мяса, а питаются рыбой, яйцами и овощами. Въ другихъ отношеніяхъ правила этого монастыря не очень строги, и монахинямъ разрѣшается иногда посѣщать городъ.

Я уже говорилъ о томъ, какое множество въ Москвѣ церквей, въ Кремль, на небольшомъ пространствѣ я насчиталъ ихъ восемь. Две изъ этихъ церквей, Успенскій и Архангельскій соборы замѣчательны, первый какъ мѣсто коронованія царей, а второй какъ мѣсто ихъ погребенія. Оба собора построены въ одномъ стилѣ; хотя архитектурѣ приходилось сообразоваться съ требованіями, предъявляемыми къ церквамъ, тѣмъ не менѣе они построены довольно изящно, хотя слишкомъ высоки по сравненію съ шириной.

Г. Миллеръ любезно предложилъ сопровождать насъ въ Китайгородъ, гдѣ находится государственный архивъ; это огромное каменное зданіе съ нѣсколькими громадными сводчатыми комнатами съ желѣзными полами. Эта архивъ, въ которомъ хранится безчисленное множество государственныхъ бумагъ, былъ сложенъ въ ящикахъ и валялся, какъ никакуда негодная вещь, до тѣхъ поръ, пока нынѣ царствующая императрица (Екатерина II) не повелѣла разобрать его и привести въ порядокъ. Миллеръ, которому это было поручено, расположилъ всѣ документы въ хронологическомъ порядке, и ихъ теперь можно разсмотрѣть безъ труда. Они хранятся въ отдельныхъ комнатахъ, въ которыхъ ведутъ стеклянныя двери; бумаги, касаю-

щіяся Россіи, расположены по губерніямъ, къ которымъ онъ относится; надъ каждой комнатой надписано название губерніи. Въ такомъ же точно порядкѣ расположены рукописи, относящіяся къ иностраннымъ державамъ, всѣ бумаги распределены по разнымъ отдѣленіямъ съ соотвѣтствующими надписями: Польша, Швеція, Англія, Франція, Германія и проч. Меня интересовали главнымъ образомъ бумаги, касающіяся моей родины. Самая ранняя переписка между монархами Англіи и Россіи относится къ половинѣ 15 вѣка и возникла по поводу ходатайства англійской торговой компаніи, поселившейся въ Россіи, о дарованіи ей исключительныхъ правъ для торговли въ Московскому государству. Самый старинный изъ этихъ документовъ—собственноручное письмо Филиппа II Маріи къ Ивану Васильевичу IV, съ извѣщеніемъ о получении письма, посланного въ Англію съ русскимъ посланникомъ Осипомъ Непѣмъ и благодарностью за разрѣшеніе англичанамъ свободной торговли въ Россіи. Въ этомъ собраніи хранится грамота, дарованная царемъ англійскимъ купцамъ, и рядъ писемъ, полученныхъ имъ отъ Елизаветы; большинство этихъ документовъ опубликованы въ „Hackluyt's Voyages“: въ одномъ изъ нихъ, помѣченномъ 18 мая 1570, Елизавета, въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, предлагала Ивану Васильевичу пріютъ въ Англіи, на тотъ случай, если бы онъ былъ вынужденъ оставить Россію по причинѣ внутреннихъ смутъ. Это письмо подписано Елизаветой въ присутствіи членовъ ея тайного совѣта: въ числѣ подпись я видѣлъ имена Бэкона, Лейчестера и Сесія.

Одни историки утверждаютъ, что Иванъ Васильевичъ питалъ къ королевѣ Елизаветѣ такое уваженіе, что искалъ даже ея руки; но Кэмденъ говоритъ, что онъ хотѣлъ жениться на Аннѣ Гастингсъ, дочери графа Гентингдона, поэтому я полюбопытствовалъ познакомиться съ относящейся къ этому перепиской. Что касается переговоровъ о бракѣ между царемъ и Елизаветой, то въ архивѣ нѣть по этому поводу никакихъ документовъ; но я нашелъ нѣкоторыя любопытныя подробности относительно предполагавшагося брака съ леди Гастингсъ.

Первая мысль объ этомъ бракѣ была подана докторомъ Робертомъ Джакобомъ, который былъ присланъ Елизаветой, по просьбѣ царя, въ Москву. Джакобъ, зная о желаніи царя вступить въ бракъ съ какой-нибудь иностранной принцессой, сталъ превозносить красоту и совершенства леди Анны Гастингсъ, которую онъ называлъ племянницей королевы и дочерью владѣтельного принца, и сумѣлъ вну什ить царю страстное желаніе домогаться ея руки, несмотря на то, что онъ только-что вступилъ въ пятый бракъ съ Маріей Нагой. Царь, воспаманившись его рассказами, отправилъ въ Англію важ-

наго боярина, Григорія Писемского, просить руки Анны Гастингсъ. Согласно даннымъ ему инструкціямъ, онъ долженъ быть вслѣдъ за аудіенціей у королевы добиться свиданія съ принцессой, просить ея портрета и собрать свѣдѣнія относительно ея общественнаго и семейнаго положенія; ему было поручено просить о томъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ быть посланъ въ Москву посолъ, уполномоченный заключить брачный договоръ. Если бы на сдѣланное предложеніе возражали, что Иванъ женатъ, то послу велѣно было отвѣтить, что такъ какъ царь женатъ на подданной, то онъ воленъ развестись съ нею: а если бы ему задали вопросъ, какъ будутъ обезпечены дѣти леди Гастингсъ, то онъ долженъ быть отвѣтить, что престолъ наследуетъ Феодоръ, но что ея дѣти будутъ щедро одарены.

Получивъ эти инструкціи, Писемскій отправился въ Лондонъ, получилъ аудіенцію у Елизаветы, видѣлъ Анну Гастингсъ, которая только-что оправилась отъ оспы, досталъ ея портретъ и возвратился въ Москву въ 1588 г. въ сопровожденіи англійскаго посланника, Джерома Буеса. Послѣдній, человѣкъ очень своенравный, на первой же аудіенціи прогнѣвилъ царя несдержанностью своихъ рѣчей и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не былъ уполномоченъ заключить брачный договоръ, а могъ только выслушать предложеніе царя и передать его королевѣ. Царь, не привыкшій къ проволочкамъ, заявилъ, „что ничто не можетъ помѣшать ему взять въ жены кого-либо изъ подданныхъ ея величества, что онъ снова отправить въ Англію послу съ порученiemъ привести ему оттуда жену, присовокупивъ, что если ея величество послѣ вторичнаго посольства не пришлетъ ему такую жену, какъ онъ хочетъ, то онъ самъ пойдетъ въ Англію, возьметъ съ собой казну и женится тамъ на комъ-нибудь“. Буесъ, дѣйствуя вѣроятно согласно даннымъ ему инструкціямъ, всячески старался разстроить бракъ съ Анной Гастингсъ: онъ не только не отозвался обѣ ней въ благопріятномъ смыслѣ, но говорилъ обѣ ней совершенно равнодушно и отрицаль ея родство съ королевой, сказавъ, довольно пренебрежительно, что „такихъ племянницъ у королевы много“. На томъ дѣло кончилось; съ смертью царя, скончавшагося въ слѣдующемъ году, всѣ переговоры были прерваны.

Изъ документовъ, хранящихся въ этомъ архивѣ, видно, что переписка между англійскимъ и русскимъ дворами, начавшаяся при Иванѣ IV, не прекратилась съ его кончиною. Дружба, возникшая между обоями дворами, оказалась столь прочной, что Карль I послалъ Михаилу Феодоровичу отрядъ войска подъ командою полковника Сандерсона, въ помошь противъ польского короля Владислава; а Алексѣй Михайловичъ снабдилъ Карла въ то время, какъ онъ очень нуждался, деньгами и зерномъ. Послѣднее письмо нашего несчаст-

наго короля къ Алексѣю Михайловичу, помѣченное 1 июня 1648 г., было написано на островѣ Вайтѣ изъ Carisbrook castl'я, гдѣ Карль содержался въ тюрьмѣ. Я видѣлъ также письмо Карла II къ царю отъ 16 сентября 1649 г., коимъ онъ сообщалъ о казни своего отца; оно было привезено въ Москву лордомъ Кюлпеншеромъ.

Во время правленія Кромвеля, Алексѣй Михайловичъ поддерживалъ все время переписку съ изгнаннымъ изъ Англіи Карломъ II. Онъ говорилъ, что монархи должны были стать на защиту Карла I и не поощрять подданныхъ къ мятежу противъ короля, поддерживая узурпатора. Руководствуясь этими принципами, онъ отказывался нѣкоторое время ¹⁾ отъ всякихъ сношеній съ Кромвелемъ; въ этомъ архивѣ нѣть ни одного письма, которое бы свидѣтельствовало о перепискѣ Кромвеля съ царемъ.

Съ реставраціей Карла II возстановились дружескія отношенія между обоими дворами; и такъ какъ послѣ этого число депешъ, полученныхъ изъ Англіи, было такъ велико, что понадобилось бы нѣсколько дней на то, чтобы внимательно изучить ихъ, то я не имѣлъ возможности удовлетворить своего любопытства. Въ этихъ бумагахъ заключаются всѣ трактаты, договоры, вся дипломатическая и торговая переписка, происходившая между Англіей и Россіей; если бы они были опубликованы въ хронологическомъ порядкѣ съ соответствующими историческими примѣчаніями, то это былъ бы весьма любопытный матеріалъ къ исторіи сношеній этихъ двухъ странъ.

Я едва успѣлъ бѣгло осмотрѣть многочисленные государственные акты, относящіеся къ другимъ европейскимъ державамъ; хранитель архива обратилъ мое вниманіе на одинъ документъ величайшей важности для исторіи Россіи; а именно на знаменитое письмо германскаго императора Максимилиана I къ Василию Ioанновичу, писанное на нѣмецкомъ языкѣ, коимъ онъ подтверждалъ заключеніе договора противъ польского короля Сигизмунда.

Это письмо, помѣченное 4 августа 1514 г., къ которому приложена печать золотой буллы, замѣчательно тѣмъ, что Максимилианъ титууетъ въ немъ Василия императоромъ и самодержцемъ всей Россіи. Этотъ документъ, найденный барономъ Шафировомъ въ архивѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, подалъ Петру I впервые мысль принять императорскій титулъ, чѣмъ повело къ безчисленнымъ пере-

¹⁾ Я говорю „нѣкоторое время“, ибо хотя въ московскомъ архивѣ нѣть, насколько я помню, ни одной депеши отъ Кромвеля къ царю, но не подлежитъ сомнѣнію, что впослѣдствіи Алексѣй Михайловичъ вѣрь переписку съ нимъ и даже изъявилъ однажды согласіе принять его пословъ въ Москву.

говорамъ; впослѣдствіи ученые долго спорили о томъ, какъ измѣнялся титулъ, который носили русскіе монархи. Въ древнія времена они носили титулъ великихъ князей; Василій Ioannовичъ первый принялъ титулъ царя, что на славянскомъ языке означаетъ короля; а Петъръ Великій принялъ титулъ повелителя или императора. Иностранные дворы въ своей перепискѣ съ московскимъ дворомъ давали русскимъ монархамъ безъ разбора титулъ великаго князя, царя и императора. Что касается Англіи, то Ченслеръ, описывая свое путешествіе въ Россію, называетъ Ивана Васильевича самодержцемъ и императоромъ всея Россіи; этотъ титулъ давался ему въ англійскихъ дѣпешахъ въ царствованіе Елизаветы и Анны. Надобно однако замѣтить, что европейскія державы, давая московскому царю императорскій титулъ, отнюдь не понимали его въ томъ смыслѣ, какой придавали ему по отношенію къ императору германскому; они давали ему этотъ титулъ какъ азиатскому властителю, подобно тому, какъ мы говоримъ: китайскій или японскій императоръ. Поэтому, когда Петъръ I задумалъ принять императорскій титулъ, то ему легко было доказать, что европейскія державы давали этотъ титулъ его предшественникамъ, но когда онъ захотѣлъ титуловать его въ европейскомъ смыслѣ, то это было сочтено за новшество и повлекло за собою такие продолжительные переговоры, какихъ было бы достаточно для проведения самого важнѣйшаго государственного дѣла. Послѣ многихъ проволочекъ и возраженій, великия державы согласились, наконецъ, въ 1722 г. титуловать русскаго монарха императоромъ, не считая это нарушеніемъ прерогативъ прочихъ коронованныхъ особъ Европы.

Многіе авторы писали ошибочно, что англійскій посланникъ, лордъ Витвортъ, вскорѣ послѣ Полтавской битвы, обращаясь къ Петру Великому, далъ ему, по повелѣнію королевы Анны, титулъ императора въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Нижеслѣдующее извлеченіе изъ дѣпеши лорда Картерета къ сэру Шаубу, англійскому посланнику въ Парижѣ, служитъ опроверженіемъ этого, и я привожу его, здѣсь, такъ какъ оно можетъ пролить на этотъ вопросъ нѣкоторый свѣтъ. Соединенные штаты Америки и король прусскій признали, въ 1711 г., за Петромъ право на императорскій титулъ, но Лондонскій и Парижскій дворы не изъявили на это своего согласія. Во время происходившихъ по этому поводу переговоровъ статсъ-секретарь лордъ Картеретъ обмѣнялся нѣсколькими дѣпешами съ англійскими посланниками въ Парижѣ, кардиналомъ Дюбуа и сэромъ Шаубомъ.

„Кардиналъ“, пишеть лордъ Картеретъ въ одной изъ своихъ дѣпешъ къ сэру Шаубу, отъ 2 января 1721 г., „полагаетъ, что

царя можно было бы титуловать императоромъ, не нарушая этимъ прерогативъ прочихъ державъ".

„Король (Георгъ I) нашелъ, что кардиналъ отвѣтилъ очень умно на требование, предъявленное царскими послами относительно императорского титула. Мы будемъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ въ полномъ согласіи съ его высокопреосвященствомъ, а чтобы дать ему тѣ разъясненія, какія ему желательно получить относительно переговоровъ, происходившихъ между великобританскимъ правительствомъ и царемъ по поводу титула, то я посыпаю вамъ выписку изъ архивныхъ документовъ, которую прошу сообщить ему. Московские послы неправы, утверждая, что этотъ титулъ данъ царю какъ удовлетвореніе въ дѣлѣ Матвѣева. Совершенно достовѣрно, что въ то время не было сдѣлано въ этомъ отношеніи никакой перемѣны.

(Выписка): „Стиль, которымъ короли Великобританіи писали московскимъ царямъ, былъ изслѣдованъ вплоть до царствованія королевы Елизаветы. Оказывается, что эти письма писались всегда на англійскомъ языкѣ и что эта королева

въ 1559 г. титуловала царя emperor (императоръ) и highness (величество).

„ 1616 г. Король Іаковъ I писалъ emperor и majesty (величество)

„ 1633 г. Король Карлъ I

„ 1666 г. Король Карлъ II

„ 1687 г. Іаковъ II и Вильгельмъ III писали emperor

„ 16^{89/90} г. и imperial majesty (императорское величество)

„ 1707 г. Королева Анна писала до 1707 г. emperor и imperial majesty, а съ этого года начала писать commander etc, и т. д. и czaric majesty (царское величество)

„ 1708 г. Въ 1708 г., 19 июля и 19 сентября, commander и imperial majesty (императорское величество), а 9 ноября того же года emperor и imperial majesty. Въ 1709, 1710, 1711 г.—emperor и imperial majesty.

„ 1712, 1713, 1714 гг.—emperor и czarscan, czarish и imperial majesty, то и другое и нѣрѣдко czarish и imperial majesty (царское и императорское величество) въ одномъ и томъ же письмѣ.

„ 1714 г., 27 сентября, въ письмѣ, извѣщавшемъ о восшествіи короля на престолъ, было написано emperor и your majesty (императоръ и ваше величество), а въ нѣсколькихъ послѣдующихъ письмахъ czarish или imperial majesty (ваше величество).

Вотъ полный титулъ:

To the most high, most potent, and most illustrions, our most dear brother, the great lord czar, and great-duke, Peter Alexejewitz, of all the Greater, Lesser, and white Russia, Self-Upholder of Muscovia, Kiovia, Ulodomiria, Novogardia, czar of Cažan, czar of Astrachan, czar of Siberia, lord of Plexoe, and great-duke of Smolensks, Tueria, Ugoria, Permia, Viatky, Bulgaria, and others, lord and great-duke of Novogardia, and of the Lower Countries of Czernegorsky, Resansky, Rosstovesky, Ierolsave, Beloozersky, Udorsky, Obdorski, Condinski, and emperor of all the Northern Coasts, lord of the Lands of Iversky, Cartilinsky, and Gruzensky, czar of the Lands of Caberdinsky, and duke of the Mountains, and of many other Dominions and Countries, East, West, and North, from Father, and from Grandfather, Heir, Lord and Conqueror.

Лордъ Картеретъ, въ письмѣ къ кардиналу Дибуа, пишеть: Король легко придетъ къ соглашенію съ его христіанѣйшимъ величествомъ, чтобы сдѣлать все, что ваше высокопреосвященство сочтете нужнымъ относительно *новаго титула*, на которомъ настаетъ царь, чтобы дѣйствовать вполнѣ согласно, дабы подать этому монарху надежду, что его желаніе будетъ исполнено, и тѣмъ снискать его расположение и получить возможность извлечь пользу изъ его честолюбія. Января 30-го, 1721 г.

Въ депешѣ къ сэру Шаубу Картеретъ сообщаетъ: Здѣсь обыкновенно принято писать московскимъ царемъ на веленевой, раскрашенной и золотообрѣзной бумагѣ, на каковыхъ пишутъ императорамъ Феца и Марокко и нѣкоторымъ другимъ неевропейскимъ государямъ, которые въ виду этого обычая также имѣли бы основаніе настаивать на императорскомъ титулѣ. Никто не хотѣлъ отступать отъ установившагося обычая, хотя московиты усиленно о томъ хлопотали во время посольства лорда Витворта въ Москву. Посланникъ все время уклонялся отъ отвѣта и не хотѣлъ брать на себя сдѣлать это предложеніе. Онъ сказалъ имъ, что безъ труда можетъ дать этотъ титулъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ; но не совѣтовалъ имъ возбуждать этого вопроса и пытаться выяснить слишкомъ подробно, въ какомъ именно смыслѣ будетъ данъ этотъ титулъ. Московиты примирились въ то время съ этимъ. Когда на лорда Витворта и на адмирала Норриса было возложено порученіе къ царю въ Амстердамъ, то имъ были даны секретныя вѣрительныя грамоты, въ которыхъ царь титуловался просто *votre majesté* (ваше величество); русскіе министры выразили вначалѣ по этому поводу нѣкоторое недоумѣніе, но не настаивали на этомъ. (Эти выписки сдѣланы изъ государственныхъ бумагъ сэра Шауба,

хранящихся въ рѣдкой и обширной коллекціи графа Гардвига, который извѣстенъ какъ человѣкъ просвѣщенный, готовый подѣлиться своими свѣдѣніями).

Въ (московскомъ) архивѣ хранится тринадцать томовъ дневниковъ, замѣтокъ и другихъ собственноручныхъ рукописей Петра Великаго; эти бумаги свидѣтельствуютъ о неусыпной заботливости, съ какою этотъ великий монархъ записывалъ самыя мелочныя обстоятельства, кои могли быть ему полезны при осуществленіи его обширныхъ плановъ, направленныхъ къ цивилизациѣ страны и расширенію ея границъ.

Недавно Миллеръ опубликовалъ нѣсколько писемъ и документовъ, которые значительно освѣщаются дѣянія этого монарха и служатъ поразительнымъ доказательствомъ его настойчивости и упорства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ВСЕМЬЯСЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXVIII-й.

ДЕКАБРЬ.

1907 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНИЕ:

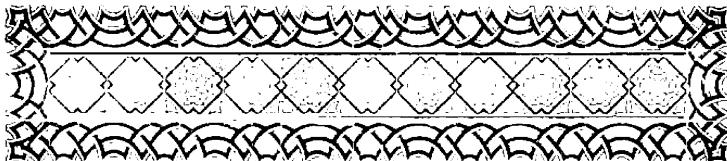
I. Леонард Эйлеръ. Ольга д'Агульо и сношения между ними въ время его рождения. Сообщ. Проф. А. А. Соколовъ. 467—506	II. Изъ замѣтокъ и воспоминаний судебного дьяка Сообщ. А. И. Колы. 507—523	III. Забытый фельдмаршалъ. (Очеркъ фельдмаршала изъ жизни по русской армии въ войну 1877—1878 гг., на Балканскомъ полуостровѣ). Сообщ. А. Соколовъ. 525—545	IV. Русский дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтия. (Изъ записокъ кн. Адама Чарторыйскаго) Сообщ. Б. Веневитиновъ. 546—562	V. Въ истории 1812 года. Сообщ. Н. Затворницкий. 563—575	VI. Въ филиппинскомъ вопросѣ. (Замѣчаніе по проектируемому основанию актовъ Великаго Княжества Филиппинского: "Формы правилъ" въ "Соглашении о границахъ", выработанному особомъ учрежденіемъ по Высочайшему повелѣнію 7-и марта 1856 г., ко времени въ г. Галесвиферѣ). Сообщ. Н. А. Г. 577—598	VII. Изъ прошлаго П. Нарышкина. 599—619	VIII. Въ воспоминаніяхъ о графѣ Федорѣ Федоровичѣ Берѣ. Сообщ. Е. Антроповъ. 621—640	IX. Предки И. С. Тургенева. Сообщ. Н. Гутцадъ. 647—661	X. По Россіи въ Польшу въ исходѣ XVIII-го вѣка. 663—675	XI. Николай Иван. Костомаровъ и его деятельности во времена ссылки въ Саратовъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Сообщ. И. И. Наринская. 676—678	XII. Къ истории сношений Россіи съ Ватиканомъ, въ царствованіи Алексія Михайловича. Сообщ. В. Т. 679—703	XIII. Знаки французской вольности. Сообщ. М. Куралкова. 705—706	XIV. Орудіяности прежніего русскаго масонства. Сообщ. Тирь Соколовская. 707—718	XV. Замѣтки о Пушкинѣ. Сообщ. Н. Лернеръ. 721—727	XVI. Записки графа Сперанскаго "Объ усовершенствованіи народнаго воспитанія". Сообщ. Н. А. Алешишинъ. 729—735	XVII. Изъ записокъ книжки "Русской Старинѣ":
а) Оригинальная раззолюція епископа Чигиринскаго Порфирия. Сообщ. А. Грибовъ. 524
б) "Кромѣ того" (Эпиграфъ изъ царствования Петра Азовскаго II). Сообщ. Е. Каминскій. 576
в) Шуточное пригласительное шестистишіе Я. И. Ростовцева. Сообщ. Н. Глинкъ.
Сообщ. Михаилъ Соколовъ. 620
г) Жизненный курьезъ. Сообщ. И. К. 662
д) Эпиграмма на дореформенный судь. Сообщ. А. Б. 704
е) Крайне экономный министръ. Сообщ. А. Е. К. 718—720
ж) Записки, сдѣланные со словъ покойнаго ген.-ад. Александра Михайловича Рилькова. Сообщ. Н. И. 724 | XVIII. Указательъличныхъимѣнъ въ "Русской Старинѣ" за 1907 годъ 1—106 | XIX. Библиографическая листокъ (на оберткѣ) |
|---|--|---|--|--|--|---|--|--|---|--|--|---|---|---|---|--|---|---|

Вложены: портретъ Леонарда Эйлера.—При этой книѣ привато-тесъ для иностранныхъ подписаніковъ обѣда въ журнале "Нива".

Принимается подписка на "Русскую Старину" на 1908 годъ.

Пріемъ по зданію редакціи по помѣщенню въ четвертакъ отъ 1-го до 3-го провозглашеннія

pawet.net

По Россіи и Польшѣ въ исходѣ XVIII-го вѣка.

Путевые впечатлѣнія англичанина.

1779—1785 г.г.¹⁾.
(Окончаніе).

VIII.

Посвѣщеніе университета.—Каталогъ греческихъ рукописей.—Продажа готовыхъ срубовъ.—Быстро, съ какою строятся деревянные дома.—Поѣздка въ Троицкую Лавру.—Наши заключенія по пути.

Зъ архива мы отправились въ университетъ, который находится въ Китай-городѣ; онъ основанъ по инициативѣ графа Шувалова императрицей Елизаветой Петровной, и разсчитанъ на 600 студентовъ, которымъ дается помѣщеніе и полное содержаніе отъ казны. Насъ приняли съ большимъ почетомъ директоръ и профессора и повели насъ въ типографію. Она въ то время работала и при насъ отпечатали нѣсколько листовъ, на англійскомъ и русскомъ языкахъ, которые намъ поднесли на память, какъ образчикъ русского книгопечатанія; на одномъ изъ нихъ было напечатано слѣдующее:

„Сie тисненіе печати Россійской поднесено высокопочтенійшему лорду Герберту въ его путешествованіи чрезъ Россію съ капитаномъ Флойдомъ и господиномъ Коксомъ въ то время, когда они удостоили своимъ благосклоннымъ посвѣщеніемъ императорскій Московскій университетъ. Сентября 1 дня 1778 года“.

Изъ типографіи мы прошли въ университетскую библіотеку, которая содержитъ очень ограниченное число книгъ. Прощаясь со мною, директоръ подарилъ мнѣ грамматику татарскаго языка и каталогъ греческихъ рукописей, находящихся въ книгохранилищѣ

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1907 г.

Св. Синода и годовое расписание лекцій, читаемыхъ въ Московскомъ университѣтѣ, подъ заглавиемъ: „Catalogus praelectionum publicarum in Universitate caesarea Mosquensi habendarum“¹⁾.

Каталогъ греческихъ рукописей, хранящихся въ синодальной библіотекѣ, озаглавленъ: „Notitia codicium manuscriptorum Graecorum Bibliothecarum Mosquensium sanctissimae Synodi Ecclesiae orthodoxae Graeco-Russicae, cum variis anecdotois, tabulis aeneis et indicibus locupletissimis. Edit Christianus Fredericus Matthaei, gymnasorum Universitatis Mosquensis rector. Mosquaе, typis Universitaris. Anno 1776“. Онъ составленъ ученымъ нѣмцемъ, изъ Лейпцига, Маттаемъ, ученикомъ знаменитаго Эрнесті. Приглашенній въ Москву императрицей Екатериной II, онъ читаетъ лекціи въ университетѣ. Вскорѣ по приѣздѣ въ Москву, онъ занялся греческой литературой и разобралъ любопытную коллекцію греческихъ рукописей, хранящихся въ синодальной библіотекѣ, большая часть коихъ собрана по указанію патріарха Никона Арсениемъ,—монахомъ изъ Аѳонскаго монастыря.

Такъ какъ каталогъ этихъ рукописей, изданный первоначально по повелѣнію Петра Великаго, былъ составленъ весьма неточно, то князь Потемкинъ, большой любитель древней письменности, предложилъ Маттай выполнить эту работу въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Маттай выпустилъ въ 1776 г. первую часть своего труда, содержащую подробное описание 51 рукописи, съ критическими къ нимъ примѣчаніями. Имъ описанъ обстоятельно весь материалъ, на основаніи котораго писалась каждая рукопись, когда и кѣмъ она была написана, ея содержаніе, число страницъ и пр.

Предполагается издать, такимъ образомъ, съ небольшими промежутками полный каталогъ рукописей, но такъ какъ эта работа займетъ вѣсколько лѣтъ, то Маттай издалъ пока сокращенный каталогъ, съ соотвѣтствующимъ предисловіемъ.

Москва составляетъ центръ внутренней торговли Россіи. Почти вся торговля сосредоточена въ Китай-городѣ, гдѣ согласно обычаю, существующему въ Россіи, какъ и въ большей части государствъ Востока, всѣ лавки и склады сосредоточены въ одномъ мѣстѣ.

Среди достопримѣчательностей Москвы надоѣно упомянуть о рынкѣ, гдѣ торгуютъ готовыми домами. На одномъ изъ предмѣстій, подъ открытымъ небомъ разставлены на землѣ совсѣмъ готовые

¹⁾ Программа эта не приводится Коксомъ цѣликомъ о нѣкоторыхъ предавателяхъ онъ не упоминаетъ вовсе, фамиліи другихъ перевираетъ и вообще его извлеченіе настолько сбивчиво, что оно не представляеть интереса, поэтому мы его опускаемъ.

дома. Кому нуженъ домъ, тотъ отправляется на этотъ рынокъ, заявляетъ о томъ, сколько ему нужно комнатъ, осматриваетъ срубы и сторговываетъ подходящій домъ, и либо перевозитъ его самъ на мѣсто, либо покупаетъ его съ условиемъ, что домъ будетъ перевезенъ и поставленъ на мѣсто. Можетъ показаться невѣроятнымъ, что такимъ образомъ домъ можетъ быть купленъ, перевезенъ на мѣсто и приспособленъ для жилья въ теченіе одной недѣли; это дѣлается такъ просто потому, что такие дома представляютъ не что иное, какъ простые срубы и ихъ, по перевезеніи на мѣсто, остается только скрѣпить.

Впрочемъ, столь упрощеннымъ способомъ строятся не однѣ избы; и болѣе обширные деревянные дома съ красивыми фасадами строятся съ такой быстротою, которая поражаетъ иностранца.

Замѣчательнымъ примѣромъ такой быстрой постройки можетъ служить зданіе, сооруженное во время послѣдняго посѣщенія Москвы Императрицей Екатериной II. Ея Величество выразила желаніе остановиться въ домѣ князя Голицына, который считается самымъ благоустроеннымъ домомъ въ столицѣ; но такъ какъ онъ былъ слишкомъ малъ для помѣщенія государыни и ея свиты, то недѣль въ шесть, не болѣе, была сооружена деревянная пристройка, превосходившая размѣрами самый домъ, съ цѣлымъ рядомъ великолѣпныхъ комнатъ. Это зданіе, сооруженное съ быстротою молнии, оказалось столь красиво и удобно, что материалъ, изъ котораго онъ сооруженъ, былъ употребленъ впослѣдствіи на постройку императорскаго загороднаго дворца, стоящаго на небольшой возвышенности въ окрестностяхъ города.

Я видѣлъ въ Москвѣ остроумное приспособленіе, устраиваемое съ цѣлью не допускать скопленія толпы въ случаѣ бунта или для остановки уличного движения при пожарахъ, весьма частыхъ въ городѣ, гдѣ большая часть домовъ деревянные и мостовая бревенчатая. Въ началѣ улицы устанавливается особаго вида рогатка т. наз. chevaux-de-frize (Spanischer Reiter); одинъ конецъ ея вращается на оси, а другой скользить по колесу; подлѣ нея стоитъ будка для часового. Какъ только начинается народное волненіе или на улицѣ собирается большая толпа, рогатку тотчасъ запираютъ и движеніе на улицѣ прекращается моментально.

Въ Россіи такъ распространена игра въ шашки, что въ бытность мою въ Москвѣ, гдѣ бы мнѣ ни случалось быть въ гостиахъ, я видѣлъ вездѣ играющихъ въ шашки; проходя по улицѣ, нерѣдко случалось видѣть купцовъ или простолюдиновъ, которые играли около своихъ лавокъ или у воротъ домовъ. Играютъ иногда вчетверомъ, для чего имѣются болѣе длинныя доски съ большими

числомъ квадратовъ. Мнѣ говорили, что эта игра труднѣе обыкновенной, но болѣе интересна¹⁾.

Намъ не хотѣлось уѣхать изъ Москвы, не видавъ Троицкой Лавры, известной въ лѣтописяхъ русской исторіи, какъ мѣсто убѣжища русскихъ царей во время народныхъ волненій.

Такъ какъ монастырь этотъ находится въ сорока миляхъ отъ Москвы, то мы вѣдѣли подать почтовыхъ лошадей въ пять часовъ утра, надѣясь вернуться въ тотъ же день. Мы разсчитывали, что намъ будетъ вполнѣ достаточно для этой поѣздки одного дня, но въ незнакомой странѣ постоянно случаются разныя препятствія, которыхъ человѣкъ, не знающій мѣстныхъ обычаевъ, не въ состояніи предусмотрѣть; незнакомство съ разными мелочами, которыхъ можно было бы устраниить, если бы мы были лучше освѣдомленными, причинило намъ не мало непріятностей и заставило насъ пробыть въ дорогѣ не одинъ и не два, а цѣлыхъ три дня.

Мы встали въ пять часовъ; но вышла задержка изъ-за почтовыхъ лошадей, которыхъ намъ дали съ большимъ трудомъ, несмотря на то, что подорожная была подписана губернаторомъ, и мы надѣдали станиценному смотрителю, посыпая къ нему одного посланаго за другимъ. Дѣло въ томъ, что такъ какъ плата за почтовыхъ лошадей не велика, то ихъ владѣльцы могутъ съ большей выгодой употреблять ихъ для другихъ надобностей, и поэтому иностранца конечно заставляютъ ждать, если только съ нимъ не єдетъ русскій солдатъ, который заставитъ стационарного смотрителя исполнить требованія путешественниковъ. Наши знакомые очень совѣтовали намъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ и, надобно сознаться, что мы поступили весьма необдуманно, пренебрегши ихъ совѣтомъ, о чемъ впослѣдствіи очень сожалѣли.

Прождавъ лошадей цѣлыхъ девять часовъ, мы были счастливы, когда въ два часа по полудинѣ, намъ были наконецъ поданы лошади. Усѣвшись въ карету, мы надѣялись доѣхать безъ остановки до первой почтовой станціи, гдѣ мы должны были смѣнить лошадей, но ямщикъ, отѣхавъ четыре версты, остановился въ первой же деревнѣ и наотрѣзъ отказался везти насъ далѣе. Напрасно показывали мы ему подорожную; онъ утверждалъ, что она даетъ намъ право только получать лошадей отъ деревни до деревни; основываясь на этомъ, онъ безъ дальнѣйшихъ церемоній уѣхалъ обратно

¹⁾ Здѣсь опущено описание воспитательного дома, о которомъ Коксъ отзывается съ восторгомъ, такъ какъ описание это приведено дословно въ его статьѣ „Тюрьмы и госпиталя въ Россіи въ XVIII вѣкѣ“, см. „Русская Старина“, 1907 г. юль, стр. 34—36.

въ Москву. Цѣлыхъ два часа пришлось намъ употребить на то, чтобы, при помощи нашего переводчика-цыгана, убѣдить крестьянъ дать намъ лошадей; они довезли насъ опять только до ближайшей деревни, гдѣ снова пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ, спору и обѣщаніямъ.

Такимъ образомъ, споря и ссорясь,ѣхали мы отъ деревни до деревни,—которыя, къ несчастью, были довольно часты въ этой мѣстности, и только къ полуночи добрались до деревни Клизмы, въ 17 верстахъ отъ Москвы, гдѣ переночевали въ одной избѣ. Такъ какъ нашъ слуга употребилъ большую часть почти на переговоры съ крестьянами, убѣждая ихъ дать намъ по утру лошадей, то намъ удалось выѣхать на другой день чуть не на рассвѣтѣ и къ восьми часамъ утра мы были въ Бретовщинѣ, на полпути къ Лаврѣ.

Тутъ насъ ожидалъ курьеръ князя Волконского, любезно посланный имъ впередъ, чтобы приготовить намъ лошадей и сопровождать насъ до монастыря: опытъ предыдущаго дня заставилъ насъ вполнѣ оцѣнить эту любезность.

Въ Бретовщинѣ мы осматривали дворецъ, построенный Алексѣемъ Михайловичемъ, въ которомъ онъ часто жилъ; это продолговатое одноэтажное зданіе, окрашенное въ желтый цвѣтъ, состоять изъ ряда небольшихъ, низкихъ комнатъ. Въ этомъ дворцѣ (если только онъ заслуживаетъ этого названія) долгое время никто не жилъ. Императрица Екатерина II, которой понравилось мѣстоположеніе дворца, рѣшила, въ память отца Петра Великаго, построить тутъ новый большой каменный дворецъ, для котораго уже заготовлены материалы.

Вернувшись въ деревню, мы приказали подать лошадей и были очень довольны, когда наше приказаніе было немедленно исполнено; нашъ военный спутникъ оказался намъ весьма полезнымъ, ибо какъ только начинались обычныя препирательства и брань между крестьянами, онъ тотчасъ пускалъ въ ходъ свое оружіе, и его способъ убѣжденія оказался краснорѣчивѣе самыхъ трогательныхъ нашихъ увѣщаній. Мужики видимо привыкли къ подобного рода внушеніямъ, такъ какъ они переносили ихъ терпѣливо и крайне добродушно; ямщикъ, получивъ тумака, садился на козлы и принимался какъ ни въ чёмъ не бывало пѣть и посвистывать.

Троицкая Лавра походить издали на небольшой городокъ и, подобно многимъ монастырямъ, обнесена высокими каменными стѣнами съ башнями, въ которыхъ продѣланы амбразуры для ружей и пушекъ. Все укрѣпленіе обнесено глубокимъ рвомъ.

Кромѣ монастырскихъ келій, въ оградѣ Лавры находится царскій дворецъ и девять большихъ церквей, сооруженныхъ различ-

ными царями. По бокамъ двора тянутся кельи, въ настоящее время слишкомъ просторныя для братіи, которой было прежде до 30-человѣкъ.

Дворецъ, куда русскіе цари часто наѣзжали въ то время, когда Москва была столицею, невеликъ; въ одной изъ комнатахъ лѣпнинъ украшения изображаютъ главный дѣянія Петра Великаго. Всѣ девять церквей великолѣпны; главный куполъ собора позолоченъ; четырѣ другія меньшія главы покрыты листовымъ жалѣзомъ, окрашеннымъ въ зеленую краску. Мы поднялись на новую колокольню, построенную при императрицѣ Елизавѣтѣ Петровнѣ, въ довольно красивомъ стилѣ. Съ нея открывается обширный видъ на окрестную холмистую мѣстность, усыпанную деревнями.

Такъ какъ архимандрита не было дома, то намъ не удалось осмотрѣть библіотеку, о чѣмъ мы очень сожалѣли, ибо по описанію Бюшинга она содержитъ весьма любопытную коллекцію книгъ.

IX.

Тверь, отстраивающаяся послѣ пожара.—Штрафъ, наложенный на баржи.—Небрежность русскихъ кузнецовъ.—Вышній Волочекъ.—Частоколы.—Гуртовщики.—Характеръ мѣстности и населеніе Новгородской губерніи.—Любовь народа къ пѣню.—Грустное впечатлѣніе, произведенное Новгородомъ.—Дорога отъ Новгорода до Петербурга.

Мы оставили Москву 14 сентября. Мѣстность, по которой намъ пришлосьѣхать, кое-гдѣ поросла лѣсомъ. Переночевавъ въ деревнѣ Парской, какъ обыкновенно въ крестьянской избѣ, мы взяли за слѣдующее утро свѣжихъ лошадей въ Клину, лежащемъ на широкой рѣкѣ Сестрѣ. Эта деревня недавно выгорѣла, и крестьяне вновь отстраивались; по близости мы видѣли пильную яму,—вещь столь необычайную въ этой странѣ, что нельзѧ было не обратить на нее вниманія. Миновавъ заводы, мы переправились черезъ небольшую рѣчку и очутились вскорѣ на берегу Волги. На слѣдующее утро, увидавъ, что одно изъ колесъ нашего экипажа готово было разсыпаться, мы оставили его на попеченіе нашего слуги и наняли кибитки, въ которыхъ наложили для насъ сѣна. Послѣ довольно утомительного пути мы добрались до гор. Твери, расположенной очень красиво на высокомъ берегу Волги.

Тверь раздѣляется на старый и новый городъ. Старый городъ лежащий по ту сторону Волги, состоитъ изъ деревянныхъ избъ. Новый городъ, до огромнаго пожара, истребившаго его въ 1763 г., былъ немногимъ лучше, но теперь обстраивается на деньги, пожертвованныя императрицей, по новому плану, набросанному однимъ

извѣстнымъ архитекторомъ; на казенный счетъ построены дома для губернатора, епископа, зданіе суда, биржа, тюрьма и другія общественные зданія; всякому, желающему построить каменный домъ, выдается на двѣнадцать лѣтъ безпроцентная ссуда въ размѣрѣ 300 ф. ст. (3.000 руб.). Такимъ образомъ раздано въ ссуду до 60.000 ф. ст.; до сихъ поръ возвращена только третья часть этой суммы. Широкія, длинныя улицы расходятся изъ центра радиально: каменныя выштукатуренные дома очень красивы. Пока отстроена только часть нового города; когда распланировка его будетъ окончена, то онъ будетъ представлять два восьмиугольника, къ которымъ идеть не сколько улицъ, пересѣкающихся подъ прямыми углами; эта часть города могла бы служить украшеніемъ самой богатой и цивилизованной страны.

Въ Твери есть духовная семинарія на 600 воспитанниковъ. Въ 1776 г. по повелѣнію императрицы основана школа для дѣтей мѣщанскаго сословія на 200 учениковъ, а въ 1779 г. открыть дворянскій институтъ.

Тверь благодаря своему положенію при слияніи двухъ рѣкъ, по которымъ товары идутъ изъ Сибири и изъ южныхъ губерній въ Петербургъ, ведетъ значительную торговлю. На Волгѣ и на Тверцѣ мы видѣли довольно много судовъ. Въ 1776 г. мимо Твери прошло 2.537 барокъ; въ 1777 г.—2.641; среднимъ числомъ ихъ проходитъ ежегодно около 2.550. Барки эти плоскодонныя и строятся изъ новыхъ досокъ только на одно плаваніе; въ Петербургъ онѣ продаются на сломъ.

Я уже говорилъ, какъ много дерева тратится въ Россіи даромъ отъ того, что тутъ существуетъ обычай обдѣльывать доски только при помощи топора. Корабельные плотники работаютъ однимъ топоромъ, также какъ крестьяне: для того, чтобы заставить ихъ употреблять другіе инструменты, былъ изданъ указъ, въ силу котораго всякое судно, проходящее мимо Твери, облагается штрафомъ въ 60 р., если въ немъ хоть одна доска будетъ обдѣлана топоромъ. Въ первый годъ по изданію этого указа было собрано 600.000 р. штрафа, во второй—15.000; въ третій 1.000, а на четвертый годъ ничего. Такимъ образомъ благодаря этой остроумной мѣрѣ, корабельные плотники научились работать пилою, которая, по всей вѣроятности, войдетъ со временемъ въ употребленіе у обыкновенныхъ плотниковъ и у крестьянъ.

Развитіе торговли замѣтно отразилось на благосостояніи города. Въ немъ насчитываютъ въ настоящее время 10.000 жителей; населеніе губерніи также замѣтно увеличилось. Это служить нагляднымъ доказательствомъ того, какую пользу принесъ странѣ новый

сводъ законовъ. Онъ былъ введенъ впервые въ Тверской губерніи, и она уже воспользовалась его плодами.

Такъ какъ Тверь большой городъ, то мы полагали, что намъ хорошо починять экипажъ, и что намъ удастся хоть два или три дня дѣхать безъ остановки. Положившись на искусство русскаго кузнеца, мы выѣхали въ шесть часовъ вечера, предполагая, что доѣдемъ часа въ четыре до ближайшей станціи, гдѣ мы предполагали ночевать; но, проѣхавъ всего 10 верстъ, мы замѣтили, что наше колесо не только не было укрѣплено, но напротивъ расхлябалось еще больше. И намъ пришлось остановиться въ маленькой деревушкѣ, гдѣ одинак нико не могъ починить намъ колеса и даже нельзѧ было достать сальной свѣчки, чтобы смазать ось, которая постоянно загоралась: такъ какъ до ближайшаго мѣстечка, гдѣ можно было достать новое колесо, оставалось 60 верстъ, то мы благоразумно рѣшили вернуться въ Тверь. Я утѣшалъ себя тѣмъ, что эта задержка дала намъ возможность лучше изучить городъ и его окрестности. Мы остановились въ той же самой гостиницѣ, содержимой кѣмцемъ, изъ которой мы только-что уѣхали. Она помѣщалась въ одномъ изъ вновь отстроенныхъ прекрасныхъ каменныхъ домовъ, но въ ней не было никакой мебели и даже кроватей.

На слѣдующій день мы совершили очень пріятную прогулку въ окрестностяхъ города и не разъ останавливались, чтобы полюбоваться на прелестный видъ нового города, горделиво возвышавшагося за крутъ берегу Волги.

Сентября 19. Пріобрѣти, наконецъ, новое колесо, мы отправились въ путь послѣ полудня и къ вечеру были въ Торжкѣ. Это большой, раскинутый городъ, состоящій преимущественно изъ деревянныхъ лачугъ и нѣсколькихъ каменныхъ общественныхъ зданій, построенныхъ за послѣднее время на казенные средства.

Хотя Торжокъ находится всего въ 40 verstахъ отъ Твери, но мы считали большімъ счастьемъ, что намъ удалось дѣхать до него безъ приключений. Но на другой день намъ не повезло: у нашей злополучной кареты сломалась ось, и мы должны были снова пересѣсть въ кибитку, въ которой дѣхали до Вышняго-Волочка.

Селеніе Вышній-Волочекъ, наименованное городомъ императрицей Екатериной II и получившее довольно значительныя привилегіи, уже начало процвѣтать — жители, освобожденные отъ крѣпостной зависимости, занялись торговлею. Въ Волочекѣ всѣ зданія деревянныя, за исключеніемъ судебныхъ учрежденій, построенныхъ на деньги, данныя Императрицей.

Починивъ свой экипажъ, мы выѣхали 26 числа изъ Вышняго-Волочка по длинной гати, проложенной по обширнымъ болотамъ, гдѣ

на каждомъ шагу встрѣчались полуразвалившіеся мосты безъ перилъ. Здѣсь я видѣлъ нѣсколько деревень, полей и садовъ, обнесенныхъ деревянными частоколами, высотою около двѣнадцати футъ, которые представляли живописное зрѣлище. Обычай огораживать деревню частоколомъ существуетъ издавна; есть старый, уже отмѣненный законъ, предписывавшій крестьянамъ, подъ страхомъ наказанія кнутомъ, обносить города и деревни частоколами. До изобрѣтенія пороха эти частоколы играли роль защиты противъ разбойничихъ набѣговъ татаръ, и такъ какъ русскій народъ очень приверженъ къ старииннымъ обычаямъ, то этотъ обычай сохранился до сихъ порь.

Мѣстность, по которой мыѣхали, на довольно большомъ пространствѣ была болотистая, поросшая лѣсомъ; деревни стояли на песчаныхъ возвышеностяхъ, выступавшихъ изъ болота. Мы переночевали въ Холиловѣ, небольшой деревушкѣ, незадолго передъ тѣмъ выгорѣвшей почти до тла. Нѣтъ ничего удивительнаго, что пожары составляютъ тутъ обычное явленіе, такъ какъ всѣ избы деревянныя и большая часть крестьянъ, подобно крестьянамъ въ Польшѣ, употребляютъ, вместо свѣчей, длинныя лучины, съ которыми они расхаживаютъ по всему дому и ходятъ даже на съноваль, не сблюдая ни малѣйшей осторожности. На слѣдующее утро оказалось, что вслѣдствіе крайне плохой дороги, наше новое колесо опять грозило развалиться, и мы были вынуждены остановиться, чтобы починить его.

24 числа, послѣ полудня, мы прїехали въ Бронницу, деревню, лежащую на берегу Мсты, въ 20 верстахъ отъ Новгорода, и остановились въ домѣ священника, который ничѣмъ не отличался отъ прочихъ избъ, но былъ чистый и уютный, такъ какъ въ немъ была печь. Священникъ былъ одѣтъ не върасѣ, а въ крестьянской рубахѣ, отличающейся отъ крестьянъ только своими длинными волосами. Онъ, его жена и вся семья были заняты приготовленіемъ икры изъ рыбы, которая ловится въ большомъ количествѣ во Мстѣ.

Въ разстояніи двухъ верстъ отъ деревни, среди равнины возвышается полуокруглый песчаный холмъ, подошва которого была усыпана кусками краснаго и сѣраго гранита. На этомъ холмѣ стоять каменная церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ языческія времена стоялъ идолъ.

Мы видѣли по пути многочисленныя стада быковъ, которыхъ гнали въ Петербургъ, по большей части изъ Украины. Во время этого долгаго пути погонщики рѣдко заходятъ ночевать куда-либо въ дома: ихъ скотъ кормится, пощипывая траву по бокамъ дороги; въ дурную погоду они не имѣютъ куда укрыться отъ непогоды и ищутъ защиты подъ деревьями. Вечеромъ царящая кругомъ ти-

шина нарушалась мычаниемъ быковъ и пѣснями погонщиковъ; мракъ лѣсовъ освѣщался пламенемъ многочисленныхъ костровъ, вокругъ которыхъ сидѣли и лежали погонщики: одни варили кушанье, другие спали на голой землѣ. По одеждѣ и манерамъ они походили на кочующую орду татаръ.

Дорога отъ Москвы до Петербурга, на протяженіи 500 верстъ, тянулась по прямой линіи въ видѣ лѣсной просѣкы и производила своимъ однообразіемъ томительное впечатлѣніе. По обѣимъ сторонамъ дороги лѣсъ былъ расчищенъ шаговъ на 40 — 50; изрѣдка попадались деревни.

Дорога была устлана бревнами, уложенными поперекъ и скрѣпленными по серединѣ и по бокамъ длинными жердями, прибитыми деревянными гвоздями; на эти стволы набросаны вѣтви, и все это засыпано пескомъ или землею. Только-что исправленная дорога замѣчательно хороша, но когда бревна подгибаютъ или вдавятся въ землю, а песокъ и землю снесетъ дождемъ, то образуются многочисленные ухабы, и легче себѣ представить, нежели описать, какіе толчки получаетъ экипажъ, подыгивая по обнаженнымъ бревнамъ. Дорога во многихъ мѣстахъ представляеть непрерывный рядъ рѣтвинъ и ухабовъ, какихъ мнѣ не приходилось видѣть на самой плохой мостовой.

Деревни на этомъ пути очень похожи одна на другую и состоять изъ одной улицы съ деревянными избами, хорошо приспособленными для здѣшняго суроваго климата. Всѣ дома имѣютъ продолговатую форму; къ избѣ неизмѣнно примыкаеть сарай съ наѣсомъ.

Насколько я замѣтилъ, въ Россіи крестьяне почти не имѣютъ кроватей; во всѣхъ избахъ, въ которыя я входилъ, я видѣлъ всего на всего двѣ кровати, и на каждой изъ нихъ лежало по двѣ женщины. Вся семья спитъ обыкновенно на полу, на полатяхъ или на печкѣ, съ которой свѣшиваются ихъ ноги и голова; намъ, никогда не видавшимъ подобнаго зрѣлища, ежеминутно казалось, что они свалятся на полъ. Въ тѣсной избѣ жило иногда до двадцати человѣкъ, чтѣ при жарко натопленной печи дѣляло комнату невыносимо жаркой; эту жару и удушающее зловоніе едва можно было переносить. Дѣло обстояло еще хуже въ курныхъ избахъ, гдѣ къ тяжелому запаху присоединяется дымъ. Когда мы отворяли дверь, чтобы освѣжить избу, то врывалась такая струя холоднаго воздуха, что мы предпочитали жару и духоту рѣзкому сѣверному вѣтру.

Въ каждой избѣ были подвѣшены къ потолку, по серединѣ, со судь со св. водой и лампада, которую зажигаютъ по большинству праздникамъ; иконы, грубо написанные на деревѣ, большою частью не имѣли никакого человѣческаго подобія.

Въ обращеніи другъ съ другомъ крестьяне, въ этой мѣстности, очень вѣжливы, при встрѣчѣ тотчасъ снимаютъ шапки и кланяются. Разговаривая, они сильно размахиваются руками, а въ разговорѣ съ людьми, выше ихъ стоящими, держать себя очень унизительно и низкопоклонно: встрѣтивъ барина, они кланяются въ поясъ и иной разъ даже стукаются лбомъ о землю. Мы бывали поражены, когда намъ оказывали такого рода чисто восточные знаки почтенія, не только нищіе, просившіе милостыни, но даже дѣти, а иной разъ и взрослые крестьяне.

Въ наружности новгородскихъ крестьянъ наскѣ поразила съ перваго взгляда толщина ихъ ногъ, но потомъ оказалось, что помимо двухъ паръ шерстяныхъ чулокъ, они укутываютъ ноги, лѣтомъ и зимою, шерстяными и холщевыми онучами, въ нѣсколько аршинъ длиною, и на все это натягиваютъ еще громадные сапоги.

Крестьяне тутъ хорошо одѣты и хорошо питаются: обычную ихъ пищу составляютъ ржаной хлѣбъ, — изрѣдка бѣлый, овощи, грибы, разнаго рода пироги, свинина, соленая рыба, похлебка, сильно приправленная лукомъ и чеснокомъ. Особенно поразило наскѣ огромное количество употребляемыхъ тутъ грибовъ; въ каждой избѣ ихъ были большиe запасы; рынки были ими завалены.

Отсталость русского народа отъ всѣхъ другихъ европейскихъ націй поражаетъ самаго поверхностнаго наблюдателя; однако, по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Петербургу, деревни становились несравненно лучше тѣхъ, какія мы видѣли по пути отъ Смоленска до Москвы: избы были просторнѣе, лучше устроены, окна большихъ размѣровъ, курныхъ избъ меньше, но, несмотря на эти несомнѣнныe знаки усиливающейся цивилизаци, наскѣ поражали также признаки самаго грубаго варварства.

Во время моего путешествія я былъ пораженъ удивительной любовью русского народа къ пѣню. Крестьяне, исполнявшіе обязанность ямщиковъ, взобразившись на козлы, тотчасъ начинали напѣвать и пѣли, не переставая, нѣсколько часовъ; ямщики поютъ отъ начала станціи до конца; солдаты поютъ во время похода; крестьяне поютъ во время работы; кабаки оглашаются пѣснями; не разъ, среди вечерней тишины, я слышалъ, какъ неслись пѣсни изъ окрестныхъ деревень.

Около Бронницы мы переправились черезъ Мсту на паромѣ, склоненному кое-какъ изъ семи или восьми бревенъ, на которомъ едва помѣщался экипажъ и пара лошадей; проѣхавъ нѣсколько верстъ по довольно болотистой мѣстности, мы увидѣли наконецъ Новгородъ. Издали онъ показался намъ очень красивымъ значительнымъ городомъ, благодаря множеству церквей и монастырей, но наши ожиданія не оправдались.

Ни одинъ городъ не производилъ на меня такого грустнаго впечатлѣнія, какъ Новгородъ,—по сравненію съ его бывшымъ величиемъ.

Въ настоящее время городъ обнесенъ землянымъ валомъ и старыми башнями въ правильномъ другъ отъ друга разстояніи. Валъ занимаетъ незначительную окружность, но и тутъ многіе пустопорожней земли и нежилыхъ домовъ. За валомъ виднылись разбросанные монастыри и церкви, древній княжескій дворъ, и другія зданія, входившия въ черту обширной слободы, которая тянулась на нѣсколько верстъ, но въ данное время болѣе не существуетъ. Две половины города, Торговая и Софійская, соединяются мостомъ, на половину каменнымъ, на половину деревяннымъ. Торговая сторона представляетъ собою безформенную массу деревянныхъ зданій и отличается отъ обыкновенной деревни только огромнымъ числомъ каменныхъ церквей и монастырей,—печальныхъ памятниковъ былого величія и благосостоянія Новгорода. Между тѣмъ какъ плохо обработанные поля, обнесенные высокимъ частоколомъ, и большія пространства земли, поросшія крапивой, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о настоящемъ упадѣ города. Каменное зданіе, на краю города, возвѣгнутое казною подъ канатную и парусную фабрику, и нѣкоторыя другія кирличныя постройки казались особенно великолѣпными по сравненію съ окружающими лачугами.

На Софійской сторонѣ находится соборъ св. Софіи, старый архиепископскій домъ, съ лѣстницей, придѣланной снаружи, новый дворецъ, еще не оконченный постройкою, и нѣсколько другихъ каменныхъ зданій; все остальное пространство представляетъ пустынью поросшій крапивой и сорными травами съ развалившимися зданіями.

Хозяинъ гостиницы, въ которой мы остановились—немецъ; его гостиница небольшая, но хорошо обставлена, съ кроватями, что составляетъ тутъ необычайную роскошь, которую мы съ трудомъ могли найти даже въ Москвѣ. Такъ какъ наша карета очень поломалась въ дорогѣ, то мы оставили ее въ Новгородѣ и продолжали путь въ кибиткахъ.

Дорога отъ Новгорода до Петербурга шла лѣсомъ по ровной и однообразной мѣстности, нигдѣ не было видно ни прагорка, ни долинки, и весьма мало возвѣланныхъ полей. Унылое однообразіе лѣсистой мѣстности прерывалось изрѣдка деревнями и отдельно стоящими домами. Послѣдняя деревня на этомъ пути, Ижора, где мы смѣнили лошадей, имѣла самый жалкій видъ, хотя она лежала всего въ 20 верстахъ отъ столицы; кругомъ тянулась такая же

унылая, мало населенная мѣстность, какою мы ъха. все время. Но когда, верстахъ въ десяти отъ Ижоры, мы свѣдли вправо, картина мгновенно преобразилась; лѣсъ смѣнился обработанными полями, появились жилые дома, тряская дорога смѣнилась превосходнымъ просе съ гранитными верстовыми столбиками, а въ концѣ длинной просѣки виднѣлся Петербургъ—предметъ нашихъ давнихъ желаній и конецъ нашихъ странствованій!

